

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО “Ишимский государственный педагогический институт
им. П.П. Ершова”

ГОУ ВПО “Тюменский государственный университет”
филиал ГОУ ВПО “Тюменский государственный университет”
в г. Заводоуковске

Е.П. ЕРМАЧКОВА

**ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ
В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ
(1861-1913 гг.)**

Монография

Ишим
2010

ББК 74.03(253)
УДК 37(571.1)
Е 72

Печатается по решению редакционно-издательского совета ИГПИ им. П.П. Ершова.

Научный редактор:

Ю.П. Прибыльский, доктор исторических наук, профессор.

Рецензенты:

В.Г. Истомина, доктор исторических наук, профессор;

Н.И. Загороднюк, кандидат исторических наук, доцент.

Ермачкова, Е.П.

Е 72

Образование и просвещение в западносибирской деревне (1861-1913 гг.): моногр. / Е.П. Ермачкова. – Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. – 192 с.
ISBN 978-5-91307-135-4

Монография представляет собой первую в отечественной историографии работу, предметом исследования которой является образование и просвещение сельского населения западносибирской деревни в период с 1861 по 1913 гг. Новизна исследования подтверждается тем, что в научный оборот введено более двухсот архивных источников, которые характеризуют особенности развития образовательного процесса региона.

Исследование расширяет представление отечественной науки о жизни западносибирского населения в дореволюционном прошлом, позволяет восстановить объективную картину развития образования и просвещения среди сельских жителей региона. Изучение позитивного опыта и прогрессивных традиций образования и просвещения имеет важное практическое значение при составлении социально значимых программ развития региона.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, краеведов, работников учреждений культуры, студентов и учащихся школ. Собранный материал может быть полезен при создании обобщающих трудов по истории Сибири и разработке спецкурсов по педагогике, краеведению, истории и культурологии.

ББК 74.03(253)

УДК 37(571.1)

ISBN 978-5-91307-135-4



785913 071354

© ГОУ ВПО «Ишимский
государственный педагогический
институт им. П.П. Ершова», 2010
© Ермачкова Е.П., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Введение	6
Глава I. Формирование и развитие образовательного комплекса в регионе	17
1.1. Учебные заведения общего образования	17
1.2. Конфессиональные школы	38
1.3. Профессиональное образование	58
Глава II. Роль просвещения в развитии культуры сельского населения и способов ведения хозяйства	75
2.1. Деятельность сельских библиотек и очагов культуры	75
2.2. Просветительская деятельность церкви в укреплении духовного и нравственного здоровья верующих	98
2.3. Распространение знаний о ведении земледелия и кустарной промышленности на селе	119
Заключение	130
Библиографический список	134
Приложение	150
Список сокращённых слов	165
Именной указатель	166

ПРЕДИСЛОВИЕ

Длительный противоречивый болезненный процесс адаптации сельского населения к рыночной экономике и конкурентной борьбе, воспитание образованных, культурных, рачительных, предприимчивых тружеников сельского хозяйства требует тщательного и всестороннего учёта позитивного и негативного опыта прогрессивных традиций предшествующих поколений. Современная западносибирская деревня унаследовала вековой поучительный опыт приобщения сельского населения к образованию, просвещению, научно-техническим знаниям, рациональным методам организации сельскохозяйственного производства, который заслуживает серьёзного изучения, адекватной интерпретации, целесообразного применения. В этой связи избранная Еленой Петровной Ермачковой проблема исследования представляется весьма актуальной, своевременной и значимой.

Работа кандидата исторических наук Е.П. Ермачковой базируется на совокупности многообразных достоверных и содержательных печатных и рукописных источников, раскрывающих и характеризующих сущность исследуемой проблемы. Она подвергла системному анализу более 200 научных и научно-популярных трудов предшественников, ввела в научный оборот документы и материалы, выявленные в тридцати фондах государственных архивов Омской, Томской и Тюменской областей, г. Тобольска; в рукописных фондах Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Музея-лаборатории народного образования Тюменской области, Заводоуковского краеведческого музея; использовала новейшие статистические сборники и справочные издания, данные периодической печати. Правовую основу исследования составили законодательные акты и нормативно-правовые документы центральных и местных органов власти и управления. Сравнительный анализ неоднозначных противоречивых источников позволил исключить разноречивые сведения, объективно рассмотреть и оценить конкретные исторические факты и явления.

Вполне оправдан подход автора к определению субъекта исследования в широком смысле этого понятия. Е.П. Ермачкова включила в категорию сельского населения не только крестьян, составляющих абсолютную численность данного социума, но

также сельскую интеллигенцию, служащих местной администрации, предпринимателей, служителей православной церкви, так или иначе причастных к делу образования и просвещения жителей западносибирской деревни. Взвешенный подход к анализу и оценкам прошлого позволил избежать крайностей двоякого рода: идеализации либо очернения исторических реалий. С одной стороны, автор показала несостоятельность распространённых в недавнем прошлом рассуждений о поголовной темноте и невежестве сельского населения; с другой – сделала вывод о незавершённости образовательных и культурных инициатив и начинаний в дореволюционной деревне.

Придерживаясь общепринятых методов научных исследований, Е.П. Ермачкова логично и последовательно осветила существенное направление, этапы и результаты осуществлённых преобразований, проследила ведущие тенденции социокультурного развития, обобщила накопленный опыт практической деятельности учреждений образования и культуры, научной общественности, православного духовенства. Приведённые в работе количественные показатели отражают динамику поступательного развития школьного образования, однако не позволяют судить о качестве знаний учащихся и выпускников светских и конфессиональных школ. Известно, какой урон делу обучения и воспитания школьников причиняли унаследованные от прошлого схоластические методы преподавания, рецидивы зубрёжки и муштры.

В работе по достоинству оценена бескорыстная подвижническая деятельность коллективов научно-просветительных, научно-исследовательских, научно-технических обществ страны и региона, направленная на повышение культурного и технического уровня крестьян, распространение и внедрение научных и технических достижений в сельском хозяйстве, повышению производительности труда в земледелии и животноводстве. К сожалению, принятых мер оказалось недостаточно для того, чтобы обеспечить успешный переход от экстенсивных к интенсивным методам сельскохозяйственного производства.

В целом работа Е.П. Ермачковой представляет, по нашему мнению, оригинальное самостоятельное завершённое исследование малоизученной комплексной проблемы региональной историографии.

*Профессор
Ю.П. Прибыльский*

ВВЕДЕНИЕ

Переживаемый современной Россией длительный противоречивый процесс перехода к рыночной экономике сопровождается глубокими качественными изменениями всех сфер социально-экономической, общественно-политической, духовно-нравственной жизни. Огромные трудности переживают жители сельских регионов, где ощущается острая нехватка квалифицированных специалистов учреждений культуры и образования. В западно-сибирской деревне закрываются школы и детские сады, клубы, музеи, библиотеки, лечебные учреждения. Это приводит к массовому переселению в город, усилению в регионе социальной напряжённости, негативных явлений в сфере национальных отношений, в росте числа конфликтов, преступлений, распространении пьянства, высокой детской смертности и т.д.

Социализация человека осуществляется в результате целенаправленного воздействия на него со стороны общества, в процессе воспитания и, прежде всего, через ту систему образования, которая сложилась в обществе и отвечает его потребностям. Классы и социальные группы, городские и сельские жители имеют своё представление о содержании образования.

Образование – процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков. Основной путь получения знаний – обучение в системе различных учебных заведений. Существенную роль в усвоении знаний, умственном развитии человека играют также самообразование, культурно-просветительная работа, участие в общественно-трудовой деятельности. Содержание образования, его уровень определяются требованиями общественного производства, обуславливаются общественными отношениями, состоянием науки, техники, культуры, а также уровнем развития школьного дела и педагогики.

Особое значение для сельских жителей имело просвещение – распространение знаний, образования. Кроме этого, в понятие просвещения входит система воспитательно-образовательных мероприятий и учреждений [230, с. 142].

В связи с этим изучение позитивного опыта и прогрессивных традиций образования и культуры имеет важное практическое значение. Выявление документов, помогающих раскрыть новые стороны этого многогранного процесса, в свою очередь, требует новых методов, переосмысления. Они необходимы для того, чтобы

проследить преемственность развития социальных институтов, которые сохранились до сегодняшнего дня.

В историографии исследуемого вопроса можно выделить три периода.

Первый период (1861-1917) характеризуется пробуждением интереса к жизни сибирского крестьянства, возможности изменения его положения путём просвещения. Именно тогда появляются публикации в центральных и местных издательствах, посвящённые традиционной и привнесённой переселенцами культуре, развитию сельского хозяйства, борьбе с расколом, сбором статистических данных по народному образованию и медицине. Авторами этих произведений были учёные и журналисты, интеллигенция Москвы, Петербурга, Tobольска, Тюмени, Омска и Томска, сельские внештатные сотрудники периодических изданий.

Среди огромного научного наследия Д.И. Менделеева (1834-1907) насчитывается множество работ, посвящённых вопросам народного просвещения. Автор считал, что в условиях капитализма путём просветительских реформ необходимо ввести всеобщее народное образование. Для этого предстояло в каждой деревне открыть хотя бы одну начальную школу, в каждом селе – младшие классы средней школы. Дмитрий Иванович большое внимание уделял подготовке сельских учителей, называя их светочами знаний [192, с. 28].

Идеи просвещения непривилегированных сословий развивал педагог и публицист Н.Х. Вессель (1837-1906). Он постарался научно обосновать необходимость введения в стране профессионального образования, в особенности начального. Автор поддерживал мнение о том, что «народное обучение должно возбудить и развить в народе здоровые, природные разумно-нравственные силы, чтобы треснула, распалась и слетела вековая кора предрассудков, суеверий» [123]. Подобные взгляды разделяли А. Попов, С. Миропольский, А. Анастасиев, члены особого отдела Учёного комитета К.К. Сент Илер и граф Сперанский [210; 108; 190]. Эти авторы знакомили общественность с правительственными указами и распоряжениями о развитии грамотности в стране, статистическими данными по народному образованию, полемизировали о том, в какой форме лучше проводить просвещение крестьян: по желанию или с применением силовых методов, т.к. «сельские люди более всякого нуждаются в понукании» [108, с. 12].

На рубеже XIX-XX вв. были опубликованы работы учёных, посвящённые становлению и развитию школьного образования в Западной Сибири. И. Лапшов затрагивает исторические аспекты развития школьного дела, используя материалы центральной и местной печати. Значительное место в своей работе он уделил деятельности церковно-приходских школ и школ грамоты [184, с. 30-36].

Весьма объективно охарактеризовали народное образование Сибири Д. Вольфсон, Н. Новомбергский, А. Сласский [125; 202; 291]. Исследовав официальные документы Тобольской и Томской губерний, они отмечали, что уровень грамотности сельских жителей, получивших образование, оставался одним из самых низких по стране. Авторы указали на взаимосвязь грамотности и образования сибирских крестьян с уровнем их экономического благосостояния.

Значительно слабее вопросы народного просвещения освещены в печати Томской губернии и Акмолинской области. В качестве исключения можно назвать такую коллективную работу, как «Исторический ход развития народного образования в Томской губернии на 1885 год» [161].

Состоянию начального народного образования в Тобольской губернии посвятили свои работы Е.Ф. Соколов, А.П. Лысов и Н.И. Палопеженцев, останавливаясь, в частности, на образовании сельских детей, деятельности школ различных ведомств. Авторы отметили довольно большую численность учебных заведений ведомства Св. Синода и роль, которую они играли в просвещении крестьян столь обширной территории [287; 288; 186; 187; 223; 224]. Как и многие передовые педагоги, признавали необходимость введения в школах курса сельского хозяйства или ремесла.

Глубокий след в истории культурного и общественного развития Сибири оставил известный учёный – агроном и просветитель Н.Л. Скалозубов (1861-1915). Он проявил себя как блестящий популяризатор научных знаний в области сельского хозяйства, пропагандировал распространение среди населения земледельческих машин и орудий, улучшение местной породы рогатого скота, поднятие сибирского хлебопашества. Наравне с этим он указывал на необходимость квалифицированной подготовки специалистов для села, стоял у истоков сельскохозяйственного образования в регионе [271-281].

В целом дореволюционный период примечателен накоплением эмпирических знаний, отражающих становление системы духовного

и светского образования. Вместе с тем отсутствовали работы обобщающего характера в масштабах всего рассматриваемого региона. Оценки и выводы исследователей ограничивались рамками идеологии «православие, самодержавие, народность».

Второй период историографии (1917-1985) включает два этапа исследований, нашедших отражение в литературных источниках. На первом этапе (1917-1956) произошёл спад творческой активности исследователей; сказались негативные последствия административного и политического диктата: дефицит местных научных кадров, издержки культа личности, трудности военных и послевоенных лет. Все исследуемые проблемы оценивались историками с классовых позиций идеологии марксизма-ленинизма, которые исключали объективную оценку тех слоёв населения, которые не вписывались в социальную структуру советского общества. Были преданы забвению труды многих дореволюционных авторов.

Исключением является труд Н.С. Юрцовского «Очерки по истории просвещения в Сибири» [338]. Автор, изучив широкий круг источников, воссоздал картину развития сибирской школы со времени её возникновения до начала XX века. Юрцовский впервые разработал периодизацию регионального образовательного комплекса, соотнеся её со школьными реформами конца XVIII в. и до 1917 г., выяснил взаимосвязь духовной и светской школ. Самый важный вывод в его работе: Сибирская школа развивалась в одном русле образовательного процесса России. До сих пор монография Юрцовского остаётся единственным капитальным источником для современных исследователей.

Как пример своеобразного изложения становления народного образования в России на рубеже столетий можно привести курс лекций А.В. Козырева. Характеризуя положение, создавшееся в просвещении народа, он отрицает роль духовных школ в повышении грамотности сельских жителей, считая их реальной угрозой передовой русской культуре. Как и другие исследователи того времени, Козырев, опираясь на труды В.И. Ленина и И.В. Сталина, был выразителем их точки зрения о положительных и отрицательных моментах дореволюционного народного образования [167; 168].

На втором этапе советской историографии (1956-1985) ведущую роль в разработке историко-педагогических проблем сыграли кафедры гуманитарных дисциплин вузов Новосибирска.

Томска, Барнаула, Омска, Тобольска, Тюмени, Кургана; координацию исследований осуществлял Институт истории, филологии и философии СО РАН СССР. Историки обратились к данным сибирских и центральных архивов, ввели в научный оборот новые содержательные документы, расширили проблематику исследований и обеспечили переход от собирания и описания фактов к их научному анализу и обобщению.

Видное место в историографии XX века заняло пятитомное издание «История Сибири», в котором достаточно полно рассмотрены вопросы просвещения сибиряков в контексте с общероссийскими политическими и социально-экономическими изменениями, выделена роль духовного и культурного прогресса в жизни народа [163]. В III и IV томах отображены главные этапы становления и развития светского и духовного образования, здравоохранения, местной сибирской печати, подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства и промышленности, роста благосостояния сельских жителей.

Более подробно проблемы народного образования в Западной Сибири освещены в работах Ф.Ф. Шамахова, который заложил основу научного изучения школьного дела [325-327]. В отличие от своих предшественников, автор разделяет городские и сельские учебные заведения, раскрывает сословный состав обучаемых. Быстрый рост церковно-приходских училищ и школ грамоты он связывал с политикой царского правительства, которое стремилось дать народу более дешёвое по стоимости духовное образование.

В 70-80-х гг. учёные сибирских вузов начинают выпускать тематические сборники по вопросам просвещения [243-245; 249]. Исследователи расширяют круг изучаемых вопросов, печатных и рукописных источников, обращают внимание на деятельность отдельных учебных заведений, чаще всего – городских, пропаганду сельскохозяйственных машин, становление сети библиотек, воздействие революционных идей на народ. По мнению Ю.П. Прибыльского, труды историков и педагогов советского периода не были свободны от серьезных методологических изъянов и погрешностей: стереотипного противопоставления дореволюционной и советской школьных систем как несовместимых и исключаящих друг друга; официально опубликованные показатели грамотности и образованности сибиряков были явно занижены или завышены; существовало

принижение интегративной, регулятивной и коммуникативной функции просвещения [238].

Третий современный период исследований начался в 1985 г., когда в результате демократических преобразований в обществе сложились наиболее благоприятные условия и возможности научного творчества. Ученые обрели необходимую для воссоздания исторической правды свободу действий, получили доступ к ранее закрытым материалам. Начался столь необходимый процесс оздоровления исторической науки, исключаящий как идеализацию, так и очернение прошлого [197; 160; 155; 209].

Центром изучения историко-культурного и педагогического наследия края стал открытый в 1987 г. музей-лаборатория народного образования Тюменской области при ТГПИ, возглавляемый профессором Ю.П. Прибыльским. В его трудах, а также в работах Н.А. Балюк, Е.Н. Коноваловой, В.М. Кружинова, А.М. Невского, Г.К. Скачковой, В.С. Сулимова [238-242; 112; 170-173; 282; 283; 294-297] осуществлены новые подходы к анализу и оценке сложных, противоречивых процессов развития образования и просвещения сельского населения Западной Сибири.

Определённый вклад в реконструкцию историко-педагогического наследия внесли учёные Новосибирска, Омска и Томска. Ю.А. Белоножко, Н.Н. Бревнова, В.Н. Волкова, И.В. Кирдяшкин, П.П. Костенков, Е.Н. Косых, Д.М. Шинджикашвили [113; 116; 124; 166; 175; 177] и др. Вопросы, связанные с повышением культурного уровня, образования, просвещения, внедрением сельскохозяйственных знаний, религиозным воспитанием сельских жителей западносибирской деревни на рубеже XIX-XX вв., нашли свое отражение в диссертациях молодых учёных А.Ф. Букина, Ю.Р. Гореловой, Л.Ю. Зайцевой, Д.В. Кузнецова, И.С. Менщикова, В.Т. Поспелова, Н.В. Расовой, К.В. Скобелева, И.С. Сковородиной [118; 132; 153; 181; 193; 249; 283; 284; 235].

Важные обобщающие показатели генезиса народного просвещения, сведения о деятельности ведущих учебных заведений и творчестве выдающихся педагогов приведены в трёхтомной «Энциклопедии образования в Западной Сибири» [337].

Оценивая положительный вклад предшественников, уместно подчеркнуть, что в их трудах допущены серьезные пробелы, спорные суждения и выводы. Анализ более двухсот работ и научно-популярных трудов по истории образования и просвещения сельского населения Западной Сибири позволяет оценить их

достоинства и недостатки. Заслугой исследователей является основательная разработка многих существенных проблем историографии образования и просвещения. Тем не менее, авторы исследований по локальным вопросам нередко высказывали противоположные, а подчас и взаимоисключающие суждения и выводы по одним и тем же проблемам, ибо опирались на сравнительно узкие рамки печатных и рукописных источников; не уделяли должного внимания сравнительному анализу. Вне поля зрения остались вопросы комплексного развития культуры сельского населения региона за весь рассматриваемый период. В этой связи возникла необходимость в систематизации и обобщении выявленных и вновь исследованных источников, совокупность которых позволяет воссоздать общую целостную картину, раскрыть ведущие тенденции образования и просвещения западносибирского села в историческую эпоху перехода от феодального общества к буржуазному.

Объектом исследования является русское сельское население Западной Сибири.

Предметом исследования является образование и просвещение сельского населения региона в эпоху становления капитализма.

Цель исследования заключается в комплексном освещении истории образования и просвещения сельского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Задачи исследования:

- показать исторические предпосылки возникновения и развития светского образовательного комплекса в сельской местности;
- выявить этапы развития и структуру конфессиональных учебных заведений, призванных повысить уровень грамотности на селе;
- определить особенности подготовки специалистов, необходимых для развития культуры и экономики западносибирской деревни;
- проанализировать деятельность библиотек и других очагов культуры в просвещении сибиряков;
- проследить роль православной церкви в просвещении и религиозно-нравственном воспитании сельских жителей;
- оценить вклад учёных и краеведов в распространение краеведческих знаний, достижений науки и техники применительно к нуждам и потребностям жителей деревни.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную Сибирь: Тобольскую и Томскую губернии, Акмолинскую область.

Хронологические рамки охватывают период с 1861 по 1913 гг. Нижняя хронологическая граница обусловлена началом нового исторического периода перехода от феодального общества к буржуазному после отмены крепостного права, рядом реформ, которые были призваны приблизить Россию к европейским странам. В это время начинается интенсивный рост производительных сил региона, сконцентрированных в сельской местности. Именно здесь происходит значительный рост начальных и низших учебных заведений, других просветительских центров, что в корне изменило мировоззрение и менталитет селян.

Верхняя хронологическая граница обусловлена тем, что 1913 год стал последним мирным годом развития страны, кануном Первой мировой войны и революционных событий, в корне изменивших содержание и формы общественно-политической, социально-экономической и социокультурной жизни сельского населения региона.

Рассматриваемый период позволяет проследить, как менялись условия и тенденции образования и просвещения региона; выявить пути и средства достижения результатов просветительской деятельности правительства и местной интеллигенции.

Методологической основой исследования является ряд общенаучных и исторических методов. Для изучения расхождения и особенности явлений применялся историко-сравнительный метод, для изучения факторов ускорения или замедления хозяйственного и культурного развития региона – историко-генетический, для анализа состояния учебных заведений и объектов культуры на селе – количественный метод, для исследования состава учащихся и педагогов – статистический метод.

В данной работе автор использовал принципы историзма, научной объективности и системности.

Принцип историзма и научной объективности позволяет анализировать проблемы образования и просвещения с учётом объективных условий и субъективных факторов развития данного региона. При этом объект исследования рассматривается не только с точки зрения внутренней структуры, как система, но и с точки зрения процесса – совокупности исторических связей и зависимости его внутренних составляющих. Данный подход

помогает проследить закономерность развития, выявить законы перехода от одного исторического состояния объекта, которое характеризуется определённой структурой, к другому.

Принцип системности применяется для анализа системных закономерностей различных областей исторической действительности. При этом изучается отношение общего к частному, структуры отношений в обществе, укоренившихся связей и взаимоотношений социальных, хозяйственных и политических элементов. Исследование системы образования и просвещения, их взаимоотношений с государственной властью должно опираться на принцип системности.

Источниковую базу исследования с учётом содержания, назначения и вида документов можно разделить на следующие группы.

К первой относятся официальные документы государственных и церковных органов власти и управления, которые отражают политику в сфере народного просвещения и культуры применительно к сельскому населению Западной Сибири: Указы и манифесты императора, Постановления Кабинетов Министров Российской империи, Святейшего Синода, Государственной думы опубликованные в Полном своде законов Российской империи [233]. Сюда же относятся подзаконные акты правительственных ведомств и местных органов власти и управления (циркуляры, приказы, распоряжения, инструкции и т.д.), раскрывающие механизм исполнения законодательных актов и положений. В диссертации использованы документы губернских и областных правлений и т.д., характеризующие формы и методы их руководства народным образованием и культурой. Отличительной чертой законодательных и подзаконных актов являлась их декларативность, необеспеченность материальными и финансовыми ресурсами.

Ко второй группе относятся справочные и статистические материалы центральных и губернских статистических комитетов, министерств и ведомств, научных учреждений, раскрывающие динамику количественных и качественных показателей развития образования и просвещения региона, которые объединены в две подгруппы. В первую входит статистика (материалы Первой Всеобщей переписи населения России 1897 г., Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие

1874-1883 гг. / Статистический временник Российской империи и др.), а во вторую группу – справочные издания, которые позволяют судить о динамике образования и просвещения в сельской местности (Памятные книжки Акмолинской области, Омска, Тобольской и Томской губерний, Западной Сибири, Западно-Сибирского учебного округа, Обзоры Тобольской губернии, Сибирские торгово-промышленные календари) [231, 332-335, 126]

Третья группа – делопроизводительные материалы местных органов власти и управления, характеризующие их деятельность в области народного образования и просвещения сельского населения. В диссертации использованы выявленные автором документы свыше 200 дел тридцати фондов четырёх региональных государственных архивов: Государственного архива Омской области (ГАОО), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Тюменской области (ГУ ГАТО), Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске).

В Государственном архиве Омской области (ГАОО) наиболее интересными для исследования оказались фонды Начальника отряда по образованию переселенческих участков в Западной Сибири и по отводу их переселенцам (ф. 391), Инспектора народных училищ 1-го района Акмолинской области в г. Омске (ф. 8), Омского среднего сельскохозяйственного училища (ф. 65) и Омского учительского института (ф. 94), в которых содержатся документы о передаче начальных училищ Сибирского казачьего войска в ведение МНП, даются отчёты о практической работе учащихся сельскохозяйственного училища, деятельности складов сельскохозяйственных машин и орудий, научных обществ.

В Государственном архиве Томской области (ГАТО) отложились документы фондов Главного инспектора училищ Западной Сибири (ф. 125), Управления Западно-Сибирского учебного округа (ф. 126), Дирекции Томской губернии (ф. 99), Дирекции народных училищ Томской губернии (ф. 100), Инспектора народных училищ 1-го района Томской губернии (ф. 167), Томского губернского управления (ф. 3), Томской губернской врачебной управы (ф. 4) губернского оспенного комитета (ф. 5), Томской акушерско-фельдшерской (ф. 189) и ветеринарно-фельдшерской (ф. 133) школ. Наиболее ценны фонды Западно-Сибирского учебного округа и Томского губернского управления, материалы которых позволяют судить о динамике численности сельских

общих и профессиональных училищ, характеризуют их обеспеченность учебно-производственной базой и педагогическими кадрами, позволяют судить о качестве знаний учащихся и выпускников школ. В отличие от других архивов, здесь сохранилась довольно обширная переписка светских и духовных чиновников по поводу открытия на селе начальных школ и читален. Состоятельные крестьяне вкладывали средства не только в расширение своего хозяйства, но и в образование односельчан, жертвовали различные суммы для приобретения книг, учебных пособий, наглядности.

В Государственном архиве Тюменской области (ГУ ГАТО), в частности в фондах Тюменской городской управы (ф. И-1), Штатного смотрителя Тюменских училищ (ф. И-77), Тюменского общества пчеловодства, садоводства и огородничества (ф. И-203), находятся материалы о деятельности местной интеллигенции по просвещению сибиряков, проведению курсов повышения квалификации учителей, деятельности Тюменского общества пчеловодства, садоводства и огородничества, организации народных чтений.

Фонды Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске) располагают документами Тобольского губернатора (ф. 479), Тобольского общего губернского управления (ф. 152), Тобольской городской думы (ф. 8), Тобольского управления земледелия и государственных имуществ (ф. 185), Тобольского управления государственных имуществ (ф. 154), Тобольского губернского статистического комитета (ф. 417), Строительного отделения Тобольского губернского управления (ф. 353), Тобольской духовной консистории (ф. 329). Здесь содержится информация о деятельности светских и духовных властей по просвещению сельского населения, распространению среди крестьян передовых сельскохозяйственных и медицинских знаний, организации сибирских выставок, работе научных обществ. О развитии светского начального, духовного и профессионального образования рассказывают фонды Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы (ф. 6), Тобольской акушерско-повивальной школы (ф. 170), Дирекции народных училищ Тобольской губернии (ф. 5), Тобольского епархиального училищного Совета (ф. 61). Фонды профессиональных учебных заведений дореволюционного периода раскрывают практическую деятельность центральных и местных органов власти по развитию образования и культуры в

регионе, помогают выявить сословный состав будущих специалистов, значительная часть которых по распределению была направлена в сельскую местность.

Четвёртая группа включает материалы периодической печати. В правительственных изданиях, таких как журналы Министерства народного просвещения, «Народное образование», Циркуляры по Западно-Сибирскому учебному округу, «Сибирские вопросы», печатались правительственные распоряжения по учебному ведомству, статьи о работе отечественных и зарубежных учёных, педагогов, новаторов; давались рекомендации по обустройству и режиму работы школьных библиотек. В местной печати – «Тобольских губернских ведомостях», «Сибирском листке», «Тобольских и Омских Епархиальных ведомостях», «Крестьянской газете» – появлялась оперативная информация, которая регистрировала текущие события и явления общественной и культурной жизни. Здесь можно было встретить статьи по истории учебных заведений, сельскому хозяйству, отзывы и рекомендации на сельскохозяйственную литературу, узнать цены на предметы хозяйственного обихода.

В пятую группу источников входят музейные фонды: научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ТГИАМЗ), музея народного образования Тюменской области (МНОТО) при Тобольском государственном педагогическом институте (ТГПИ), Заводоуковского краеведческого музея Тюменской области (ЗКМ). Здесь выявлены рукописи, фотодокументы, воспоминания, служебные характеристики, письма, дневники, которые отражают развитие образования и просвещения сельских жителей Тобольской губернии на рубеже XIX-XX вв. Среди них личные дела Н.Л. Скалозубова, учителей-новаторов Тобольской губернии Елохиных, Гостевых, Поповых-Созоновых, Г.Я. Маляревского, Бакалдиной-Редикульцевой [26-28; 97-102]. Особое внимание вызвала дипломная работа Т.В. Романовой (Прибыльской) «Церковно-приходские школы Тобольской губернии в конце XIX-XX вв. (1884-1917 гг.)», где раскрывается роль Тобольской епархии в организации образования сельских жителей, приводятся особенности учебно-воспитательного процесса, программ и методов обучения в духовных начальных школах [252]. В целом было просмотрено и исследовано около 50 дел, которые содержатся в восьми фондах трёх музеев: научном архиве ТГИАМЗ, МНОТО, Заводоуковском краеведческом музее.

Анализ перечисленных источников убеждает в их многообразии, неоднозначном содержании, неполноте либо ошибочности отдельных положений, выводов и оценок, требует критического подхода, сравнительного метода определения достоверности, выделения главных и существенных элементов исследуемого исторического опыта.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём на базе впервые вводимых в научный оборот источников проведено комплексное исследование становления и развития образования и просвещения населения западносибирской деревни на протяжении длительного исторического периода. Определены основные направления, этапы и результаты деятельности сельских общеобразовательных, профессиональных и конфессиональных учебных заведений. Раскрыта роль культурно-просветительных, конфессиональных учреждений в духовно-нравственном просвещении и воспитании сельских жителей. Выявлена конструктивная деятельность научной общественности в области популяризации и внедрения прогрессивных методов ведения сельского хозяйства.

I. Формирование и развитие образовательного комплекса в регионе

1.1. Состояние учебных заведений общего образования

Вскоре после отмены крепостного права в Западной Сибири начались значительные преобразования, стал обсуждаться вопрос о необходимости просвещения крестьян. Новые общественные силы, заинтересованные в капиталистическом развитии страны, способствовали внедрению прогрессивных форм социального бытия и формированию современного общества.

Переход от крепостничества к капитализму сопровождался изменениями не только во всех отраслях народного хозяйства, но и в культуре, образовании. Создание новых предприятий, оснащённых современной техникой, строительство новых городов и рабочих посёлков, прокладка железнодорожных путей – всё это способствовало повышению культуры сибиряков. Проникновение отечественного и зарубежного капитала за Урал стимулировало развитие товарного производства в городах и сельской местности. Процесс расширения внутреннего рынка и внешней торговли

усилился с открытием великой Сибирской железной дороги, что вызвало рост зернового производства, увеличение поголовья скота, развитие маслоделия и мукомольной промышленности. Решение проблемы повышения эффективности производства требовало широкого использования машин, квалифицированной рабочей силы.

В Западносибирском регионе, по сравнению с европейской частью России, более быстрыми темпами увеличивалась численность населения. Этот демографический процесс характеризовался относительно высокой динамикой на протяжении всех четырёх веков, минувших со времени присоединения Сибири к России. В ряде территорий рост численности жителей был связан с развитием горнорудной промышленности, освоением богатых сельскохозяйственных угодий, лесных и водных богатств. Интенсивный рост населения приходится на период после отмены крепостного права и Столыпинской земельной реформы (вторая половина XIX – начало XX вв.). За три десятилетия, прошедших после отмены крепостного права, в Западную Сибирь прибыло около 350 тыс. человек с Украины, из центральных губерний России, Поволжья и Урала [241, с. 8]. Кроме этого довольно значительным оставался естественный прирост населения.

Таблица 1

**Территория и население Западной Сибири
во второй половине XIX в. [339, с. 455]**

Губерния, область	1879 г.				1897 г.
	кв. верст	кв. миль	жителей		жителей
			всего	на 1 кв. версту	
Тобольская	1 297 853	26 749,8	1 206 430	0,92	1 433 643
Томская	759 068	15 688,6	1 032 579	1,36	1 927 679
Акмолинская	479 200	9 903,9	454 205	0,94	682 608
всего	2536121	52342,3	2 693 214	1,07	4 043 930

Наибольшее число переселенцев привлекала Томская губерния. Плодородные и удобные для хлебопашества районы, довольно мягкий климат (особенно в южной части губернии), меньшая заселённость в сравнении с Тобольской губернией и наличие массы еще неосвоенных земель, а также относительная

близость с Европейской Россией способствовали тому, что большая часть направлявшихся за Урал переселенцев оседала именно здесь. В 70-80-х гг. XIX столетия в Томской губернии обосновалось более 60% всех государственных крестьян, отправившихся искать лучшей жизни в далёкой Сибири. Переселенцы предпочитали селиться компактными группами, которые включали в себя выходцев из одних мест: Малиновка была основана выходцами из Пензенской губернии, Александровское – из Рязанской. Однако имела место практика подселения и к старожильческим деревням [117, с. 59]. Среди пореформенных переселенцев преобладали выходцы из южной России, в некоторых случаях они селились компактными группами, например, в Виленке, Гродинке, Силантьевке – поляки и белорусы, Никокиевке, Михайловке – украинцы, Дубровке – белорусы [131, с. 150-151] и др.

Тобольская губерния, имеющая наиболее удобные для земледелия земли, в лесостепной и степной полосах была к тому времени уже достаточно заселена: в Ялуторовском округе запас пригодных для заселения свободных земель истощился в 60-х годах, в Курганском округе – в 80-х годах XIX в. В Тюкалинском же и Тарском округах, наиболее многоземельных, расположенных на юге губернии, переселение началось только в 80-х годах и значительно усилилось в начале XX века.

Основной поток переселенцев в Акмолинскую область стал поступать с 1894 года. Заселение шло главным образом в северной и северо-восточной части Омского уезда, в северной и западной части Петропавловского и Кокчетавского уездов.

Всего в 1885-1906 гг. на территории Западной Сибири было расселено 1140050 выходцев из различных районов России. 172799 человек остались в Тобольской губернии, 736936 – в Томской и 230315 – в Акмолинской области [229, с. 218].

Особенно возросло количество переселенцев в годы Столыпинской аграрной реформы. Уже к 1907 г. число «новых» сибиряков в регионе увеличилось втрое по сравнению с предыдущим годом, а в 1908 г. – почти в 8 раз. В течение 8 лет осуществления переселенческой политики (1907-1914 гг.) пришлое население в Западной Сибири возрастало ежегодно на 121 тыс. душ мужского пола [328, с. 14]. С 1900 по 1912 гг. население Западной Сибири возросло с 5,2 до 8,8 млн. человек. На протяжении всего периода абсолютным большинством жителей западносибирской деревни являлись русскоязычные крестьяне,

которые оказывали культурное влияние на другие этнические общности данного региона.

В указанный период Западная Сибирь уступала Европейской России по плотности населения и величине населённых пунктов. Здесь насчитывалось большое количество мелких населённых пунктов, разбросанных на огромной территории и находящихся зачастую на большом расстоянии друг от друга.

Рост сельскохозяйственного производства на основе применения производительной техники и внедрения современной технологии в земледелии и животноводстве порождали возрастающий спрос в работниках, наделённых современными знаниями, умениями и навыками производительного труда. Предприниматели и местные власти были заинтересованы в расширении сети начальных школ, без чего не могла развиваться и совершенствоваться хозяйственная жизнь региона. «Научиться простой грамоте, которая необходима как воздух ...» – таков был лейтмотив народившегося нового класса, отчётливо выраженный на страницах газеты «Отголосок Алтая» [218]. Встаёт проблема воспитания нового человека, лишённого пережитков крепостнического общества. Со страниц прогрессивной прессы и в высказываниях передовых педагогов звучало требование уважения к личности ребенка, провозглашался принцип равенства мужчины и женщины в праве на образование. Всё это являлось свидетельством усиления демократических элементов в национальном самосознании.

В предреформенное время Западная Сибирь располагала чрезвычайно слабой сетью сельских школ. Уровень грамотности селян не превышал 2-3% общей численности населения. Исследователь Сибири Н.М. Ядринцев выяснил, что вскоре после отмены крепостного права в этом крае один грамотный приходился на 644 неграмотных, – это был самый низкий показатель по России. В 1861 г. во всех уездных училищах Сибири среди 1441 учащегося детей крестьян оказалось только 275 [339, с. 386]. Предстояло создать новую систему образования на селе.

Управление светскими сельскими школами Западной Сибири находилось в ведении нескольких министерств. Вплоть до конца XIX в. лидирующие позиции в развитии народного просвещения сельских жителей края удерживали Министерство государственных имуществ и земледелия, а также Министерство внутренних дел [83, л. 6-18]. В дальнейшем образовании в Сибири

целенаправленно занималось Министерство народного просвещения. Непосредственно руководство школьным светским образованием осуществлял Департамент народного просвещения [116, с. 3-4].

Делами народного просвещения данного региона занимались Главные инспектора училищ Западной Сибири (1841-1885), которым подчинялись дирекции училищ Тобольской и Томской губерний. В 1885 г. был создан Западно-Сибирский учебный округ с центром в Томске. Он управлял учебными заведениями Тобольской и Томской губерний, Акмолинской областью. Во главе стоял попечитель, при нём был совет для рассмотрения учебных и административных вопросов. Совет ведал учебно-воспитательной и методической работой, заботился о состоянии учебных заведений, следил за контингентом учащихся и учителей. Научно-методическое руководство школьным образованием осуществлял Томский университет.

Всего существовало 17 типов одноклассных и двухклассных министерских школ начального типа. Все они отличались друг от друга задачами, материальным положением, управлением, программой обучения [185, с. 301]. Типология светских сельских учебных заведений зависела от их принадлежности к тем или иным ведомствам. Первая группа включала учебные заведения ведомства МНП, ко второй относились учебные заведения разных ведомств, подчиняющихся в учебном отношении МНП, и к третьей – учебные заведения, которые входили в состав ведомства МНП, но существовали на основании особых положений.

К первой группе, рассчитанной на широкие массы сельского населения, относились: передвижные (1-2 года), железнодорожные по правилам 1898 г. (1-2 года), сельские одноклассные по положению 1874 г., а также по инструкции 4 июня 1875 г. (3-4 года) и двухклассные (с 5-6 летним курсом) начальные училища¹.

Ко второй группе разных ведомств, подчинённых в учебном отношении МНП, относились сельские училища МВД и МГИ. Ввиду недостатка учебных заведений, дети обучались также и в «вольных» школах.

К третьей группе учебных заведений относились частные начальные школы III разряда.

¹ Термин «класс» означал комплект учащихся разных лет обучения, занимающихся с одним или двумя учителями.

Все эти школы назывались низшими, передвижные и школы грамоты – начальными.

Наибольшего распространения в сельской местности получили одноклассные (трёхгодичные) и двухклассные (пятигодичные) учебные заведения, учреждаемые в наиболее многолюдных и центральных сёлах различных уездов [205, с. 42]. Такие школы открывались при условии, что сельские сходы выделяют для них бесплатно земельный участок и будут нести все расходы на их содержание. Обучение чаще всего было раздельным. Учитель одновременно преподавал сразу в трёх классах (отделениях). В одноклассных министерских училищах изучали закон Божий, русский язык с чистописанием, арифметику, церковное пение. Обучение в двухклассных школах продолжалось пять или шесть лет. Первые 3-4 года считались первым классом, а последующие два – вторым. Выпускники двухклассных министерских училищ могли продолжить обучение в низших технических училищах и держать вступительные экзамены в учительские семинарии [324, с. 832].

По данным на 1 января 1874 г. в Западной Сибири имелось два двухклассных начальных народных училища МНП и 301 одноклассное сельское [151, с. 16-17].

Таблица 2

**Рост количества низших училищ всех ведомств
и рядов в селениях Западной Сибири [200, с. 159]**

	1861 г.	1871 г.	1876 г.	1881 г.	1891 г.
Тобольская губерния	12	98	155	191	324
Томская губерния	19	60	113	162	338
Акмолинская область	18	37	49	67	90
всего	49	195	317	420	752

Из таблицы следует, что за 30 лет, с 1861 по 1891 гг., в Западной Сибири количество сельских низших школ увеличилось с 49 до 752, т.е. почти в 15 раз. Произошло это благодаря тому, что на нужды народного образования стали выделяться значительные средства из министерств. Дополнительным источником содержания сельских школ стали земские сборы, которые расходовались на основании смет, составляемых на каждые три года.

Низшие школы Западной Сибири и стоимость их содержания в 1876 г.

Губерния, область	Количество			Израсходовано, руб.	
	Низших учебных заведений	Жителей на одну школу	Учащихся	Всего на их содержание	На одну школу
Тобольская	243	4472	6260	40 960,29	169
Томская	167	5022	5523	46 474,3	278
Акмолинская	97	3937	2836	25 112,41	259
всего	507	4477	14619	112 547	222

Из таблицы видно, что в 1876 г. в среднем на одну западносибирскую низшую школу отпускалось 222 рублей, которые расходовались на содержание школы, оплату труда учителя, приобретение учебных пособий. Всего на нужды 507 низших школ в 1876 г. выделили 112 547 рублей [210, с. 162-163].

С включением статьи на школьное образование в государственный и региональный бюджет начинается неуклонный рост числа учебных заведений. Например, в Алтайском округе Томской губернии сеть школ возросла к 1889 г. до 225. Среди них имелось 66 сельских и 89 церковно-приходских школ [162, с. 359].

Таблица 4

Сельские училища Тобольской губернии на 1 января 1894 г. [199, с. 100-101]

Уезд	Одноклассные училища				Двухклассные училища					
	училищ	учителей	учащихся		Всего учащихся	училищ	учителей	учащихся		Всего учащихся
			м	д				м	д	
Ишимский	67	69	1902	639	2541	2	10	65	133	198
Курганский	82	85	2686	923	3609	3	13	150	178	328
Тарский	31	34	636	310	946	2	10	61	104	165
Туринский	27	29	930	215	1145	2	8	29	73	102
Тюкалинский	28	28	654	269	923	1	2	42	-	42
Тюменский	41	45	1051	426	1477	2	16	109	224	333
Ялуторовский	49	56	1541	467	2008	2	9	33	73	106
всего	325	346	9400	3249	12649	14	68	489	785	1274

Как следует из таблицы, в 1894 г. в селениях Тобольской губернии находилось уже 325 одноклассных и 14 двухклассных школ всех ведомств и разрядов. В первых обучалось 12649 человек,

из них – 9400 мальчиков и 3249 девочек. Таким образом, среди учащихся одноклассных школ в основном преобладали мальчики. Иное положение оказалось в двухклассных училищах, где большая часть учеников была женского пола: из 1274 человек 489 мальчиков и 785 девочек. В школьном образовании селянок лидировали Курганский и Тюменский уезды.

На каждую волость с десятками селений, разбросанных на огромных пространствах, приходилось в лучшем случае по одной школе. По данным переписи 1897 г. в Сибири было 12,4% грамотных, а в сельской местности – 9,9% от всего населения.

Значительный рост начальных школ в Тобольской губернии произошёл в 1909-1913 годах вследствие того, что государство и губерния стали больше выделять средств на устройство новых учебных заведений. В 1909-1911 годах по смете земского сбора было положено выдавать по 500 рублей пособия на постройку каждого нового училища. Тем не менее, на нужды просвещения в Западной Сибири отпускалось недостаточно средств. Так, в 1910 г. на школьную и внешкольную работу с сибиряками из государственной казны расходовалось всего 15 копеек на душу населения, в центральных губерниях – 50 копеек [199, с. 228]. В 1911 году правительство распорядилось ежегодно отпускать из казны 45430 рублей на увеличение содержания училищ, существующих за счёт земских сборов. В том же году одновременно выделялось на постройку зданий министерских и земских училищ 131458 рублей как безвозвратное пособие волостным и сельским обществам Тобольской губернии. Крестьяне охотно приступали к постройке учебных заведений, только получив необходимую сумму из казны. Количество школ в регионе постоянно увеличивалось.

Таблица 5

Количество начальных школ МНП в Тобольской и Томской губерниях и стоимость их содержания в 1911 г. [184, с. 31]

Губерния	Количество			Израстводовано, руб.	
	Низших учебных заведений	Жителей на одну школу	Учащихся	Всего на их содержание	На одну школу
Тобольская	332	2029	13944	326024	982
Томская	429	1961	29172	507936	1184
всего	761	1995	43116	833960	1083

По данным таблицы видно, что в 1911 г. в Тобольской и Томской губерниях насчитывалась 761 низшая школа МНП. В среднем на содержание одного учебного заведения расходовалось 1083 рубля. При этом в Томской губернии отпускалось гораздо больше средств на образование народа, чем в соседних регионах.

За 1911 г. в Тобольской губернии на сельские начальные училища было израсходовано 223230 рублей 93 копеек, в среднем по 736 рублей на каждую из 303 школ: на одного учителя – 456 рублей 50 копеек, одного учащегося – 17 рублей 82 копеек, окончившего курс – 229 рублей 19 копеек [10, л. 262-266]. По расходной смете земских повинностей Тобольской губернии на 1912-1913 гг. выделялось по 38 тыс. рублей ежегодно на постройку помещений для сельских начальных училищ [1, л. 106]. Благодаря этому к концу 1913 года количество училищ здесь увеличилось до 1078. В дальнейшем планировалось в течение десяти лет открывать по 228 училищ ежегодно.

Существующая школьная сеть в начале XX века охватывала обучением только 35,3% сельских детей школьного возраста. Около 2/3 детей и подростков оказывались лишёнными права на образование [328, с. 8]. И лишь после выхода закона 1908 г. о всеобщем начальном образовании начался рост светских сельских школ, увеличилось число школьников, т.к. на места стали поступать средства из государственной казны, появилась статья в бюджете на нужды образования, выросло жалование учителям.

Таблица 6

**Рост сети сельских министерских школ
Западной Сибири в начале XX в. [327, с. 8]**

Год	Количество школ			Всех ведомств и разрядов
	МНП		МВД	
	одноклассных	двухклассных	одноклассных	
1908	405	62	628	2544
1912	922	133	758	3373
1914	1432	188	785	4162

С 1908 по 1914 гг. количество сельских школ в Западной Сибири увеличилось с 2544 до 4162 (164%), из них светских министерских училищ – с 1095 до 2405, т.е. почти на 120%. Всего за шесть лет после принятия закона об образовании государством было создано училищ больше, чем за все предшествующие десятилетия.

Это свидетельство высокой, активной роли государства в развитии образования.

Дополнительными источниками развития школьной сети являлись взносы населения. Поборы были незначительными, но «по бедности западносибирских крестьян и при довольно слабом сознании пользы образования» в редких случаях рядом с сельской министерской школой открывали школу грамоты. 20 сентября 1868 г. крестьяне Баимовской волости Мариинского уезда Томской губернии составили общественный приговор с предложением открыть в деревне Баима сельское училище, при этом ежегодно собирать «с души» по 10 копеек для оплаты жалования наставнику и наём квартиры [84, л. 131].

Большую моральную и материальную поддержку школам оказывали местные промышленники, духовные лица, односельчане. Например, в приговоре Атамановского сельского схода Кузнецкого округа Томской губернии от 22 февраля 1885 г. говорилось, что если в селе будет открыта школа и определён учитель, то крестьяне найдут «новый и весьма удобный деревянный двухэтажный дом, который вместе с прислугой обойдётся не более чем в 500 рублей. Для начала уже было собрано добровольными пожертвователями 33 рубля» [85, л. 10].

Сельские общества выделяли определённые средства не только на строительство и содержание школ, но и на содержание беднейших учащихся. Случалось, что крестьяне, «благодаря отсутствию сознания пользы грамотности, относились к грамоте безразлично». Многие спешили отдать своих детей в школу только для того, чтобы «сбыть их с рук на время или в надежде на то, что их детям будут заводить одежду». Именно такая ситуация сложилась в Завьяловском сельском училище Акмолинской области в 1896 г., когда с помощью средств, собранных волостным писарем, бедным ученикам оказали помощь в приобретении одежды. На следующий год крестьяне отправляли своих детей в школу, рассчитывая снова получить помощь, собранную всем миром [62, л. 17].

Отношение крестьян к открытию и содержанию школ оставалось неоднозначным. С одной стороны, они понимали необходимость просвещения своих детей и всячески помогали делу народного образования в крае, с другой стороны, предвидя значительные убытки, отказывались от содержания школ. Не каждое сельское общество могло себе позволить содержать

даже небольшое учебное заведение, т.к. за несколько детей-учеников приходилось ежегодно вносить определённую сумму всем без исключения семьям. При этом для занятий требовалось специальное помещение, жильё для учителя, которое предстояло снабжать дровами, ремонтировать, благоустраивать. Помещение Битенского сельского училища в Курганском уезде Тобольской губернии соответствовало всем этим требованиям (Приложение 10).

В тех случаях, когда крестьяне начинали сознательно отказываться от содержания школ, учебные заведения закрывали. Так случилось в 1907 г., когда в Тобольской губернии закрылось сразу 9 училищ – 7 министерских и 2 земских. В трёх случаях крестьяне отказывались нести расходы по постройке зданий училищ и по их содержанию, ссылаясь на то, что они платят правительству подати и оно обязано бесплатно открывать и содержать училища. Крестьянам других селений предлагалось пособие на постройку зданий и бесплатный лес, но они от властей потребовали больших денег и, получив отказ, перестали заботиться об открытии школ. В Курганском уезде Приволинское сельское общество Курейнской волости отказалось от земского училища, так как крестьянам не выделили казённых средств на содержание школы. Когда в сентябре приехала учительница, крестьяне вынесли во двор школьное имущество, разобрали печи и устроили в освободившемся помещении маслоделательный завод. Другие две школы закрыли под влиянием старообрядцев.

В 1908 году инспектор народных училищ 2-го района Тобольской губернии сообщал директору училищ, что от крестьянских обществ поступали ходатайства об открытии училищ, где ставилось условием содержание их за счёт казны. В том же году 27 крестьянских обществ вызвались открыть у себя только лишь министерские школы, если казна выделит по 500 рублей на строительство школьных зданий. Отсутствие специального строительного капитала, кредита из средств МНП, недостаток сметных средств на вырубку леса – все это приводило к отказу открывать начальные сельские училища. Чаще всего отказывались открывать земские школы крестьяне Ишимского и Курганского уездов.

В 1913 г. началось реформирование управления Западно-Сибирского учебного округа. Предполагалось расширить рамки учебного округа за счёт включения в его состав Енисейской губернии и Тургайской области [114, с. 22].

На основании закона 1913 г. о пособиях на осуществление всеобщего образования предполагалось отпускать на каждое училище, вернее комплект в 50 человек, из казны 700 рублей, а земские средства направлять лишь на строительные нужды. Для осуществления данных мероприятий потребовалось бы до 4 млн. рублей в год. Планам помешала Первая мировая война, и эти начинания были прерваны.

Таким образом, с 1861 по 1913 гг. количество сельских школ в Западной Сибири увеличилось с 49 до 4162, т.е. в 85 раз, во многом благодаря росту финансирования различных ведомств и организаций, земских сборов и пожертвований местного населения.

Развитию сети начальных училищ Тобольской губернии способствовала деятельность дирекции народных училищ, а также её руководителя Григория Яковлевича Маляревского (1867-1932). Выпускник Тобольской духовной семинарии, в 1902-1917 гг. он являлся директором народных училищ Тобольской губернии. Благодаря его стараниям на нужды образования стало отпускаться больше средств, появились курсы по переподготовке и повышению квалификации учителей, в сельских школах стали чаще применять наглядный материал. Григорий Яковлевич сам изготавливал в помощь учителям сотни содержательных и красочных учебных пособий: таблиц, карт, диаграмм по разным предметам, особенно по истории родного края. Им были написаны педагогические и методические труды, которые применяли учителя начальных сельских школ разных ведомств [99; 115, с. 274].

Важную роль в сохранении контингента учащихся и получении ими законченного образования играла предоставляемая выпускникам всех учебных заведений льгота по отбыванию воинской повинности.

Быстрая мобилизация прусской армии и победа во франко-прусской войне 1870-1871 гг. ускорили введение в России всеобщей воинской повинности. По закону 1 января 1874 г. на военную службу стали призываться лица мужского пола всех классов и сословий, которым исполнился 21 год. Так, в 1874-1883 гг. по Тобольской губернии новобранцами стали: дворяне – 0,19%, чиновники – 0,14%, мещане – 2,3%, крестьяне – 96,4% [126, с. 58]. Общий срок службы солдатам устанавливался 15 лет, из них 6 лет – действительной и 9 – в запасе; матросам соответственно – 7 и 3. Правительство было озабочено подавляющей неграмотностью призывников: в первое десятилетие после принятия закона о

воинской повинности в армии служили 21,99% грамотных и 78,01% совершенно неграмотных. У сибиряков дело обстояло еще хуже. Так, из Тобольской губернии не знали грамоту 88,34%, Томской – 89,1%, Акмолинской области – 45,76 % новобранцев [126, с. 29-39].

Поэтому в законе 1874 г. установили ряд льгот для тех, кому предстояло служить в армии: окончившие начальную школу служили 3, а гимназию – 1,5 года, выпускники высших учебных заведений – 6 месяцев. В дальнейшем, с февраля 1886 г., срок воинской службы для лиц, имеющих высшее и среднее образование, увеличили. Те, кто получил домашнее образование и выдержал испытания на звание учителя уездного училища, пользовались льготой 3-го разряда, а те, кто выдержал экзамен на звание учителя сельского приходского или начального училища – 4 разряда [330, с. 113]. По льготам освобождалось свыше 50% призывников, которые зачислялись в ополчение, призываемое лишь во время войны. Исследователь Сибири Н.М. Ядринцев отмечал, что «особенно усилился прилив в сибирские школы с введением воинской повинности» [339, с. 392].

Поначалу льготами могли воспользоваться лишь учителя и ученики светских школ, учительских семинарий. Так, в 1875 г. свидетельства на право пользования льготой по п. 4 ст. 56 Устава о воинской повинности получили 13 учеников Тюменского уездного училища, среди которых значительная часть являлась сельскими жителями, а уже в следующем, 1876 г. – 50 [4]. В правилах МНП от 16 ноября 1885 г. о выдаче свидетельств подтверждалось, что к испытаниям на льготу допускались ученики только после достижения ими 11 лет как светских, так и духовных учебных заведений [55, л. 279].

Испытания проводились на русском языке в учебных заведениях МНП просвещения. Те, кто поступал на военную службу вольноопределяющимся 3-го разряда, должны были сдать закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, алгебру, географию и историю на положительные оценки [90, л. 5-9].

В 1891-1892 учебном году по Тобольской губернии свидетельства на льготу по отбыванию воинской службы получили: в Тюменском округе – 8 мальчиков, Ялуторовском – 24, Курганском – 58, Ишимском – 36, Тюкалинском – 21, Тарском – 8, Туринском – 14. Всего – 169 мальчиков. Кроме того, Епархиальным училищным советом были признаны достойными получения льготных свидетельств IV разряда ещё 16 учеников: в

Ялуторовском округе – 2 мальчика, Ишимском – 1, Курганском – 5, Омском – 4, Павлодарском – 1, Берёзовском – 3. Но из-за непредставления всех требуемых правилами документов им не могли вовремя выдать долгожданные свидетельства [19, л. 4].

В мае 1904 г., вскоре после начала русско-японской войны, вышел новый циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу за № 14977, по которому разрешалось принимать экзамены с предоставлением льготы до исполнения учащимися 11 лет [55, л. 279].

Всё мужское население империи, за исключением казаков и инородцев Томской и Тобольской губерний, достигнув 20 лет, тянуло жребий, определявший раз и навсегда, кто обязан идти на действительную службу, а кто оставался от неё свободным. От этой процедуры освобождались духовные лица, а также учителя и медицинские работники, которые автоматически зачислялись в запас на всё время работы по своей профессии. В циркуляре МНП от 7 сентября 1874 г. разъяснялось, что в случае, если учителя начальных народных училищ вытянут жребий на поступление в войска, они освобождаются от воинской службы в мирное время с зачислением в запас. Ежегодно, в течение шести лет, их обязывали предоставлять справки о том, что они действительно работают в своих училищах [55, л. 48]. Если же учителей начальных училищ МНП призывали на военную службу, то им гарантировалось возвращение на прежнюю работу с зачислением времени, проведённого на военной службе, в срок выслуги пятилетних прибавок и на пенсию [1, л. 119].

В Полном своде законов Российской империи оговаривалось, что отсрочка от воинской службы предоставляется воспитанникам учительских институтов, семинарий, низших сельскохозяйственных училищ и школ по положению от 26 мая 1904 г., Омской и Тобольской школ молочного хозяйства [233, с. 1728-1731]. Так, в 1904 г. из 7955 призывников Томской губернии даны отсрочки для окончания образования в русских учебных заведениях 14 человек, право на сокращение срока службы получили 68 человек [77, л. 2, 39-42, 48-49].

В результате военной реформы значительно изменился состав русской армии, повысилась её боеспособность. Благодаря оговоренным правительством льготам совершенно другим стало и отношение простого народа к получению образования.

Правительство и цензура строго следили за учебниками и учебными пособиями, которые приобретались в сельские одноклассные школы. Учителя здесь могли использовать

учебники, написанные ими самими. Наиболее популярными были книги выдающегося педагога К.Д. Ушинского. Многие авторы, заимствуя его методику, писали свои книги по разным учебным предметам. Поэтому большинство книг для министерских школ создавались не официально назначенными авторами, а специалистами, которые имели к этому призвание. В конце XIX – начале XX вв. здесь можно было встретить: «Новый русский букварь», «Краткую священную историю» и катехизис, Евангелие, «Сокращённый великий молитвослов», «Руководство к обучению грамоте графа Корфа», «Руководство к преподаванию грамотности» Орбинского, сборник для народного чтения «Пчела», «Первоначальное обучение чтению и письму» Шарловского, арифметику Груббе, составленную Паульсоном, «Книгу для чтения» Паульсона, «Обозрение земного глобуса» Орбинского, «Полную арифметику на счётах», «Книгу для чтения» Водовозова, «Наставление в вере» Соколова, «Уроки географии» [61, л. 7-9].

Большое внимание в одноклассных и двухклассных сельских министерских училищах уделялось воспитательной работе, которая проводилась в урочное и внеурочное время. Педагоги придерживались идеи К.Д. Ушинского, что «истинное воспитание должно быть посредником между школой, жизнью, наукой». В своих работах русский просветитель доказывал, что педагог всегда должен помнить, что он выводит новое поколение из школы в жизнь, от деятельности его воспитанников зависит общественное развитие. Воплощение идеи народности возможно только при наличии народной школы, участие в организации которой должен принять сам народ, руководствуясь при этом своими потребностями [316, с. 63]. Сибирские учителя внимательно изучали рекомендации по ведению урока. Со временем в сельских школах определились характерные черты классно-урочной системы: класс с твердым составом учащихся, постоянное расписание уроков, фронтальные занятия со всеми учащимися класса в сочетании с индивидуальными при ведущей роли учителя. Учитывая быструю утомляемость детей младшего возраста, Ушинский советовал производить смену видов деятельности на занятиях, разнообразить методы передачи нового материала, приучать школьников к самостоятельной работе. В начальной школе рекомендовалось проводить объяснительные чтения для лучшего ознакомления с окружающей средой [293, с. 13].

Кроме общепринятых учебных задач, сельским светским

школам была поставлена и главная воспитательная цель – сделать всё необходимое для того, чтобы дети прониклись национальной идеей любви к Вере, Царю и Отечеству. Сибири был необходим воспитанный в религиозно-патриотическом духе и хотя бы элементарно грамотный крестьянин-колонизатор. Поэтому ещё в начальной школе педагогам рекомендовалось использовать все доступные средства для пропаганды идеи отечества и патриотизма [156, с. 6]. В наглядных пособиях, которые хранились в школе или распространялись по подписке, обязательно имелись картины, показывающие историю дома Романовых и основные события Библии.

Взаимоотношения учителя и местного сельского общества складывались не просто. Вновь прибывшему преподавателю требовалось завоевать доверие населения. К новичку приглядывались и, убедившись, что ему можно доверять, отпускали детей в школу.

Обычно учитель был приезжим и собственного дома не имел. Примерно до 1890-х годов учителя проживали у крестьян, снимая «углы» и «квартиры» в их убогих домишках. Нередко учительское жильё находилось прямо в школе. В лучшем случае, в небольшой, отдельной комнате, в худшем – в классе, за тонкой дощатой перегородкой. Когда начали строить специальные здания для школ, жилищные условия учителей улучшились.

Сельские жители по-своему представляли, каким должен быть учитель. «Хорошим» считался не только добрый, нравственный человек, который любил детей, но и умел найти общий язык с местным населением, не отказывал в безвозмездной помощи при составлении бумаг по житейским делам или при оказании медицинской помощи. Такой учитель обучал школьников пению, проводил народные чтения и беседы, организовывал школьные спектакли, концерты и прочие «разумные развлечения», вёл активную культурно-просветительную и общественную работу, выходящую за рамки его непосредственных обязанностей. Особые симпатии сельчан вызывал учитель, обучавший учеников какому-либо ремеслу или рукоделию, садоводству, огородничеству, пчеловодству и другим навыкам, овладение которыми приносило дополнительный доход семье школьника [150, с. 92-94].

Для расширения сети начальных школ в западносибирской деревне стали внедрять новый тип учебных заведений – передвижные школы, которые открывались в селениях, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Если в

Курганском и Ишимском уездах Тобольской губернии на одно селение в среднем приходилось 522 и 480 человек, то в Туринском и Тобольском – 177 и 134 [296, с. 208]. Наиболее крупные сёла в южных уездах Тобольской губернии имели свои училища, при этом основная часть крестьян отдалённых населённых пунктов оставалась неграмотной.

Первые попытки по внедрению передвижных школ в Тобольской губернии были сделаны в конце XIX века в Ялуторовском уезде по предложению крестьянского чиновника Тавастшерна. Он знал, что опыт устройства передвижных школ в Западной Сибири оказался довольно удачным и его следовало повторить вновь. Началось всё с того, что в 1881 г. генерал-губернатор Западной Сибири разрешил устроить такое учебное заведение в четырёх посёлках Омского уезда на средства войскового хозяйственного правления. В результате через 30 недель 41 ученик из 45 успешно выдержал экзамены, получив при этом навыки грамоты и письма, счёта до ста, выучил основные молитвы.

В Ялуторовском уезде воспользовались уставом Степного края, утвержденным губернским присутствием. В нём отражалась основная цель создания передвижных школ – преподавать грамоту на возможно дешёвых началах и в наиболее глухих местах таким образом, чтобы дети приучались к более или менее самостоятельному продолжению получения знаний после отъезда учительницы. На каждого преподавателя приходилось по три пункта, которые они по очереди должны были посещать, занимаясь ежедневно в каждом пункте не менее двух месяцев [296, с. 5].

В 1896 году во 2-м крестьянском участке Ялуторовского уезда волостные сходы постановили открыть передвижные школы в селениях, которые находились далеко от действующих школ. Для этого установили сбор с местных крестьян в размере от 3–4 копеек с запахиваемой десятины земли и 2–3 копеек за голову крупного скота. В год это составляло примерно 3700 рублей.

Всего было открыто 12 передвижных школ для сорока деревень. Занятия в 1896–97 учебном году начинались в первых пунктах вместо 1 сентября только в середине декабря и заканчивались чуть раньше 1 мая. За это время учительницам удалось побывать во всех трех пунктах, но большинство посетило лишь два. Детей, которым предстояло пройти обучение, было 714: полуграмотных – 30 и неграмотных – 684, из них мальчиков – 562 и девочек – 152. Курс занятий с неграмотными детьми заключался

в изучении молитв, обучении чтению и письму, а также первым правилам арифметики. В некоторых школах, в зависимости от знаний учительницы, велось преподавание церковного пения [288, с. 4].

Курс занятий в передвижных школах установили такой же, как и в министерских. После сдачи экзамена выпускникам предоставлялись одинаковые льготы и преимущества.

Помещения училищ находились в крестьянских наёмных избах, мало пригодных для занятий. На общем сходе селяне решали, чей дом следует предоставить в аренду для школьников, не придавая особого значения его размерам и освещению.

Среди учебников и учебных пособий в передвижных школах чаще всего имелись: «Наставление в начальных истинах христианской веры» Соколова, «Букварь» Баранова, «Наглядная азбука» Павленкова, «Обучение церковно-славянской грамоте» Ильменского. В ходе занятий выяснилось, что букварь Баранова оказался непригодным из-за недостатка материала и его заменили «Нашим словом» того же автора. Все перечисленные учебники являлись «довольно полезными», но мало пригодными для самостоятельной работы [31, л. 8-42]. Книги для чтения, как необходимые пособия, предоставляли волостные народные библиотеки 2-го крестьянского участка. Учебниками снабжался каждый ученик на весь курс обучения [22, л. 8].

Великий русский педагог К.Д. Ушинский разработал книгу для чтения в начальной школе «Родное слово». В 1864 г. вышли две первые книги и методические руководства к ним для учителей. В 1870 г. Ушинский издал третью книгу «Родного слова» для начальной школы – грамматику с руководством для учителей. В дореволюционный период вышло 146 изданий этого учебника [293, с. 13]. Учебники и учебные пособия Ушинского имелись почти в каждой передвижной школе. Работать по ним было легко и удобно, учащиеся быстро осваивали новые знания, стремясь к дальнейшему изучению предмета.

Для проверки знаний учащихся передвижных школ 1 мая 1897 года начались экзамены, которые проводили штатный смотритель народных училищ и законоучитель. По курсу Закона Божьего проверяли молитвы с объяснением смысла и непонятных слов; по русскому языку – свободное чтение по книгам гражданской печати и пересказ прочитанного, письмо слов и фраз под диктовку, чистописание; по арифметике – четыре действия в пределах первого десятка. Из-за начала полевых работ более взрослые

ученики не пришли на экзамен, поэтому сдающих было только 305 человек. Из них справились с испытанием 274, а в числе неуспевающих и слабых оказался 31 ребёнок [40, л. 1-8].

Преподавателями первых передвижных школ являлись правоспособные учителя и учительницы, т.е. те, кто имел соответствующее свидетельство на звание сельского учителя, чаще всего – это дети крестьян, мещан и чиновников. В списке учителей сельских приходских училищ Тобольской губернии, который появился в 1883 г., имеются сведения о всех двенадцати учительницах первых передвижных школ. Так, в Первой передвижной школе преподавала Мария Сосинская, дочь мещанина, которая имела свидетельство на звание сельской учительницы за №164. К работе она приступила 1 октября 1896 г. и до 15 января 1899 г. обучала детей в поселениях: Хорзово, Дроново и Яковлево. Во Второй передвижной школе, охватывающей Тумашово, Семеново и Марково, преподавало двое учителей. С 1 октября 1896 г. по 1 сентября 1897 г. здесь работала, имея свидетельство на звание сельской учительницы за №171, дочь мещанина Татьяна Пермина. 1 сентября 1897 года её перевели в Бушуевское сельское училище Ялуторовского уезда, а на освободившееся место взяли Екатерину Медведеву, дочь отставного солдата со свидетельством на звание начальной народной учительницы №1353 [7, л. 165-167].

Вскоре после начала эксперимента стали поступать прошения учительниц передвижных школ к штатному смотрителю Ялуторовского уезда об их увольнении [174, с. 45-46]. В ряде причин назывались болезни и тяжелые условия работы. Так, летом 1898 г. учительница Десятой передвижной школы А. Пискунова писала: «Не желаю далее продолжать службу в селе Омутинском. Честь имею покорнейше просить уволить меня от должности и возвратить мне документы» [33, л. 2]. Другая учительница, А.Н. Ульянова, потеряв здоровье во время постоянных разъездов между школами, просила чиновника по крестьянским делам А. Тавастшерна перевести в какую-либо сельскую местную школу Ялуторовского округа [32, л. 5-8].

К окончанию эксперимента всем было ясно, что он не оправдал возложенных на него надежд. Дети первой группы после месячных занятий с переходом учителя в другую деревню оставались без постоянного присмотра и руководства, домашнего задания не выполняли и быстро забывали пройденное [304]. В результате

малой эффективности подвижные школы были преобразованы на рубеже веков в обычные одноклассные училища.

Тем не менее, опыт данного вида учебных заведений не был забыт. 23 августа 1907 года директор народных училищ Тобольской губернии Г.Я. Маляревский представил попечителю Западно-Сибирского учебного округа подробный доклад о возрождении передвижных народных училищ за счет казны. Вскоре поступил ответ с разрешением открыть в губернии передвижные школы на средства МНП и земские сборы. Срок обучения в них сокращался с трех до двух лет, ученики принимались в возрасте от 8 до 14 лет. По прошествии двух лет училище переводили в другой населенный пункт на тех же условиях, а через два года – в следующий. Спустя четыре года оно возвращалось в первое селение, где количество детей от 8 до 14 лет вновь увеличивалось.

1 февраля 1908 г. передвижные школы открылись в селах Тобольского уезда. Первая два года работала сначала в д. Нижне-Филатовой Бронниковской волости, затем переезжала в д. Почекунину и Башкову. Вторая передвижная школа из д. Солянской перемещалась через полтора года в д. Мокроусову и через два года в Малиновскую. В 1908/9 учебном году в этих школах обучалось 22 мальчика и 4 девочки.

Сохранились воспоминания Анны Ионовны Редикульцевой (Баландиной) о том, как она организовывала передвижную школу в Тобольском уезде. В деревне Токаревой, на берегу Иртыша, молодая учительница за пять рублей в месяц сняла двухэтажный дом, отделала комнаты новыми обоями, сделала в стене вентилятор, заказала в соседнем селе у ссыльных парты на винтах и остальную мебель. Уроки с 30 детьми вела по одному часу, между ними делала пятиминутные перемены. После трёх уроков один час давался на обед, затем проводилось еще три урока. Когда говорила ребятам, что уже темно, пора идти домой, они отвечали в один голос: «Нам ведь учиться, что гостинцы есть!» [102].

Одним из первых учителей передвижных школ стал и крестьянин Евгений Моисеевич Попов (1890-1942), который с детства воспитывал в себе любовь к книге, людям, рано усвоил нравственные ценности человеческого бытия и всю жизнь следовал этим заповедям. После окончания с отличием Высшего начального Тобольского училища в 1907 г. его назначают в Шестнадцатую подвижную школу д. Поваровка, где в течение трёх лет он преподавал математику. Одновременно с преподавательской

деятельностью в сельской школе он усиленно готовился к поступлению в Томский педагогический институт. В 1911 г. он исполнил свою мечту и стал студентом высшего учебного заведения [100].

К осени 1909 г. в Тобольской губернии действовало девять передвижных школ МНП. К концу года дирекция народных училищ получила разрешение и средства на открытие ещё 25 аналогичных учебных заведений. По сравнению с другими регионами Западной Сибири передвижные школы получили наибольшее распространение в Тобольской губернии.

Открытие передвижных школ учитывало многие особенности региона и было продиктовано стремлением дирекции народных училищ при наличии имеющихся немногочисленных материальных средств максимально приблизить школу к сельскохозяйственному населению южных районов Тобольской губернии. Положительным моментом являлось и то, что даже в малочисленных деревнях появились свои учебные заведения, учителя; обучение велось с одной группой учеников, что значительно облегчало труд педагогов и делало его более продуктивным [136, с. 34-35]. Учащиеся оставались с родителями и не отрывались от привычного образа жизни. Профессиональные навыки, которые не давала школа, дети получали в семье. Сибирских старожилов привлекало и то, что такая школа была не обременительной для крестьянской общины, т.к. часть расходов брало на себя государство.

Наравне с передвижными школами самым низшим звеном школьной сети МНП являлись школы грамоты. В 1891 г., после утверждения особых правил о школах грамоты, они перешли в ведение православной церкви.

Большинство светских школ на селе после отмены крепостного права при недостатке официальных училищ, удалённости их от многих деревень в Сибири являлись домашними или, как их ещё называли, «вольными». Уровень обучения в этих школах зависел только от учителей, поэтому оставался довольно низким. Чаще всего здесь преподавали отставные солдаты, политические ссыльные, а также учителя по профессии, попавшие в опалу, ссылку или вышедшие в вынужденную отставку.

«Вольные» школы преследовались правительством, тем не менее, они успешно выполняли свою благородную миссию. Сенатор А.Н. Куломзин во время поездки по Сибири установил, что около 33% опрошенных им рабочих приобрели грамотность в

неофициальных школах. Процент сельского населения, получившего начальное образование в домашних («вольных») школах, был ещё выше.

Только на Алтае функционировали юбилейные школы, открытые в ознаменование 150-летия Алтайского округа. Согласно приказу №19 Министерства Императорского двора от 30 апреля 1897 г., на постройку 30 школьных зданий в переселенческих посёлках ассигновалось по 400 рублей на каждое, бесплатно отпуская лес. Кроме того, предписывалось в течение 10 лет в сметах Алтайского округа ежегодно предусматривать по 360 рублей на жалование учителю и по 40 рублей на учебные пособия в каждой из данных школ. Все школы были учреждены до 1910 г., первой из них была открыта Бастанская (1899 г.), последней – Шадринская (1909 г.) [175, с. 42]. По истечении десятилетнего срока после открытия юбилейные школы были переданы на содержание церковного ведомства.

Развитие капиталистических общественных отношений вызвало рост средних учебных заведений. Новые средние школы открывались в Кургане, Петропавловске, Барнауле, Ялуторовске. Жители западносибирской деревни получали возможность продолжить своё образование и в этих училищах. Но при этом процентное соотношение городских и сельских учеников оставалось всегда в пользу первых. Крестьяне чаще всего были не в состоянии содержать своих детей в средних учебных заведениях, так как там надо было вносить ежегодную плату за обучение.

Таблица 7

Сословный состав учащихся средней школы
Западной Сибири в 1887 г. [157, с. 3-117]

Губерния, область	Количество учащихся (всего/крестьян)			
	Мужские		Женские	
	гимназии	реальные училища	гимназии	прогимназии
Тобольская	168/7	145/21	-	630/175
Томская	259/10	120/8	325/4	134/17
Акмолинская	218/5	59/22	298/4	130/10
всего:	645/22	324/51	623/8	894/202

Таким образом, в 1887 г. в средних учебных заведениях Западной Сибири обучалось 2486 человек, среди которых 283 являлись крестьянами, что составило 11,4% от общего количества учащихся.

По данным на 1909 г. в средних учебных заведениях Тобольской губернии обучалось 152 сельских подростка, из них в Тюменском Александровском реальном училище – 22, Тюменской женской гимназии – 26, в Курганской женской гимназии – 59 [41, л. 381].

Таблица 8

Сословный состав учащихся средней школы Западной Сибири в 1905-1912 гг. (в %) [327, с. 104]

Сословия	1905 г.	1908 г.	1912 г.
Дворян и чиновников	35,3	31,9	29,6
Духовенство	3,5	3,4	3,9
Крестьяне и казаки	16,6	18,6	22,1

Очевидно, что значительная часть крестьянских детей, получив право учиться в средней школе, не имела возможности реализовать его до конца. Тем не менее, в начале XX в. постепенно повышается количество крестьянских детей в учебных заведениях среднего звена.

Своеобразие процесса становления и развития школы Западной Сибири отмечается не только в том, что в этом районе значительно позже, чем в Европейской России, начали открываться учебные заведения, но и в том, что здесь гораздо медленнее развивалась сеть общеобразовательных и профессиональных школ.

Таким образом, можно сделать вывод, что значительный вклад в дело народного образования края внесли МНП, МГИ, МВД, Западно-Сибирский учебный округ, предприниматели, просветители, сельская интеллигенция. К концу XIX столетия здесь сложились предпосылки к появлению системы образования, стремившейся охватить все уголки бескрайних сибирских просторов. Несмотря на предпринятые меры, обучение продолжало оставаться недоступным для большинства сельских детей, процент грамотных почти не увеличивался. Это происходило из-за постоянного притока переселенцев из центральных и окраинных губерний империи, довольно низкого профессионального образования педагогов, политики государства, не заинтересованной в получении сельскими жителями всестороннего качественного образования. И хотя после выхода в 1908 г. закона о всеобщем

начальном образовании количество сельских школ возросло, тем не менее значительная часть сельских жителей оставалась в стороне от просвещения.

1.2. Конфессиональные школы

Социально-экономическое развитие России во второй половине XIX в. поставило вопрос о необходимости всеобщего начального образования. Не случайно вся политика образования во второй половине XIX в. была направлена на поиск его оптимального варианта для народа, т.е. гарантирующего возможность модернизации страны при сохранении стабильности самодержавия. Выход был найден в создании системы церковно-приходских школ.

Основное значение церковной школы в Западной Сибири – распространение в крестьянской среде общей грамотности, которая являлась основой для усвоения специальных знаний. Необходимо учитывать и условия жизни в сибирской деревне: на постепенное, основательное образование зачастую просто не хватало времени. Церковная же школа, учитывавшая сельскохозяйственный цикл, представлялась в этом случае наиболее оптимальной. Кроме этого, относительная дешевизна церковной школы делала её привлекательной для правительства.

В истории существования сельских церковно-приходских школ Западной Сибири можно выделить три периода. Первый (1861-1883) характеризуется возникновением духовных учебных заведений для крестьян. В сельской местности действовал изданный в 1839 г. Указ Синода о необходимости заведения школ для обучения населения и воспитания его в соответствующем религиозно-нравственном духе. Средств на постановку школьного образования не предусматривалось. После отмены крепостного права в Ялуторовском округе Тобольской губернии открыли несколько таких сельских школ. Размещались они в квартирах священников или крестьян, церковных сторожках, совершенно не приспособленных для этих целей. Как отмечали современники, преподавание в них велось самыми рутинными приёмами: «читать учили посредством буки-аз-ба, веди-аз-ва и т.п., преподавание арифметики заключалось в механическом переписывании с доски задач, которые решал сам учитель. Письму учились, переписывая прописи, выполненные тем же учителем. Молитвы заучивались в долбёжку без всякого разъяснения не только внутреннего смысла

молитвы, но даже без объяснения непонятных слов и выражений. Псалтырь и часослов оставались почти единственными пособиями этих училищ. Читали ученики чуть не по складам, не понимая прочитанного, арифметические познания были равны нулю: ученики часто не в состоянии были произнести трёхзначное число; что же касается правописания, то о нём не было и речи, потому что сами учителя не отличались грамотностью. Умственного развития школа совсем не давала» [224, с. 25-26].

О качестве обучения в Новоуковской церковно-приходской школе за 1864 год говорится в отчёте смотрителя церковно-приходских школ Ялutorовского округа Тобольской губернии Аристархова: «Читать здесь порядочно могли из 10 человек только четыре мальчика и одна девочка, но рассказать прочитанного не мог никто. Из Краткого Катехизиса, оказалось, зазубривался текст, поэтому ученики не могли объяснить ни одного слова символа веры и молитвы Господней. Что касается арифметики, то результаты её преподавания оказались более чем ничтожны: ученики не в состоянии были отличить 150 от 105» [224, с. 41-42].

В 1862 г. число этих школ по Ялutorовскому округу выросло до 19, в каждой из них обучалось по 3-8 человек. В Новоуковской школе при двух учителях занималось трое, в Боровинской при одном учителе – трое, в Заводоуковской при двух учителях – четверо детей. По данным на 1863 г. в 11 духовных школах округа обучалось 116 учащихся, а в следующем 1864 г. духовных школ осталось всего три. Причиной столь быстрого закрытия этих школ являлась педагогическая неподготовленность сельского духовенства, а также недостаток средств на содержание школ. В 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири даже хлопотал о замене учителей-священников в школах светскими лицами из-за их непригодности. Значительную роль в закрытии церковно-приходских школ сыграл и тот факт, что за педагогическую деятельность в школах МГИ священники получали ежегодное жалование в размере 85 рублей, а в духовных работали бесплатно. Постоянные разъезды по приходу для исполнения церковных обязанностей приводили к тому, что священники поручали преподавание в школе малограмотному дьячку, а за неимением такового, одному из деревенских грамотеев. По данным на 1864 г., в с. Новозаимском обучением детей занимался достаточно грамотный поселенец Кочетов, в с. Исетском – поселенец Бурлин, в с. Омутинском – губернский секретарь Черновский, выпускник

Камышловского уездного училища. Последний не имел учительского звания и неоднократно отказывался на предложение властей держать экзамен по «способности познания». Учителя-наёмники получали за каждого ученика по 50 копеек или по 1 рублю в месяц. Жили они в домах родителей школьников по одной неделе до тех пор, пока учащиеся посещали школу. Известно, что у крестьян такие учебные заведения не пользовались популярностью, и к 1868 г. в округе закрылась последняя духовная школа.

Конфессиональные школы в западносибирской деревне в незначительном количестве продолжали существовать и в дальнейшем.

Второй этап (1884-1901) и возрождение церковной школы начались после высочайшего повеления 1884 г. и утверждения «Правил о церковно-приходских школах» [257], по которым православному духовенству предоставлялись практически неограниченные полномочия в деле нравственного воспитания подрастающего поколения. Быстрый рост этих учебных заведений, благодаря субсидиям правительства, прогрессивными кругами русского общества расценивался как угроза передовой русской культуре [168, с. 18].

Духовные школы в западносибирской деревне подразделялись на два типа: церковно-приходские и школы грамоты, которые представляли собой довольно стройную систему: школа грамоты (1 год обучения), одноклассная церковно-приходская (2 года), двухклассная (3-4 года), второклассная (3 года). В школах грамоты обучали русскому и славянскому чтению, письму, четырём правилам арифметики и церковному пению. В отличие от передвижных (светских) школ они располагались на постоянном месте – в часовне или деревенской избе, которые чаще всего не соответствовали никаким санитарно-гигиеническим требованиям. Обучение проводилось по церковным книгам, так как учебников и учебных пособий постоянно не хватало.

Церковно-приходские школы открывались в сёлах с церквями на средства прихожан. В мае 1891 г. после утверждения Правил о школах грамоты эти учебные заведения перешли под контроль Синода. Обер-прокурор Синода К. Победоносцев считал, что это самые дорогие по духу и направлению и самые дешёвые для народа школы. «В богатых сёлах рядом со школами земскими и министерскими, в их захолустьях, в деревнях открывались эти истинно народные школки. Учителем обычно был заштатный дьячок, старая девица (вековуша или черничка), деревенская

келейница или отставной солдат. Нелегко давалась эта грамота, но за ней всякий, овладевший ею, оставался грамотным на всю жизнь и не нуждался в повторительных курсах или классах» [14, л. 85]. Школы грамоты могли открываться даже в самых малонаселенных пунктах с минимальными материальными издержками при одном учителе.

В 1886-87 учебном году Тобольский епархиальный училищный совет возбудил ходатайство перед Тобольской казённой палатой об освобождении крестьян от взносов за министерские училища в тех деревнях, где будут открываться школы грамоты. Ходатайство отклонили, и в 1892-1893 гг. Тобольский епархиальный училищный совет закрыл 76 школ грамоты, которые крестьяне отказывались содержать. К 1 января 1894 г. в губернии осталось 95 школ грамоты.

К концу второго периода количество церковно-приходских школ в западносибирской деревне стало снижаться, в то время как количество школ грамоты – постоянно расти. Произошло это, как считал Ф.Ф. Ольденбург, из-за дешевизны последних учебных заведений, а также из-за возможности их открытия без лишних хлопот со стороны правительства в любом уголке прихода [213, с. 103-140]. Увеличению числа школ грамоты в регионе способствовало и особое решение Комитета министров. В 1895 г. здесь обсуждался вопрос о передаче начальных училищ Сибири, состоящих в ведении МВД и МГИ в ведомство МНП или местных епархиальных начальств. Пристально изучив сведения о числе школ, учителях, учащихся, средствах содержания, предоставленные от чиновников тех ведомств, где имелись народные учебные заведения, в столице убедились в полном доверии сибиряков к светской школе. По мнению «Русских ведомостей», в Томской и Тобольской губерниях считали, что школа гражданского ведомства предпочтительнее церковно-приходской. Такой же ответ был получен из Степного генерал-губернаторства. В рапорте указывалось, что: а) Министерство народного просвещения сосредотачивает в себе заботу о народном образовании и располагает опытным персоналом как учителей, так и инспекции, а равно и специальными учебными заведениями для приготовления первых; б) чинам Министерства народного просвещения не приходится раздваиваться в своей деятельности, что неизбежно для священников; в) большинство причтов, занятых прямыми обязанностями, не в состоянии в достаточной мере следить за школами; г) в священнослужителях чувствуется большой недостаток [292, с. 100].

Состояние конфессиональных школ Томской епархии
(конец XIX в.) [294, с. 6]

Учебный год	Церковно-приходские школы	Школы грамоты	Всего
1894-1895	205	234	439
1895-1896	199	1178	1377
1898, январь	188	693	881
1899, январь			721

Данные вышеприведенной таблицы свидетельствуют, что в 1895 г. количество школ грамоты в Томской епархии увеличилось на 214%. Произошло это после того, как Томский губернатор издал циркуляр, в котором предписывалось волостным писарям обучать деревенских детей молитвам и грамоте по четыре часа ежедневно [292, с. 131]. Затем начинается резкое снижение количества этих учебных заведений: с 1896 по 1898 гг. на 48%.

Третий период развития конфессиональных школ в Западной Сибири (1902-1913) характеризуется более профессиональным подходом к делу народного просвещения. В новых условиях задачи православной церкви в сфере просвещения значительно усложнились – духовенству необходимо было повысить свой авторитет путём сохранения и укрепления своих позиций в данной области. Предстояло не только количественно увеличить и преобразовать уже существующие учебные заведения, но и внедрить принципиально новые формы и методы работы. 1 апреля 1902 г. вышло положение о двухклассных церковно-приходских школах, в 1903 г. – утверждены новые учебные программы для церковно-приходских школ, призванные приблизить уровень образования в начальных духовных учебных заведениях к светским. В это же время в регионе начинают работу курсы для педагогов, открываются учительские семинарии, всё большее внимание уделяется повышению профессиональной подготовки преподавателей. Процесс противоборства светского и церковного образования в регионе продолжался с переменным успехом вплоть до начала школьной реформы 1908 года. Получив финансовую поддержку государства, светское образование начало выигрывать борьбу с церковным.

Значительный рост начальных школ в Западной Сибири произошёл в 1909-1913 гг. из-за того, что государство и губерния стали больше выделять средств на устройство новых учебных заведений.

Численность школ духовного ведомства в этот период продолжает расти за счёт того, что школы грамоты в 1909 г. были преобразованы в церковно-приходские. Так, в период с 1908 по 1912 гг. численность школ грамоты в Западной Сибири сократилась с 718 до 35, а церковно-приходских возросла с 712 до 1503.

В Правилах о церковно-приходских школах чётко указывались цели открытия школ, средства и пособия к их содержанию, порядок открытия и состав школ, преподаваемые предметы и порядок их преподавания, права и обязанности наставников, законоучителей, наблюдателей и попечителей, отношение Св. Синода к церковно-приходским школам [15, л. 10].

Церковно-приходские школы должны были дать элементарные знания по счёту, письму, чтению и обеспечить воспитание учащихся в духе веры в Бога, царя и отечество. В §1 Правил говорится, что «церковно-приходскими школами именуются начальные училища, открываемые православным духовенством. Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» [306, с. 159].

В инструкциях наблюдателем церковно-приходской школы отмечалось: «Обращать внимание на то, чтобы школа развивала и образовывала их (детей):

а) дети научились читать славянские и русские книги, на сколько возможно, сознательно, с пониманием прочитанного до такой степени, чтобы они могли передать прочитанное своими словами;

б) при изучении молитв обращалось внимание на возможно более сознательное понимание молитв и утверждение в них духа молитвенного;

в) при обучении пению изучались церковные песни на память, усваивали религиозный характер и дух самих напевов и всецело проникались им, чтобы учащиеся уразумели и усвоили историю (священную), догмы веры, учения христианской нравственности и поняли смысл богослужения;

г) чтобы при обучении счисления дети научились особенно умственному решению простых задач» [18].

Высшее управление церковными школами возложили на образованный в 1885 г. Училищный Совет при Св. Синоде. Для организации и управления церковно-приходскими школами создали следующую систему: Епархиальный училищный Совет – уездные отделения – особый наблюдатель – помощник наблюдателя, наблюдатели-благочинные, инспекторы – заведующие школ. Была выработана система взаимоподчинения этих звеньев, разделены обязанности.

Епархиальное начальство предпринимало меры по увеличению педагогических кадров для церковно-приходских школ и способствовало обмену опытом между учителями, повышению уровня преподавания [129, с. 4].

Епархиальное начальство обеспечивало школы литературой: учебниками и учебными пособиями, рекомендуемые Св. Синодом, книгами для внеклассного чтения, которые выписывались с книжного склада Учебного Совета при Св. Синоде. Епархиальный училищный совет делал заказ на книги, основываясь на требованиях, поступающих от уездных отделений, и производил оплату денег за них. Епархиальное начальство заботилось об устройстве книжных складов в уездных отделениях. Так, в конце 1899 г. в шести уездных отделениях Тобольской епархии для снабжения церковных школ учебниками, учебными и наглядными пособиями, руководствами для учителей и письменными принадлежностями открылись специализированные книжные склады [312].

Епархиальным училищным советам подчинялись уездные отделения. В Тобольской епархии существовало 12 таких отделений (территория Тобольской губернии и Акмолинской области), в Томской – 7. Создавались отделения для «ближайшего» заведования церковными школами своего округа. Здесь занимались рассылкой денег по школам на жалование учителям, на постройку школьных зданий, заведованием книжными складами и непосредственным обеспечением школ необходимой литературой; назначали экзаменационные комиссии для испытания учеников церковных школ; осматривали школы и составляли годовые отчёты о состоянии школ своего округа. В §6 Правил «Об уездных отделениях», принятых в 1888 г., говорится, что в круг их деятельности кроме вышеперечисленного, входит «личный осмотр членами отделения церковных школ своего округа» [18, л. 5]. В состав этих органов входили директор и инспектора народных

училищ, штатные смотрители, члены губернского по крестьянским делам присутствия, чиновники по крестьянским делам. На должности окружных инспекторов церковно-приходских школ назначались не только городские, но и сельские священники. Так, в сентябре 1893 г. Ишимское уездное отделение Тобольского епархиального училищного совета избрало инспектором Ишимских церковных школ священника села Абатского Иоанна Лапшина. Председатель отделения протоиерей Иоанн Кузнецов принял во внимание, что прежде Лапшин служил учителем и зарекомендовал себя аккуратным и умелым исполнителем возложенной на него обязанности – экзаменатора Кокуйской школы [20, л. 7].

Известно, что с 1 января 1900 г. на должность инспекторов церковно-приходских школ Тобольской губернии были назначены: в Курганский, Ялуторовский и часть Ишимского уездов с местопребыванием в г. Кургане учитель-инспектор С-Петербургского Свято-Троицкого городского училища надворный советник Андрей Нечай, в Тюкалинский, Тарский и Ишимский уезд с местопребыванием в г. Тюкале делопроизводитель Тобольского губернского управления титулярный советник Елпидифор Соколов, в Тобольский, Тюменский, Туринский, Сургутский и Берёзовский уезд с местопребыванием в г. Тобольске учитель-инспектор Петергофского городского училища надворный советник Алексей Гуляев [20, л. 24]. Организация управления данными школами способствовала увеличению их количества.

В пределах Тобольской епархии школьное образование находилось в ведении Тобольского епархиального училищного совета, председателем которого на рубеже XIX-XX столетий являлся просвещённый авторитетный гражданин города Тобольска П.Д. Головин, получивший академическое духовное образование. Как председатель, он внёс огромный вклад в организацию церковного обучения и его руководства в крае [171, с. 54-55]. Кроме того, высшим духовным должностным лицом в системе церковного образования Тобольской губернии состоял известный педагог и общественный деятель Г.Я. Маляревский, которого Синод в 1894 г. назначил епархиальным наблюдателем церковных школ [288, с. 3-4]. Академическое духовное образование и богатый педагогический опыт Головина и Маляревского гарантировали высокую степень профессионализма в руководстве губернским духовным образованием. Не случайно на Всероссийской нижегородской выставке 1896 г. Тобольский епархиальный училищный совет

удостоили высшей награды за постановку церковного школьного образования [136, с. 33].

Важную роль в развитии епархиальной просветительской системы сыграл епископ Томский Макарий (1891-1912). В этот период Томский архиерейский дом стал просветительским центром епархии. Наряду с религиозно-нравственными чтениями он заботился о развитии церковных библиотек, подготовке учительских кадров для церковно-приходских школ.

Правительство, МНП и духовенство прилагали значительные усилия для того, чтобы дать сельским жителям хотя бы начальное образование. Тем не менее, конфессиональные школы имели возможность посещать менее 1% западносибирских крестьян, почти 80% из них – лица мужского пола.

Таблица 10

**Духовные начальные школы Западной Сибири
в 1892-1893 учебный год [199, с. 6-7]**

Губерния	Школы		Кол-во учащихся		Сколько уч-ся приходится на 1000 жителей	Число православных жителей
	Церковно-приходские	Грамоты	Всего	В т.ч. девочек		
Томская	179	192	8159	1417	7,7	1051656
Тобольская	130	153	6862	1708	6,1	1108988
всего:	309	345	15021	3125	6,9	2160644

По данным на 1892-1893 учебный год конфессиональное образование получали в среднем 6,7 человека из 1000 жителей. В дальнейшем эта ситуация изменилась незначительно, так как в Западную Сибирь не прекращался поток переселенцев, большая часть которых оставалась неграмотной.

**Рост сети начальных школ духовного ведомства
в Западной Сибири (конец XIX в.) [291, с. 101]**

Томская епархия	1886 г.	1888 г.	1890 г.	1892 г.	1894 г.
Церковно-приходских школ	37	99	112	145	139
Школ грамоты	24	38	45	189	235
Школ Алтайской миссии	38	26	26	38	38
Итого:	99	163	183	372	412
Томская епархия					
Церковно-приходских школ	105	136	164	145	-
Школ грамоты	-	143	108	127	-
Итого:	105	279	272	272	243
Всего:	204	442	455	644	655

Из таблицы видно, что количество начальных духовных школ в Западной Сибири с 1886 по 1894 гг. увеличилось с 204 до 655, что составило 320%. Тем не менее, даже после массового открытия школ духовного ведомства, процент грамотных на селе почти не увеличился. Происходило это из-за того, что в Западную Сибирь продолжал поступать постоянный поток неграмотных переселенцев, строительство же школ было делом дорогостоящим и не терпящим суеты.

Количественный рост церковно-приходских школ и школ грамоты обеспечивался финансированием Синода, местных епархий, поддержкой прихожан, увидевших в этих учебных заведениях практическую пользу [128, с. 144].

Источниками пополнения фонда Тобольского Епархиального училищного Совета служили: пособие от казны, тарелочный сбор, установленный Св. Синодом от 25 апреля 1886 г. [251, с. 43].

На пособие школам бедных приходов Тобольская епархия отчисляла 1% всех остаточных сумм церквей, что ежегодно предоставляло в распоряжение совета около 7000 руб. На первых порах решили производить однопроцентный сбор в течение грех лет. До окончания сбора предлагалось оставлять капитал неприкосновенным, чтобы составить постоянный фонд, % с которого использовать на пособие школам. Так, к 1 сентября 1891 г. капитал составил 21600 рублей [129, с. 4].

Таким образом, в распоряжение Епархиального училищного совета ежегодно поступало около 15000 рублей.

Одним из главных источников содержания церковных школ в Тобольской губернии с 1888 г. становится денежное пособие, ассигнуемое из земских губернских сборов. До 1890 г. оно составляло 10000 рублей, с 1890 по 1894 г. – 14200 рублей ежегодно, в 1894 г. было добавлено еще 7675 рублей на содержание школ и 3000 рублей на инспекцию.

Средства поступали также от обществ, церквей, монастырей, церковно-приходского попечительства, священнослужителей и родителей учащихся. Всего на эти нужды с 1884 по 1894 г. поступило дополнительно 6000 рублей.

Таким образом, ежегодно в Тобольский епархиальный училищный совет на содержание церковных школ епархии поступило свыше оговоренных правительством, около 30000-35000 рублей.

Постепенно расширялся круг источников поступления средств на содержание духовных низших и начальных школ. В Томской епархии в 1889/90 учебном году было собрано 18574 рублей 42 копеек, из них 3823 рубля 23 копейки поступило из епархиального училищного совета, 1765 рублей 58 копеек от церквей и монастырей, 468 рублей 79 копеек от волостных и сельских обществ [221, с. 12].

С самого начала своего существования церковные школы западносибирской деревни столкнулись с трудностями различного порядка: финансирование, подбор школьных зданий, преподавателей, учебных пособий и др. Необходимо отметить, что население отреагировало на появление данных школ на первых порах «с сочувствием». Оно оказывало помощь в их финансировании, предоставляло помещения, отопление, освещение и сторожей. Населению импонировало, что школы ведомства православного исповедания принимают детей разных сословий и вероисповеданий, мальчиков и девочек. Поэтому священнослужители на местах очень скоро сумели расположить своих прихожан к добровольным жертвам на строительство церковных школ. Лишь в 1887 г. правительство решило помочь местному православному духовенству, назначив по смете земских повинностей 40 тыс. рублей на все епархии Сибири (кроме Якутской). На трёхлетие с 1890-92 гг. эта сумма была увеличена на 12 тыс. рублей [14, л. 66].

Но и этих средств оказалось недостаточно. Школы, рассчитанные всего на 20-30 учеников, предстояло строить в небольших деревнях, где население не всегда имело возможность

помочь учебному заведению не только в его строительстве, но и содержании. По решению Тобольского Епархиального училищного Совета на строительство церковно-приходской школы одновременно отпускалось 300 рублей. Несмотря на столь незначительную сумму уже к январю 1886 г. в Тобольской губернии открылось 105 церковных школ.

Церковно-приходские школы открывались и на средства самих крестьян. Так, в прошении 1885 г. крестьянина Евгения Резанцева из села Селиаровского Тобольской губернии говорится: «Вполне сознавая важность и пользу грамотности, любя само просвещение в духе православной веры и церкви, какое предназначено повсеместным открытием церковно-приходских школ, и ревнуя о распространении такого просвещения особенно между юным поколением нашего края, ныне я возымел желание принять на себя попечение о церковно-приходской школе в нашем селе с обязательством давать от себя учителю или учительнице правоспособным помещение и стол и, кроме того, деньгами из небогатых своих средств 50 руб. ежегодно на жалование учащим школы» [16, л. 2].

Как отмечал Н.И. Палопеженцев, определить стоимость церковно-приходских школ и школ грамоты невозможно, т.к. в отчётах отделений проставлялись лишь суммы, расходуемые на жалование служащим, но нет сведений о расходах на наем квартир, ремонт и освещение помещения, стоимости учебных принадлежностей. Тем не менее, статистические комитеты и епархиальные училищные Советы собирали и публиковали сведения о содержании конфессиональных школ в Западной Сибири.

Таблица 12

**Содержание духовных школ Западной Сибири
в 1889-90 учебном году [14, л. 70]**

Наименование епархии	Число школ		Число учащихся	Сколько израсходовано на содержание школ, руб.
	Церковно-приходские	Грамоты		
Тобольская	155	119	4790	20543
Томская	137	44	3680	14562
всего:	292	163	8470	35105

Из данной таблицы видно, что на содержание духовных школ в конце XIX столетия в Западной Сибири тратились значительные

суммы, правда, при этом одно такое учебное заведение в Тобольской епархии обходилось всего в 75 руб., в Томской епархии – 80 руб. в год.

К концу столетия правительство стало более активно помогать делу просвещения сельских жителей. Увеличились суммы, отпускаемые на возведение и содержание духовных школ. Так, 29 мая 1897 г. училищный Совет при Святейшем Синоде в Петербурге рассмотрел и одобрил просьбу Тобольского епархиального училищного Совета об оказании помощи в строительстве второклассной церковно-приходской школы в селе Гаринском Туринского уезда. В отличие от множества школ, на постройку которых собирали всем миром, здесь было решено выделить из кредита по статье 3 §8 на Гаринскую деревянную двухэтажную школу 9000 рублей, и еще 600 рублей на устройство при ней хозяйственных служб. Кроме этого из Тобольской епархии на её содержание ежегодно поступало по 1500 рублей [21, л. 2-15]. Такие крупные средства на строительство сельских школ отпускались крайне редко.

В конце столетия церковно-приходские школы имели свои собственные помещения, устроенные как на средства прихожан, так и епархиальных училищных советов. Это были отдельные здания, построенные с одобрения дирекции народных училищ, съёмные крестьянские избы, комнаты при храмах, часовни, сторожки. По данным на 1894 г., в Ялуторовском округе Тобольской губернии средняя классная комната такой школы имела длину – 9, ширину – 6,2 и высоту – 3,25 аршин. Сравнивая нормативы классных комнат с министерскими училищами, выработанные Корфом, получается, что духовные школы находились в гораздо более стеснительных условиях по сравнению со светскими. Площадь пола здесь вместо 2 занимала 1,5-1 кв. аршин на каждого ученика, воздуха на одного человека вместо положенных 8 приходилось 4-2,6 куб. аршин, высота комнат вместо 4 составляла всего 3,25-2,12 аршин. Сравнивая гигиенические условия церковно-приходской школы с министерской, Н.И. Палопеженцев приходит к выводу, что министерские школы были устроены гораздо лучше и не наносили такого вреда здоровью, как духовные [224, с. 24].

Большая часть школ грамоты помещалась в частных домах, поэтому санитарные условия, в которых занимались дети, чаще всего не соответствовали никаким нормам. Лишь в домах, отведённых епархиальным училищным советом и сельским

обществом, можно было встретить относительную чистоту и простор.

Для сравнения приводится таблица, раскрывающая особенности функционирования и финансирования церковно-приходских школ Западной Сибири по данным на 1910 г.

Таблица 13

Особенности развития низших школ светского и духовного ведомства Западной Сибири 1910 г.

Губернии	Низшие школы МНП				Церковно-приходские школы			
	Кол-во школ	Учащиеся на одну школу	Стоимость одной школы, руб.	Стоимость одного ученика, руб.	Кол-во школ	Учащиеся на одну школу	Стоимость одной школы, руб.	Стоимость одного ученика, руб.
Тобольская	332	42	982	23,2	517	34	384	11,3
Томская	429	68	1184	17,4	865	45	291	6,5
всего:	761	55	1083	20,3	1382	39,5	337,	8,9

По всем показателям, кроме численности, министерские школы обгоняли духовные, низкий бюджет которых, как и незначительные расходы на содержание одного учащегося, свидетельствует о предпочтении населением обширных сибирских губерний светских учебных заведений [184, с. 34-35]. Тем не менее, правительство поддерживало открытие и содержание церковно-приходских школ в сельской местности, как наименее затратных.

Епархиальный училищный совет считал церковно-приходские школы «правильно организованными», по сравнению со школами грамоты. Обучение здесь производилось по утверждённым Св. Синодом программам, в которые входили:

- обязательное ведение утренних и вечерних молитв;
- чтение после утренних молитв Святого Евангелия;
- чтение «Жития святых»;
- устройство по праздникам для учеников и народа воскресных чтений, а во время Великого поста – «палестинских»;
- наблюдение учителями школ за участием детей в Великом посту;
- участие детей в чтении и пении на богослужениях в храме и в прислуживании у алтаря;
- обязательное обучение пению;

- обучение детей чтению по-славянски псалмодически (протяжно) [25, л. 6].

В одноклассных школах изучался закон Божий, церковное пение, чтение, письмо и начальная арифметика; в двухклассных – добавлялись сведения по истории церкви и Отечества, во второклассных готовили учителей. В каждом типе школ обучалось по три группы: младшая, средняя и старшая. В начале XX в. срок обучения в этих школах увеличился: в одноклассных – до трёх, в двухклассных – до пяти лет [337, с. 19]. В двухклассные церковно-приходские школы принимали только выпускников одноклассной начальной школы. В 1902 г., чтобы приблизить курс одноклассной церковно-приходской школы к двухклассной, ввели четвёртую группу, для которой выделялся специальный учитель. Курс обучения в такой школе стал четырёхлетним, соответственно, расширилась и программа обучения. Первая второклассная церковно-приходская школа в Тобольской епархии открылась 4 октября 1896 г. в д. Зырянской Успенского прихода Тюменского округа в здании, пожертвованном Тюменским купцом Игнатьевым и выкупленном обществом на деньги жителя этой деревни И.Д. Пяткова [307, с. 158]. Другая второклассная церковно-приходская школа была построена в 1898 г. в селе Гаринском Туринского уезда [21, л. 2].

Таблица 14

Церковные школы в сельской местности Западной Сибири ведения Омского епархиального училищного совета на 1902 г. [75, л. 48-53]

Губерния, область	Двухклассные	Одноклассные	Школы грамоты
Тобольская	–	79	63
Томская	1	22	24
Акмолинская	3	137	119
всего:	3	137	119

По данным на 1902 г., в ведении Омского епархиального училищного совета находилось 295 церковных школ. Из них в Тобольской губернии – 149, в Томской губернии – 49, в Акмолинской области – 83. Большая их часть располагалась в сельской местности.

В начале XX в. жители западносибирской деревни предпочитали давать своим детям, насколько это возможно, качественное образование. Учитывая пожелания населения, в 1908 г. правительство объявило о переводе школ грамоты в разряд церковно-приходских, увеличив срок обучения и, самое главное, качество преподавания.

Таблица 15

Количество одноклассных и двухклассных сельских конфессиональных школ Западной Сибири (нач. XX в.)
[327, с. 8]

Тип школы	1908 г.		1912 г.		1914 г.	
	Одноклас- сные	Духклас- сные	Одноклас- сные	Духклас- сные	Одноклас- сные	Духклас- сные
Церковно- приходские	712	19	1503	22	1668	63
Школы грамоты	718	—	15	—	26	—
всего:	1430	19	1538	22	1694	63

Из таблицы видно, что селяне охотно строили и содержали церковно-приходские школы, в то время как учебные заведения более высокого типа (второклассные) и низшего типа (школы грамоты) по ряду причин оставались не востребованы.

Исследователь народного образования Сибири дореволюционного периода И. Лапшов считал, что в организации начального образования на этой огромной территории полный беспорядок, отсутствует продуманность, планомерность. Местные интересы и потребности совершенно игнорируются, «отсюда убийственно-ненормальные условия постановки начального образования в обширном крае с громадными природными богатствами» [327, с. 36].

С этим мнением не соглашалось епархиальное руководство. Оно считало, что хотя и есть такие школы, где учебное дело поставлено слабо, тем не менее, сельские духовные школы, при всех своих недостатках, «поставлены гораздо лучше, чем школы волостные и даже городские [94, л. 18].

Как отмечали современники, на занятиях в духовных школах редко можно было встретить наглядный материал, который играл большую роль в закреплении полученных знаний в министерских

училищах. Так, в 1894 г. в Мининской школе Ялуторовского округа Тобольской губернии имелось 7 таблиц для обучения закону Божьему, несколько географических карт, русские счёты и прописи, в Зимовье-Вагайском – картины по истории Ветхого и Нового завета и таблицы славянских молитв. В других школах наглядность чаще всего отсутствовала.

В связи с развитием духовных школ прежняя программа устарела. В 1903 г. были приняты новые учебные программы для церковно-приходских школ: одноклассных, двухклассных, церковно-учительских и второклассных. Программа одноклассной школы практически не отличалась от прежней, а двухклассной была значительно расширена. В первых школах продлевался срок обучения до трёх лет, увеличивалось количество недельных часов по всем предметам, кроме пения, но при этом сократилось количество ежедневных занятий (вместо 31 и 30 уроков в неделю – 5 дней по 5 часов в день и 1 день по 6 часов; 24 часа в неделю для младшей группы – по 4 урока в день и 26 часов для средней и старшей группы – 4 дня в неделю по 4 урока и два дня по 5 уроков) [252, с. 72]. В двухклассных церковно-приходских школах появились новые предметы – естествознание и геометрия.

В отличие от прежних программ, новые давали большую свободу учителю либо обращали внимание на умственное развитие учащихся. Г.Я. Маляревский, желая помочь сельским учителям овладеть методикой преподавания по новым учебным программам, написал книгу «Заметки о преподавании по новой программе одноклассной церковно-приходской школы» (1903 г.), где давал подробные рекомендации по стандартному проведению урока одним учителем сразу с тремя группами учеников [228, с. 21].

Особенностью сельской западносибирской школы оставалось преобладание в учебных заведениях лиц мужского пола. Епархиальные училищные советы со своей стороны прилагали определённые усилия для того, чтобы привлечь к обучению в начальной церковно-приходской школе женское крестьянское население. Там, где уже были открыты школы для мальчиков ведомства Министерства народного просвещения, рекомендовалось открывать церковные школы для девочек, «которых также необходимо было образовывать как будущих матерей семейств» [15, л. 3].

В 1890 г. Тобольский епархиальный училищный совет обратился к женам и дочерям сельских священников, которые

получили образование в епархиальном женском училище, с просьбой устраивать в своих сёлах особые «школки» для девочек, обучая их начальной грамоте, молитвам, краткой священной истории и рукоделию. Обязательным предметом как для женских, так и для смешанных церковно-приходских школ становилось рукоделие.

Однако образование девочек чаще всего производилось в домашних условиях. По данным на 1892 год, в ведении Омского уездного отделения церковно-приходские школы и школы грамоты в Павлодарском и Омском уездах имелось по две отдельных школы и 14 смешанных. В них обучалось 149 мальчиков и 78 девочек [19, л. 195-195 об.].

Таблица 16

Количество отдельных и смешанных церковных школ в городах и сёлах Тобольской губернии на 1893 г. [19, л. 43]

	Наименование школ			
	Для мальчиков	Для девочек	Смешанных	Всего
<i>В губернском городе</i>				
школ	1	—	3	4
учащихся:				
муж.	25	—	114	139
жен.	—	—	59	59
<i>В окружных городах</i>				
школ	6	3	2	11
учащихся:				
муж.	265	—	36	301
жен.	—	105	16	121
<i>В селениях</i>				
школ	7	8	242	257
учащихся:				
муж.	212	—	4223	4435
жен.	—	192	1211	1403
<i>Всего в губернии</i>				
школ	14	11	247	273
учащихся:				
муж.	502	—	4373	4875
жен.	—	297	1286	1583

По данным на 1893 год, в сельской местности Тобольской губернии образование получали 4435 мальчиков и 1403 девочки, т.е. девочки составляли 24% от общего количества учащихся.

В 1911 г. правительство распорядилось провести однодневную перепись начальных школ в империи. Оказалось, что основную массу учащихся народных школ составляют дети крестьян.

**Распределение учащихся духовных школ
Западной Сибири по сословиям в 1911 г. (%)**

	Обоего пола	Мальчиков	Девочек
Дворян и чиновников	0,19	0,13	0,35
Духовенство	1,05	0,7	1,94
Купцы	0,02	0,01	0,02
Крестьяне	89,67	91,64	84,67
Казачи	0,24	0,2	0,35
Иностранцы	1,21	1,18	1,28

Из таблицы видно, что основной контингент учащихся конфессиональных школ в Западной Сибири продолжали составлять крестьянские дети – 89,9%, тогда как в светских школах обучалось всего 82,3% учеников из крестьян [221, с. 13].

Труд сельского учителя в дореволюционный период оставался одним из самых малооплачиваемых. Если в городских церковно-приходских школах учителя мужчины получали ежегодно жалование в размере 383, учительницы – 348, то в сельской местности зарплата составляла у учителей – 250, у учительниц – 292 рубля [326, с. 54]. Размер жалования во многом зависел от полученного образования. В 1897 г. Томский епархиальный училищный Совет постановил, что пришлым учителям школ грамоты и не имеющим свидетельства на звание учителя (неправоспособным), ежемесячно платить не более 10 рублей [94, л. 125]. В Тарском округе Тобольской губернии учителя семи школ грамоты (псаломщик с курсом духовного училища, воспитанник Киевского фельдшерского училища, отставной солдат и четверо тарских мещан) получали по 25 рублей в год из сумм епархиального совета и по 50 копеек в месяц с ученика. При этом они пользовались столом и квартирою священника или обучающихся [17, л. 7 об.]. Правоспособные педагоги получали жалование в размере 60-100 руб. в год от церкви, церковно-приходских попечительств и обществ [188, с. 44-45]. Так, в 1900 г. учительница Викуловской церковно-приходской школы Тобольской губернии Анна Инфантьева, выпускница Тобольского епархиального женского училища, получала из местных школьных средств 20 рублей и 180 рублей из епархиального Совета ежегодно. Петр Кучумов, учитель

Батовской смешанной школы, после окончания двухклассного училища, получал ежегодно 150 рублей. Учительница Ярковской церковно-приходской школы Александра Ключова, окончив первое отделение Тобольской Мариинской женской школы, зарабатывала 120 рублей в год [23, л. 22-25].

Иногда, доведённые до отчаяния своей нищетой, учителя сельских духовных школ обращались к епархиальному руководству с мольбой о помощи. Так, в ноябре 1898 г. председателю Томского епархиального училищного Совета архимандриту Григорию поступило прошение учительницы Калтайской церковно-приходской школы Лидии Бринкенгоф. Из-за невысокого жалования – 180 рублей в год, она была вынуждена снимать квартиру, за которую ежегодно отдавала 60 рублей. По бедности прихода местный священник отказался выдать ей пособие на наём жилья, вследствие чего учительница обратилась в училищный Совет, но и здесь её просьба не была удовлетворена [94, л. 337].

В начале XX века правительство увеличило жалование учителям и законоучителям сельских церковных школ. По данным на 1905 г., в Нарымском крае Томского уезда во всех пяти церковно-приходских школах учительницы получали ежегодное вознаграждение в размере 240 рублей, а в 16 школах грамоты законоучители по 120 рублей.

Контингент преподавателей духовных школ был довольно разнообразным. По данным на 1887 г., обучением в церковных школах Тобольской епархии занималось 364 человека, из них законоучителей – 150, священников – 14, 2 дьяка и 1 запрещённый священник, правоспособных учительниц – 27, учителей неправоспособных – 152, учительниц неправоспособных – 18. По отзывам настоятелей школы, не все учителя в равной мере соответствовали своему назначению. Лучшими считались учителя-священники, которые окончили курс в духовных и учительских семинариях или получили свидетельства на звание начального учителя. К сожалению, таких педагогов было мало. Из-за их недостатка приходилось приглашать в школы диаконов и псаломщиков, уволенных из духовных училищ и низших классов семинарии, а также тех, кто обучался в церковно-приходских школах и сельских училищах. Учителя-диаконы и псаломщики педагогической деятельностью занимались почти бесплатно, получая из Епархиального училищного совета 10-25 рубля в год, и лишь наиболее отличившимся на ниве народного просвещения платили жалование из местных средств ежегодно 40-60 рублей.

Иногда на работу принимали отставных солдат и крестьян, имеющих домашнее образование.

Руководство епархиальных училищных Советов понимало, что несправедливо в первую очередь требовать у народного учителя образовательный ценз, не учитывая его нравственность и воспитанность [214, с. 54-55]. Поэтому с охотой принимало на работу лиц, которые зарекомендовали себя только с положительной стороны. В 1888 г. при церкви Святого Архистратига Михаила села Мужы Березовского округа Тобольской губернии открыли школу грамоты, преобразованную затем в церковно-приходскую школу. Наравне с законоучителями-священниками здесь преподавали и светские педагоги: в 1890-1904 гг. заведующим и законоучителем являлся В.К. Миловский, в 1904-1906 гг. — священник Е.П. Оболтин, сын чиновника, который после окончания курса Березовского уездного училища выдержал испытания на звание учителя народных училищ, в 1906-1913 гг. — Д.П. Гурин, выпускник церковной учительской школы. Основные предметы кроме закона Божьего вели: в 1892-1898 гг. священник Н.Т. Карпов, сын сельского Кушеватского священника, который окончил Тюменское уездное училище, в 1899-1902 гг. диакон А.Г. Охранов, переведённый из Спасской церкви села Шеркальского, в 1902-1903 гг. дочь священника М.В. Миловская после получения аттестата Тобольского епархиального женского училища, в 1904 г. дочь чиновного казначея Е.Д. Сокова, выпускница Туринской прогимназии, в 1905-1910 гг. О.В. Андреева, выпускница той же прогимназии, в 1911-1913 гг. — В.Х. Первова, окончившая курс Берёзовской второклассной школы [232, с. 123-124]. Как отмечали инспектора, «ученье в школе шло не цветуще»: в течение 13 лет к экзаменам допустили только двух учеников и окончили ли они курс, неизвестно, т.к. свидетельств им выдано не было [263].

Основную часть педагогов духовных начальных школ Томской губернии составляли мужчины. По данным на 1882 год, в 44 училищах духовного ведомства Томского округа преподавало 54 учителя и 28 учительниц, в Мариинском округе в 31 школе трудилось 43 учителя и 16 учительниц [65, л. 10-70 об.]. Среди них были дети унтер-офицеров, купцов, мещан, крестьян, выпускники Омской учительской семинарии, Томской прогимназии и гимназии, Каменец-Подольской духовной семинарии. В конфессиональных школах Тобольской губернии и Акмолинской области преобладали учителя женского пола.

Таким образом, можно сделать вывод, что становление и развитие духовных школ в западносибирской деревне характеризуется нестабильностью – периодическими взлётами и падением интереса православной церкви к делу просвещения крестьян. Тем не менее, церковно-приходские школы и школы грамоты постоянно соперничали с министерскими училищами по темпам развития школьной сети, подготовкой и совершенствованием мастерства педагогов. Епархиальные училищные советы, созданные для регулирования учебного процесса в духовных школах, стремились сделать образование доступным для всех сельских жителей Западной Сибири, несмотря на вероисповедание и социальную принадлежность. Выпускники школ грамоты чаще всего не могли в дальнейшем продолжить образование. Со временем крестьяне перестали доверять таким учебным заведениям, так как полученные знания очень быстро забывались. Курс обучения в церковно-приходских школах незначительно отличался от министерских и составлял от двух до пяти лет. В результате правительственных указов 1884, 1891, 1895, 1903, 1908 гг. в некоторых районах церковные школы стали самыми массовыми на селе по сравнению с другими ведомствами. По данным однодневной переписи 18 января 1911 г., они составляли 43,2% от общего количества школ в Западной Сибири [178, с. 52]. По мере развития церковно-приходские школы накапливали положительный опыт. Обучение в церковно-приходских школах, построенное на таких принципах, как последовательность и постепенность, посильность и доступность, сознательность, нравственно-воспитательное воздействие, развитие общей культуры, пробуждение интереса к предмету, свойственны и современной школе. Опыт, накопленный церковно-приходскими школами, будет интересен нашим современникам.

1.3. Профессиональное образование

Экономика Западной Сибири строилась на экстенсивном мелкотоварном сельскохозяйственном производстве, основанном на применении ручного труда и простейших орудий для обработки земли. Вместе с тем в земледелии и животноводстве постепенно внедрялись технические и технологические новшества, способствуя росту производства товарной продукции: зерна, мяса, масла, шерсти, кож.

Аграрный сектор способствовал развитию отраслей кустарной и промышленной переработки растительного и животного сырья, речного и железнодорожного транспорта, торговли и финансов. Важнейшим условием и предпосылкой происходящих социально-экономических перемен был достаточный уровень образования, культуры, квалификации работников производства.

С учётом этих объективных требований нового времени совершенствовалась и система профессионального образования Западной Сибири. В последней трети XIX века здесь были созданы различные типы учебных заведений, в которых получали профессию представители непривилегированных сословий: педагогические, а также ремесленные, сельскохозяйственные, торговые, медицинские, лесные.

Наибольшая потребность ощущалась в педагогических кадрах, от которых зависело количество и качество подготовленных специалистов иных отраслей хозяйства и культуры. В начале XX в. было открыто три учительских семинарии в Западной Сибири: Семипалатинская (1903 г.), Павловская (1904 г.), (переведённая позднее в Новониколаевск), Ялutorовская женская (1911 г.). Для подготовки учителей начальных школ стали открываться годовичные и двухлетние учительские курсы и продолжали развиваться педагогические классы при женских гимназиях. Для подготовки учителей церковно-приходских школ духовное ведомство в каждой епархии открывало церковно-учительские двухклассные школы по положению 1902 г., в епархиальных училищах был создан педагогический (седьмой) класс.

Учительские семинарии создавались для «упражнения воспитанников в деле преподавания», в них принимались юноши с образованием не ниже двухклассного училища (с пятилетним сроком обучения). Курс в семинарии составлял три года. Открытие учительских семинарий было заметным шагом в деле подготовки учителей, но эти специальные учебные заведения лишь частично удовлетворяли возрастающую потребность в педагогических кадрах. К концу XIX столетия в учительских семинариях Сибири обучалось не более 220 человек, а выпуски из них составляли 60-70 человек [56, л. 1-2].

Омская учительская семинария открылась 1 декабря 1872 г. по решению Государственного Совета. Это было первое в Западной Сибири учебное заведение по подготовке учителей как для городских, так и сельских народных училищ. В первые годы в ней

занималось около 60 приходящих воспитанников. Для приобретения и закрепления педагогических навыков при семинарии существовала практическая начальная школа. В 1875-1903 гг. семинария и школа размещались в одном здании на углу Никольского проспекта и Семинарской улицы. В разные годы директорами семинарии были Н.И. Вирен (1872-1879), М.А. Водяников (1879-1898), Н.С. Иванов (1898-1902), А.П. Васильев (1910-1917) [247, с. 38].

Основной контингент учащихся начальной школы состоял из жителей г. Омска и Тобольской губернии. В семинарию также приезжали учиться из Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей Томской губернии. В основном это были лица, окончившие гимназии, уездные, городские и духовные училища, а также имеющие домашнее образование [59, л. 1]. В разные годы численность учащихся семинарии составляла от 68 до 78 человек. В 1879 г. среди 77 воспитанников обучалось 12 крестьян [57, л. 1-3], а в 1890 г. к сословию крестьян принадлежал 21 учащийся из 69. Кроме этого, в семинарии занималось 19 детей казаков [58, л. 3].

Программа обучения в семинарии включала в себя изучение следующих предметов: Закона Божьего, педагогики, русского языка и словесности, арифметики и геометрии, физики, истории, географии, чистописания, черчения, пения, ремесла, гимнастики, садоводства и огородничества.

Практические занятия, главной задачей которых была подготовка учащихся семинарии к предстоящей учебной деятельности, начинались со второго класса. Учащиеся присутствовали на показательных уроках учителей начальной школы, составляли планы и конспекты уроков, писали сочинения по педагогике, а уже с третьего класса самостоятельно давали уроки и присутствовали затем на конференциях, где эти уроки обсуждались.

Переводные и выпускные экзамены проводились в конце каждого учебного года по всем предметам обучения (кроме ремесла и искусства), но к экзаменам учащиеся в обязательном порядке должны были подготовить различные изделия по изучаемому образцу. Экзамены принимала специальная школьная комиссия, в её состав входили директор семинарии, преподаватель предмета и ассистент – один из наставников семинарии. Для испытания учеников в практическом преподавании учебных

предметов начальной школы каждый семинарист должен был провести 4 часовых урока. Большое внимание в семинарии уделялось нравственному воспитанию будущих педагогов, которые после распределения являлись образцом поведения для многих сельских жителей. Для семинаристов были разработаны и утверждены специальные правила поведения их жизни вне учебного заведения, содержащие значительные ограничения. В воскресные и праздничные дни необходимо было посещать общие богослужения, избегать в учебные дни всякого рода увеселений и развлечений. Посещение театра учащимися допускалось исключительно с разрешения директора семинарии. Кроме того, ученикам категорически запрещалось посещение трактиров, клубов, маскарадов и других подобных заведений. Нарушение этих правил наказывалось в зависимости от серьезности нарушения – от оставления после занятий до исключения из семинарии.

По утверждению Государственного Совета с 1 июня 1904 г. начала свою работу учительская семинария в селе Павловском Барнаульского уезда Томской губернии. На её обустройство выделили из казны 12 тыс. рублей, а, начиная с 1905 г., ежегодно сюда переводили по 24 тыс. рублей. Сделав несколько выпусков, из-за малочисленного контингента данное учебное заведение в 1911 г. перевели в Ново-Николаевск (Новосибирск) [87, л. 1-3].

В 1911 г. в Ялуторовске Тобольской губернии была открыта женская учительская семинария, которая вела подготовку учительниц для начальных школ. Вскоре это учебное заведение признали одним из лучших учительских семинарий не только в Сибири, но и в России [283, с. 322].

По мнению директора народных училищ Г.Я. Маляревского, губерния нуждалась в семи учительских семинариях [8, л. 29]. К середине 1913 г. Тобольский губернатор Станкевич сообщил Г.Я. Маляревскому, что к трёхсотлетию царствования дома Романовых от правительства поступило «законодательное предложение учредить 93 учительские семинарии с образцовыми при них училищами по числу губерний и областей Российской империи» [12, л. 19]. Семинарии рекомендовалось открывать в сельской местности. Местных жителей обязали выделить безвозмездно для семинарии не менее 5 десятин земли на селе и двух десятин – в городе. Маляревский рекомендовал попечителю Западно-Сибирского учебного округа расположить учительскую семинарию в селе Голышмановском Ишимского уезда Тобольской

губернии [295, с. 49]. Открытие семинарии непосредственно на селе он обосновывал тем, что:

– во-первых, дети сельских жителей, выучившись, не очень стремятся вернуться домой в качестве сельских учителей. Чтобы этого не происходило, учить надо в селе, а не в городе.;

– во-вторых, «сельские учителя занимаются приусадебным хозяйством, а рынок сбыта сельскохозяйственной продукции в губернии благодаря этому благоприятствует, что служит хорошим подспорьем к жалованию учителя. Ведение хозяйства привязывает учителя к месту, даёт его стремлениям и всему мировоззрению более солидный, зрелый характер, сближает с населением, даёт возможность распространять среди него рациональные приёмы сельского хозяйства» [12, л. 17]. В городе же такая база отсутствует. Открытию учительской семинарии в Голышманово помешала Первая мировая война.

Для подготовки учителей предметников открывались учительские институты. Это были учебные заведения типа средних, с трёхгодичным курсом, на базе городского, а позднее высшего начального училища. Учительские институты открылись в Томске (1902 г.) и Омске (1912 г.).

В Омский учительский институт принимались выпускники учительских семинарий, средних учебных заведений. Были среди них и сельские жители, которые желали посвятить свою жизнь воспитанию и образованию крестьян. Вот что писал 21 июня 1913 г. в автобиографии абитуриент института, заведующий Коркинским сельским училищем Туринского уезда Тобольской губернии, учитель Михаил Хомутов: «Родился я в 1891 году в бедной крестьянской семье, закончил второклассную церковно-приходскую школу, затем был принят в число частных стипендиатов Омской учительской семинарии. После её окончания, с расширением моего умственного кругозора расширились и мои духовные потребности. Я не был удовлетворён полученными знаниями. После окончания курса семинарии я не прочь был дальше учиться, но, к великому моему сожалению, не имел возможности, так как был связан обязательством служить за стипендию в должности учителя. В настоящее время по прослужении двух лет в должности учителя в своём родном селе Коркинском, когда мне предоставляется возможность продолжить образование, я спешу ею воспользоваться» [54, л. 11-12].

Одновременно с М. Хомутовым в Омский учительский

институт поступил учитель двухклассной школы села Юрьевка Павлоградской волости Омского уезда Петр Горохов. Сын крестьянина Саратовской губернии, он окончил в родном селе двухклассную школу «с отличными успехами». Затем отец решил отдать его в ремесленное училище, но юноша хотел поступить в учительскую семинарию. «Долго я не мог решиться на этот трудный для меня шаг, поэтому занимался с отцом земледелием. Несколько раз родители собирались меня женить, но я, несмотря на то, что потерял почти всякую надежду продолжить образование, всё-таки твёрдо отстаивал свои права, заложенные школой в основу моей души. Это не давало мне покоя, и я продолжал оставаться в поисках призвания. Осенью 1908 г. ввиду того, что в Российских семинариях бывают слишком большие конкурсы (200-300 человек), я поехал в Омскую учительскую семинарию». После её окончания, отработав положенные два года, П. Горохов просил принять его студентом института [54, л. 28-29]. Он исполнил своё заветное желание и поступил в это учебное заведение.

Выпускников учительских семинарий и институтов не хватало, поэтому в школах работали учителя-практики. Для повышения педагогической культуры возникла острая необходимость в организации педагогических курсов. В одном из отчётов инспектора народных училищ Тобольской губернии говорилось: «В личном составе учителей в одноклассных и двухклассных сельских министерства народного просвещения училищах преобладают лица без должной специальной подготовки. Некоторые из учительниц, хотя и служат давно, не выработали у себя определённых дидактических приёмов. Встречаются и такие, которые не прочитали ни одной методик [13, л. 18]. Велика была потребность в организации педагогических курсов на местах для пополнения знаний учителей как в плане общеобразовательном, так и по педагогической специальности.

С 1910 по 1913 гг. в Тобольской губернии для учителей начальных светских школ дирекцией народных училищ были устроены пять краткосрочных педагогических курсов. В 1910 году курсы устраивались в Тобольске, в следующем году – в Тюмени и Ишиме.

Руководил курсами Г.Я. Маляревский. Ему помогали в проведении занятий инспектора училищ. Предполагалось в дальнейшем поручить инспекторам самостоятельно проводить

курсы в уездных городах из-за обширности губернии и экономии средств.

Была образована временная школа из трёх групп. Образцовые уроки проводили инспектора училищ, курсисты давали пробные уроки. Суть теоретических занятий состояла в разборе уроков, беседах по методике, дидактике, другим вопросам педагогики. Занятия в школе проводились по всем предметам. Всего курсисты занимались 114 часов [297, с. 32-35].

В 1913 году курсы прошли в Кургане с 1 по 28 июня, а затем в Ишиме с 9 июля по 5 августа. На первых занимались учителя Курганского, Ялуторовского, Тюменского и Туринского уездов, на вторых – педагоги Ишимского, Тюкалинского, Тарского и Тобольского уездов в Ишиме. Аналогичные курсы проводились и в Томске [96].

Несмотря на многочисленные трудности, которые испытывали молодые учительницы, педагогика считалась самой доступной сферой для женщин, жаждущих самореализации в профессиональной сфере. Тобольская губерния по численности женщин-учительниц начальных школ (77,1%) занимала первое место в стране [139, с. 223].

Большое внимание уделялось в Тобольской епархии росту учительского мастерства. В 1888 г. преподаватель дидактики Тобольской семинарии А.К. Недосекин разработал программу курсов для преподавателей церковно-приходских школ. С 15 июня по 5 июля 1895 г. в Туринске прошли трехнедельные курсы для учителей и учительниц церковных школ Тобольской губернии. Организатором их проведения стало уездное отделение училищного совета, которое тем самым давало возможность менее опытным педагогам практически и наглядно познакомиться с методами и приёмами преподавания, а также обсудить и решить те затруднения, с которыми приходится встречаться на практике. Курсы проходили с участием епархиального наблюдателя церковных школ Маляревского [303].

Перед началом 1899-1900 учебного года для малоопытных учителей организовали полуторамесячные курсы, во время которых руководство знакомило слушателей с законодательством, школьной документацией, анализом недостатков практической деятельности. Наиболее плодотворно работали курсы в 1907-1909 гг., что отмечалось в Тобольских епархиальных ведомостях и документах епархиального Совета [220, с. 6].

20 июня 1907 года педагогические курсы открылись в Тобольске. В 1908 году курсы проводились дважды: с 1 июня по 30 июня – в селе Введенском Курганского уезда Тобольской губернии, с 4 июля по 3 августа – в селе Зырянка Курганского уезда Тобольской губернии. На педагогические курсы, которые проводились на базе второклассных школ, приглашались учителя церковно-приходских школ всех уездов Тобольской губернии, независимо от их уровня образования и стажа работы. В 1907 году в работе курсов приняли участие 100 человек, в 1908 году – 80 человек [286, с. 37].

Образцовые уроки и занятия по дидактике и педагогике вели лучшие учителя второклассных школ: Т.Д. Киселева, И.П. Попова, М.А. Милованова. Лекции читали: по психологии – кандидат богословия Санкт-Петербургской академии протоиерей Д.А. Матвеев; по законоведению – управляющий переселенческим устройством в Тобольской губернии И.А. Андронников, по церковному пению – Курганский уездный наблюдатель церковных школ А.С. Коровин. Кроме того, на курсах предлагались сведения по следующим предметам: химии и физике, зоологии и ботанике, гигиене, рисованию, рукоделию.

Инспектором курсов и руководителем занятий являлся Тобольский епархиальный наблюдатель церковных школ протоиерей Никанор Грифцев, а его помощником – учитель Николай Головин.

На курсах предстояло дать ответы на все вопросы, «накопившиеся из школьной практики», познакомить учителей с новинками дидактики, методики, психологии. В лекциях по педагогике и дидактике обращалось внимание на основные задачи начальной школы, давался исторический обзор развития научной педагогической мысли, пропагандировались приёмы «наилучшего воспитания и обучения детей» [24, л. 12].

На образцовых и пробных уроках обращалось внимание на затруднение при обучении детей, подчёркивалось, что учитель должен наблюдать, чтобы урок представлял законченное целое; должен владеть искусством опроса учеников и поддерживать их внимание; должен уметь ориентироваться в установленных программах и соотносить их с возрастом обучаемых [154, с. 84].

Наряду с общепрофессиональной подготовкой к программе курсов повышения квалификации учителей прибавляли практические занятия по ведению сельского хозяйства.

Инициаторами проведения подготовки педагогов для церковно-приходских школ иногда становились и частные лица. Так, летом 1913 г. преподаватель Первой Сибирской торговой школы Константин Александрович Чистосердов подал прошение Томскому губернатору об организации платной групповой подготовки на звание учителя церковно-приходской школы. Такие курсы прошли с 1 июня по 1 сентября под руководством Даниила Васильевича Ускова, учителя Томского городского училища. Часть преподавателей осталась в городе, остальных направили в сельскую местность [81, л. 7, 18].

К сословно-профессиональным учебным заведениям причислялись духовные семинарии. В Западной Сибири существовало две духовные семинарии – в Тобольске и Томске, которые готовили священников, преподавателей закона Божьего в светских и духовных училищах. В семинарии главным образом принимали сыновей духовенства, прошедших курс четырёхлетнего духовного училища. Первые четыре класса семинарии были смешанными. В них преподавались общеобразовательные и специальные предметы. Два старших класса имели чисто профессиональное назначение.

В 1871 г. из Омска в Ишим было переведено духовное училище, призванное готовить церковнослужителей: псаломщиков и регентов (руководителей церковных хоров). Его воспитанниками в основном становились дети из семей провинциального духовенства Тобольской, а с 1895 г. и Омской епархий. Сюда могли поступать также дети других сословий, но обязательно с платою за обучение. От ежегодной платы освобождались мальчики из семей учителей церковно-приходских школ и школ грамоты, если их родители прослужили там не менее 10 лет. Обязательным условием для поступления в Ишимское духовное училище являлось происхождение будущего ученика из семьи «благонравных родителей». К прошению о зачислении обычно прилагали свидетельство от местного причта о «нравственной правоспособности» семьи, заверенное благочинным округа.

Ишимское духовное училище давало возможность учащимся получить разностороннее образование достаточно высокого уровня. Важнейшим предметом являлся закон Божий, поэтому уже в подготовительном классе ученики должны были знать наизусть многие молитвы и уметь их объяснять. При этом им надлежало внятно объяснять важнейшие события Священной истории Ветхого и Нового Завета, правильно читать с чёткой дикцией [254, с. 112].

Как отмечал Н.Х. Вессель [123, с. 99], для сельских начальных школ всех разрядов и ведомств необходимо было готовить специальных учителей. Поэтому епархиальному начальству предстояло решить проблему нехватки учительских кадров. В 1891 г. для обеспечения школ Томской епархии квалифицированными учителями учредили при Томском архиерейском доме школу грамоты. На её базе вскоре открылась двухклассная школа. 25 сентября 1896 г. здесь состоялся первый выпуск учеников, способных стать слушателями учительского класса первой в епархии второклассной школы нового типа. Учебный курс основывался на программе подготовки учителей церковно-приходских школ и предполагал практические занятия с учащимися школ грамоты под руководством учителя дидактики. В 1897 г. школу зачислили в разряд церковно-учительских, при этом увеличили пособия на её содержание от Синода и губернатора. С 1892 по 1896 гг. количество учащихся здесь увеличилось с 66 до 155 человек.

Основной целью церковно-учительской школы являлась подготовка способных и благонадёжных учителей для церковно-приходских школ из местного крестьянского юношества, а также детей духовенства, не имеющих возможности получить образование в духовных училищах. Для привлечения детей крестьян Макарий неоднократно обращался к духовенству епархии с просьбой разъяснять населению пользу образования в церковно-учительской школе. Была разработана целая система поддержки и льгот для учащихся из бедных семей [211, с. 62-63].

Таблица 18

**Двухклассные сельские учительские школы
в Западной Сибири на 1902 г. [332, с. 51]**

Епархия	Уезд	Место расположения	Год образования
Омская	Тюкалинский	с. Красноярское	1896
	Тарский	с. Мало-Красноярское	1899
Тобольская	Тюменский	с. Зырянское	1896
	Курганский	с. Веденское	1897
	Ишимский	с. Бердюжское	1899
	Туринский	с. Коркинское	1900
Томская	Барнаульский	с. Ординское	1897
	Бийский	с. Верх-Ануйское	1897
	Томский	с. Колыванское	1900

Из таблицы следует, что к 1902 г. в Западной Сибири имелось девять двухклассных сельских духовных учительских школ. В ведении Омской епархии находились две мужские сельские двухклассные учительские школы. В первой, открытой в с. Мало-Красноярском Тарского уезда, обучение проходило 12 человек. Из них 11 являлись детьми крестьян. Во второй школе, которая находилась в с. Красноярском Тюкалинского уезда, училось 26 человек. Педагогическую профессию здесь получали 18 крестьянских детей [75, л. 51-52].

Промышленный подъем 90-х годов вызвал потребность в квалифицированных рабочих, мастерах сельскохозяйственного комплекса. Жители крупных промышленных сибирских сёл поддерживали идею создания ремесленных классов в сельских училищах. Ремесленные отделения при сельских школах Тобольской губернии были призваны обучать не только учащихся школ, но и выпускников прошлых лет. Ежегодно на нужды начального профессионального образования планировалось отпускать по 1,5 тыс. рублей для отделения с одной специальностью и до 1,9 тыс. рублей с двумя, с условием, что из местных источников в эту сумму будет поступать по 600 рублей. В 1909 г. ремесленные отделения имелись при девяти сельских двухклассных училищах: в с. Кодском Ялуторовского уезда, Абатском Ишимского уезда, Крутинском, Баженовском и Куликовском Тюкалинского уезда, Лебяжьеvском и Шмаковском Курганского уезда, Муромцевском Тарского уезда и Самаровском Тобольского уезда. Во всех преподавалось столярное ремесло, а в Кодском, Кулаковском, Лебяжьеvском, Шмаковском, Муромском и Самаровском еще и кузнечно-столярное. В том же году в Кодском училище Ялуторовского уезда организовали экипажное производство, необходимое для этой местности.

В 1906 г. открылось ремесленное отделение при Самаровском двухклассном училище в Тобольском уезде. Оно принимало заказы по кузнечно-слесарному делу, местные крестьяне несли сюда вещи, требующие ремонта. При кузнице поставили станок дляковки копыт лошадей [262]. В конце 1913 г. появилось ремесленное отделение на 11 человек при Шмаковском двухклассном сельском училище МНП в Курганском уезде Тобольской губернии [11, л. 42; 9, л. 17]. В 1913 г. в Тобольской губернии действовали две ремесленные школы с 122 учащимися и 12 ремесленных отделений при городских и сельских низших учебных заведениях с общей численностью в 320 учащихся [205].

Устройство ремесленных отделений и классов вполне оправдывало своё существование. Крестьянские дети получали практические навыки работы с необходимыми в сельском хозяйстве инструментами, изготовленные своими руками вещи продавались на ярмарках либо выполнялись на заказ.

Принятый в 1888 г. закон о промышленных училищах определил три типа профессионально-технических учебных заведений: среднее техническое, низшее техническое и ремесленное. Позднее (в 1893 и 1894 гг.) правительство решило дополнительно создать два типа упрощённой профессиональной школы. Указанные учебные заведения давали только ремесленную выучку без опоры на какие-либо теоретические знания. В 1897 г. вводится еще один тип низшей профессиональной школы – ремесленные учебные мастерские, наиболее доступный тип профессионального учебного заведения. Основная его задача – подготовка рабочих по ремонту сельскохозяйственного инвентаря и ремесленников для некоторых видов кустарной промышленности. 12 сентября 1891 г. в селе Кодском Ялуторовского округа Тобольской губернии открылось первое сельское ремесленное училище, основанное И.И. Колосовым. Наряду с популярными и столь необходимыми для местного населения столярным и саложным ремеслом здесь решили обучать подростков и переплётному мастерству, а девочек – рукоделию, т.к. продукция деревенских мастериц приносила больше прибыли [300].

2 марта 1897 г. с разрешения МГИ на средства крестьянина В.Т. Земцова в селе Самарово Тобольского округа открылась рыбная школа. Учредитель выплачивал жалование не только учителям, но и стипендию учащимся – десяти юношам в возрасте от 16 до 18 лет. Земцов рассчитывал, что вскоре учащиеся смогут сами окупать себя, т.к. прибыль от произведённых ими консервов должна составить значительную сумму. Преподавали в школе следующие лица: по приготовлению консервов в жестяных коробках – немец Рейнке; по приготовлению сосвинских сельдей – немец Шпер; по приготовлению балыков, паюсной икры, копчению и засолу – Царицынский мещанин Чеботарев; паяльщик жестяных коробок – крестьянин Московской губернии Королев [258]. В 1899 г. Императорское Российское общество рыболовства и рыбоводства провело испытания рыбных консервов, приготовленных учениками Самаровской школы. Качество признали хорошим, за что школа получила бронзовую медаль общества. Земцов просил наделить

данное учебное заведение рыбными угодьями, чтобы учащиеся занимались обработкой, не закупая рыбу, а имея свои артели [228, с. 35]. После смерти Земцова в 1901 г. школу закрыли. На Алтае существовала красильно-ткацкая школа в селе Белом и учебно-показательная ткацкая мастерская в Усть-Чарыше (1913 г.), кожевенная школа в селе Алтайском [337, с. 27].

Для удовлетворения нужд сельского и лесного хозяйства в подготовке рабочих на территории Западной Сибири в 90-х гг. был создан ряд низших профессиональных учебных заведений - сельскохозяйственных, лесных, молочного хозяйства [201, с. 13]. В 1898 г. под Томском открыли первую в Западной Сибири сельскохозяйственную школу, в 1900 г. при участии губернского агронома Н.Л. Скалозубова аналогичная школа появилась в деревне Соколовка под Тобольском. Николай Лукич понимал, что деревне нужны умелые руки и знания, которые непременно найдут себе применение [219]. Программа обучения, рассчитанная на четыре года, включала теоретический цикл образовательных и специальных дисциплин, овладение навыками столярного, слесарного и кузнечного дел [240, с. 313]. Преподавателями здесь служили высококвалифицированные специалисты: М.С. Аганов, Н.И. Венцель, Н.Л. Скалозубов. Теоретическое обучение совмещалось с практикой на опытном поле, ферме, парниковом хозяйстве и в саду. Результаты научных и практических исследований публиковались в ежегоднике «Труды Тобольской низшей сельскохозяйственной школы». С 1901 г. на базе школы действовали курсы для учителей народных училищ и церковно-приходских школ.

Несмотря на усилия педагогов, одни школы работали успешно и выпускали необходимых селу специалистов. Так, Омское среднее сельскохозяйственное училище осуществляло самый большой набор учащихся в Западной Сибири и их выпуск. Значительную часть учеников здесь составляли дети крестьян, которые, получив специальность агронома, возвращались к себе домой и воплощали в жизнь полученные знания. Выпускники же Томской и Тобольской школ зачастую не могли трудоустроиться по выбранной специальности [87, л. 3-6]. Сибирская общественность была обеспокоена их судьбой. Так, среди троих, окончивших курс Тобольской сельскохозяйственной школы в 1904 г., только один человек трудоустроился по специальности. Т. Петров, сын деревенского портного, после прохождения курсов маслоделов под руководством старшего инструктора сельского хозяйства

Сокульского, служил на Суерском маслодельном заводе. Крестьянский сын Я. Екимов поступил сборщиком арендных денег в управление Алтайских кабинетных земель. М. Хрущев стал волостным писарем Ялуторовского уезда. Таким образом, знания, полученные крестьянами в сельскохозяйственных школах, не всегда пользовались спросом [267]. Окончившие Томскую сельскохозяйственную школу возвращались в свои семьи и занимались личным хозяйством либо устраивались приказчиками, телеграфистами, рабочими железной дороги [95. л. 234 об.]. Причину малолюдности Александрийской школы молочного хозяйства, где в 1908 г. обучалось всего четыре человека, в первую очередь видели в том, что срок обучения здесь составлял два года, а на курсах всего шесть месяцев. При этом окончившие курсы получали свидетельство на звание мастера маслоделия. Крестьяне предпочитали более быстрый способ получения документа, который бы позволял им заняться довольно прибыльным ремеслом [28, л. 234 об.].

17 октября 1912 г. открылось Омское среднее сельскохозяйственное училище для подготовки достаточно компетентных и востребованных сельских специалистов. В сельскохозяйственное отделение (с шестью классами) принимались молодые люди в возрасте 14-17 лет, которые выдержали экзамены по закону Божьему, русскому языку, арифметике и географии в объеме программ двухклассного сельского училища. Окончившие курс третьего и четвертого класса реального училища принимались без экзамена. В культурно-техническое отделение (с четырьмя классами) принимались молодые люди 16-19 лет, сдавшие экзамены по закону Божьему, русскому языку, арифметике, географии, геометрии, истории и рисованию по программе городских училищ, действующих по положению 1872 г. Окончившие курс пятого и шестого класса реального училища принимались без экзамена. Из 100 подавших заявления о зачислении в это учебное заведение на 1912-13 учебный год приняли только 89 человек, которые оплачивали своё обучение ежегодно в размере 40 рублей. По сравнению с другими сельскохозяйственными училищами плата, оказалась довольно высокой из-за трудности получения специальных учебников, учебных пособий и реактивов. Всей предоставленной литературой учащиеся пользовались бесплатно. Для развития чувства ответственности и бережного отношения к школьному имуществу

установили штраф в размере 25 рублей за порчу или потерю учебников. Для привлечения в стены нового учебного заведения детей из малообеспеченных семей учредили 15 стипендий, которые распределились следующим образом: на учеников из Акмолинской и Семипалатинской области, а также Томской губернии выделили по 4 места. Омска – 2 и Сибирского казачьего войска – 1. Выпускникам училища присваивалось звание агронома, а те, кто оканчивал курс с отличием, могли поступать в Московский сельскохозяйственный и лесной институты [50, л. 76-177].

В первых классах сельскохозяйственного и культуртехнического отделения из 45 и 44 учащихся оказалось одинаковое количество детей крестьян – по 14, казаков – по 4 человека [51, л. 1-36]. Таким образом, жители западносибирской деревни составляли примерно третью часть всех воспитанников Омского среднего сельскохозяйственного училища. Наравне с крестьянами здесь обучались стипендиаты Сибирского казачьего войска, которые по окончании учебного заведения обязаны были прослужить по полученной специальности в войске по 1,5 года за каждый год образования или возратить сумму, истраченную на выплату стипендии. В 1913 г. в училище на стипендии Сибирского казачьего войска «воспитывались малолетки Федор Зайков и Григорий Чириков» [52, л. 25].

Таким образом, если в 1893-1899 гг. в Западной Сибири действовало всего два сельскохозяйственных учебных заведения, то в 1900-1910 было открыто еще пять, а после 1911 г. – два в Омске и землемерное отделение в Томском политехникуме [285, с. 13].

Проблема подготовки кадров для лесного хозяйства волновала многих передовых общественных деятелей, специалистов, учёных XIX века. О необходимости сохранения лесов, системной подготовки кадров для лесного хозяйства неоднократно писал выдающийся учёный-химик, уроженец Тобольска Д.И. Менделеев: «Всякий знает, что лесов уже становится мало, что пустыней станет страна без лесов, что реки начнут мелеть, дождей пойдёт меньше, что пора думать о сохранении леса» [191, с. 71].

Лесные школы стали появляться в регионе лишь в конце XIX века: в 1893 г. – при Курганском лесничестве открылась лесная школа [282, с. 46]. Лица, желающие пройти здесь обучение, подавали прошение на имя заведующего школой с приложением свидетельств: метрического, об образовании, о звании и поведении от полиции. Все поступающие подвергались проверочному

испытанию по русскому языку, арифметике, русской истории, географии по программам городского уездного, а также двухклассного сельского училищ. Испытания проводились весной. Срок обучения составлял два года. В каждом классе имелось от 8 до 15 человек. Школа быстро завоевала популярность среди жителей региона. По данным отчёта за 1913 г., в школу поступали учиться не только жители Курганского уезда, но и других районов Урала, Южного Зауралья, Сибири. По социальному положению воспитанниками школы были в основном дети мещан и крестьян. Если в первый год работы Курганской низшей лесной школы было принято всего 8 воспитанников, то в последующие годы количество учеников школы неизменно увеличивалось, но не превышало, по Уставу 1888 г., 20 человек. Всего к 1910 г. школу окончило 102 воспитанника [164, с. 88].

Помимо теоретических занятий учащиеся в летний сезон занимались практическими работами в питомниках, на культурных площадках, производили съёмки, нивелирование, составляли технические сметы, чертежи площадей, оценивали делянки и т.д.

При зачислении в школу каждый воспитанник получал бесплатно в подарок несколько основных книг, которые должны были остаться для него настольными книгами и после окончания школы. Это «Курс лесоводства», «Лесной устав», «Вспомогательная книга для лесничих» и некоторые другие.

Учебно-воспитательная работа школы, конечно, имела и недостатки, вызванные главным образом общим направлением политики царского правительства в области просвещения. Так, вся воспитательная работа в школе сводилась к «пресечению в самом начале таких действий и поступков учащихся, которые мешают обучению и могут служить подрыву доброй славы заведения». В школу часто поступали отзывы о работе выпускников и просьбы направить их на работу в различные районы не только Тобольской губернии, но и Урала, Южного Зауралья и Сибири.

Довольно остро в сельской местности ощущалась нехватка медицинских работников. И лишь в феврале 1877 г. бывший генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, видя, что личный состав сельской врачебной части для Тобольской и Томской губерний составляет всего 4 врача и 12 фельдшеров, поднял вопрос о необходимости устройства одной общей медицинско-фельдшерской школы в г. Омске, двух повивальных и двух ветеринарно-фельдшерских школ в Тобольске и Томске [67, л. 2-12].

30 мая 1878 г. вышло Высочайше одобренное постановление Государственного Совета «Об устройстве сельской врачебной части и образования ветеринарных фельдшеров». А уже в августе, почти одновременно, в Западной Сибири были открыты три специальные школы: ветеринарно-фельдшерская в Томске [68, л. 3], повивальная в Тобольске и центральная фельдшерская в Омске [13, л. 2]. Согласно уставам, воспитанники и воспитанницы этих школ обязаны были по окончании обучения прослужить определённое число лет в медицинских должностях по сельско-врачебной части. Тобольская повивальная школа находилась при женском отделении городской больницы и содержалась за счёт губернского земского сбора. Первоначально в ней обучалось 30 учениц, преимущественно из крестьян. В 1882 г. из 11 выпускниц 8 получили назначение в следующие сёла: 1) Олимпиада Айдарова в слободу Туринскую Туринского округа, 2) Ольга Дикс в с. Муромцевское Тарского окр., 3) Мария Колмакова в с. Омутинское Ялуторовского окр., 4) Агрипина Короваева в с. Созоновское Тюменского окр., 5) Юлия Котельникова в с. Белозёрское Курганского окр., 6) Анфиса Силина в с. Самаровское Тобольского окр., 7) Ульяна Свирепова в с. Новозаимское Ялуторовского окр., 8) Александра Удалякой в д. Завьялову Тарского округа [38, л. 71]. Всего за первые 7 лет здесь была подготовлена 81 повивальная бабка. В Томской повивальной школе за первые девять лет курс окончило 106 человек: 82 земские ученицы и 44 вольно-определяющиеся [66, л. 14-16]. В 1883 г. из десяти шесть были назначены в Каинский и одна в Томский округ на должность сельских акушерок [226, с. 14]. В 1886 г. МВД решило объединить эти учебные заведения, учредить одну школу в Тобольске, где имелось приспособленное к тому помещение. Но данное распоряжение запоздало, и в Томске уже набрали полный комплект казённокоштных учениц в обоих классах: 20 основных и 13 приходящих.

Будущие сельские акушерки проходили в школе полный курс теоретического и практического повивального искусства, который продолжался:

- для казённых воспитанниц – 3 года;
- для своекоштных пансионерок и вольнослушательниц – 2 года;
- для крестьянских учениц – не менее 1 года.

В Тобольской повивальной школе воспитанницы оплачивали своё обучение: своекоштные пансионерки – 130 рублей в год.

крестьянские «девицы или вдовы» — 75 рублей, а вольнослушательницы за право посещения лекций вносили 30 р. в год. По уставу беднейшие из вольнослушательниц, которые в течение первого года учения показали отличные успехи при безукоризненном поведении, на второй год полностью освобождались от платы. При этом число льготниц не превышало 10 % наличного состава [37, л. 36]. В 1887-88 учебном году из 20 учениц здесь обучалось шесть крестьянок, которые в дальнейшем были распределены в села Тобольской губернии.

По внесенному в Государственный Совет проекту штатов сельской врачебной части Тобольской губернии, утверждённому 10 мая 1888 г, здесь надлежало иметь 42 акушерки и 43 фельдшера. В ходе проверки, проведённой в 1894 г., оказалось, что в губернии насчитывалось 66 акушерок, что значительно превышало определенную квоту. Поэтому правительство решило преобразовать в 1895 г. Тобольскую повивальную школу в повивально-фельдшерскую, а с 1906 г. — в акушерско-фельдшерскую. Ежегодно на её содержание отпускалось 4100 рублей со счёта губернских земских повинностей [39, л. 41]. Несколько иная ситуация сложилась с количеством фельдшеров — их оказалось всего 38 человек, т.е. немного меньше требуемого. В то же самое время в Омской центральной фельдшерской школе за счёт земского сбора Тобольской губернии содержалось 24 воспитанника. Обучение 37 фельдшеров обошлось казне в 70 тыс. рублей, поэтому уже в следующем году своих студентов было решено перевести во вновь открытую Тобольскую акушерско-фельдшерскую школу [39, л. 30]. Её выпускники могли выполнять несложные хирургические операции, принимать роды, быть терапевтами и педиатрами. Они распределялись не только в близлежащие сёла и города, но и в соседние регионы. В 1913 г. в Тобольской акушерско-фельдшерской школе обучалось 108 учениц [205, с. 48]. Высокий уровень подготовки медицинских работников определялся программой преподавания предметов естественно-математического цикла, анатомии и филологии, медицинских дисциплин. Здесь работали известные в губернии преподаватели: О.В. Гржегоржевский, И.И. Березницкий, Л.Ф. Линевиц и др.

Правительство и сибирская администрация стремились с помощью квалифицированных специалистов развить экономику и культуру края, повысить уровень жизни селян. Подготовку педагогических кадров осуществляли ряд сибирских учительских

институтов и семинарий, епархиальные училища, прогимназии и учительские школы, второклассные школы и педагогические краткосрочные курсы. В регионе существовали повивальные и фельдшерско-акушерские школы, рыбные, лесные, молочные, сельскохозяйственные навыки ремесла давали профессиональные классы при сельских училищах, курсы по огородничеству и пчеловодству. Если до середины 90-х гг. XIX столетия в Западной Сибири было только пять профессиональных учебных заведений, то в 1910 г. – 27 [285, с. 13].

Тем не менее постоянно ощущался дефицит специалистов во всех сферах жизнедеятельности сельского населения. Задача обеспечения села в предвоенный период квалифицированными педагогами, медицинскими работниками, земледельцами и др. так и не была решена до конца.

Таким образом, можно сделать вывод, что с 60-х гг. XIX в. постепенно изменяется обстановка в области начального народного образования жителей западносибирской деревни. В исследуемый период здесь сложилась определенная дифференцированная система школьного и профессионального образования, которая включала различные типы светских общеобразовательных, конфессиональных и профессиональных учебных заведений, призванных обеспечить село специалистами различного профиля. Школы отличались не только своими уставами и программами, уровнем преподавания, образовательным цензом учителей, но и ведомственной принадлежностью. Появляются новые типы школ, преобразуются существующие, устанавливается контроль за ними, назначаются лица, обязанные заниматься народной школой.

В результате был обеспечен рост грамотности и образованности сельского населения, сформирована прослойка местной интеллигенции, накоплен позитивный опыт обучения и воспитания детей и молодежи школьного возраста. Вместе с тем образовательный процесс, сопровождаемый объективными трудностями, протекал медленно, непоследовательно и противоречиво, оказался далеко не завершённым. Уровень качества образования сельских детей и молодёжи на порядок уступал показателям народного образования городского населения региона. При этом следует отметить, что конфессиональные школы значительно отставали от министерских в общеобразовательной подготовке учащихся, оснащению пособиями и школьным оборудованием. Тем не менее МНП всемерно поддерживало

церковные школы, государственное казначейство выделяло крупные суммы на их открытие и поддержание, как наиболее дешёвые. (Приложение 1-3).

Село испытывало острый недостаток квалифицированных специалистов культуры и общественного производства. Неразвитость школьного образования отрицательно сказывалась на состоянии сельского хозяйства и повышении культурного уровня населения.

II. Роль просвещения в развитии культуры сельского населения и способов ведения хозяйства

2.1. Деятельность сельских библиотек и очагов культуры

В пореформенное время в западносибирской деревне отмечается увеличение количества сельских очагов культуры, призванных повысить грамотность крестьян, расширить их кругозор, приобщить к достижениям цивилизации.

Значительную роль в деле народного просвещения всегда занимала книга. В исследуемый период в западносибирской деревне существовало несколько типов библиотек: школьные, народные, избы-читальни, железнодорожные, церковные.

В конце 80-х гг. XIX в. лишь в немногих учебных заведениях Западной Сибири имелись свои библиотеки. И только к началу 90-х гг. число этих очагов культуры начинает увеличиваться как в духовных, так и в светских сельских школах. Целью их создания стало желание сделать доступной для учащихся популярную русскую литературу. Ученик должен был привыкнуть к самостоятельному чтению и настолько полюбить книгу, чтобы в часы досуга чтение являлось его насущной потребностью. Кроме этого, педагоги опасались, что без такого полезного навыка завтрашние выпускники очень скоро могут вообще позабыть грамоту, и все усилия, направленные на образование подрастающего поколения, пойдут прахом.

В школьных библиотеках обычно имелись книги для занятий учащихся по утверждённым программам, внеклассная литература и литература для учителя. К последней группе относились специальные пособия для учителей, журналы «Церковно-приходская школа», руководства Ушинского и Корфа. В 1897 г. среди педагогов страны стал распространяться каталог новых

изданий, рекомендованных для средних, низших и начальных учебных заведений. Большею частью необходимые новинки учителя выписывали самостоятельно, тратя свои собственные сбережения и часть жалования. В хорошей школе, по утверждению современника, всё должно находиться на достаточно высоком уровне, в том числе юридическое и материальное обеспечение народного учителя. Ведь для того, чтобы «поддерживать внутренний духовный огонь наставника, ему необходима насущная умственная пища» [208, с. 193]. К сожалению, об этом очень часто забывала местная администрация, не имевшая возможности или простого сочувствия для выдачи средств к пополнению фондов учительской библиотеки. Скучное жалование сельских педагогов не позволяло перенимать передовые методы ведения учебного процесса, а отпускаемые средства шли исключительно на пополнение ученических библиотек. В.В. Акимов считал, что «хорошая, более или менее полная и разумно составленная библиотека имеет огромное и благодетельное влияние не только на учащихся, но и на учителя, как необходимое и важное подспорье в его просветительской деятельности» [106, с. 12].

В школьных библиотеках сельских светских учебных заведений в обязательном порядке находились книги для внеклассного чтения. Здесь можно было встретить литературу по отечественной истории, призванной дать уму ребёнка много поучительного, великого и могучего; по отечественной географии, где имелись описания знаменитых городов, торговли, промышленности, природы, климата и народностей, входящих в состав могучей империи. Учащихся народных школ готовили понимать язык хорошей книги и недостатки «особенно дурной», а учителя, в свою очередь, старались привить литературный вкус своим подопечным. Если хоть одно из этих требований оказывалось невыполненным, если в ученике не была развита любовь к чтению книг или он не понимал того, о чём читает, или же он предпочитал лубочную книгу русским классикам, это означало, что школа не выполнила одной из главных своих задач, и труды учителя по обучению грамоте, расходы государства и сельского общества на содержание школы, время, затраченное учеником на изучение процесса чтения, – все пропало даром [121, с. 66-67].

Н.И. Палопеженцев в своём труде о развитии народного просвещения в Ялutorовском уезде Тобольской губернии особое внимание обращает на роль хорошей книги в воспитании

подростающего поколения, которая воздействует на «... впечатлительную душу ребенка. Следя за жизненными подвигами святых, за страданиями, мучениями и даже самою смертью, перенесёнными ими за истину, за человеколюбием и твёрдостью характера одних, самоотвержением, кротостью и беспримерною добротою других, проявлением высокого ума и красноречия во имя Христова третьих – не запечатлеет ли юная душа ребёнка эти подвиги христианской добродетели?» [224, с. 29].

О воспитательной работе учителя в привитии вкуса к хорошей книге учащихся рассказывает такой пример. В одной из школ большого железнодорожного села Акмолинской области дети и подростки увлекались пинкертоновской литературой и лубочными книжками, которые предлагались им по дешёвой цене ходячими торговцами местного базара. Параллельно с чтением душещипательных книг в школе развивалось подражательное хулиганство, находившее себе благодатную почву в подлинном хулиганстве, процветавшем среди взрослой сельской молодёжи. Учителя предложили организовать «библиотеку-копейку», основанную на следующих принципах: строгое равноправие всех учеников; приобретение книг на общие средства; самостоятельное ведение технической стороны и общее руководство учителя. К апрелю 1913 г. библиотечный актив насчитывал около 50 учеников, которые вносили ежемесячно по 10 копеек. Дети стали бережно относиться к общественному имуществу, возрос интерес к книгам, улучшилось поведение школьников [116, с. 32-33].

Источники формирования и пополнения фондов школьных библиотек были самыми разнообразными. Ведомства и министерства, к которым принадлежали учебные заведения, ежегодно отпускали незначительные средства на эти нужды. Тобольский епархиальный училищный Совет старался обеспечить конфессиональные школы собственными библиотеками. В Тюменском уезде при Вознесенской церковно-приходской школе учащиеся могли взять любую из 618 книг [145, с. 122-130]. Но возможность пополнить библиотеки нужной литературой имела не везде. Так, в библиотеке Верхне-Сидоровской духовной школы отсутствовали книги для внеклассного чтения [19, л. 80]. По данным на 1891-92 учебный год, все церковные школы Тюкалинского уезда имели свои библиотеки. В основном они состояли из учебников и руководств. Богаче остальных в этом отношении была Баженовская школа, где к тому времени находилось три отдела книг:

- 1) для учителя;
- 2) для внеклассного чтения учениками;
- 3) учебники [19, л. 118].

Все сельские школьные библиотеки существовали на общественных началах. Повсеместно за эту работу отвечали учителя и учительницы. В отчёте Тобольского епархиального наблюдателя о посещении Колесниковской церковно-приходской школы Ялуторовского уезда в 1897 г. так описана библиотека: «В классной комнате, которая располагалась на втором этаже большого деревянного частного дома, было душно и пыльно из-за «дурного устройства вентилятора». Здесь находилось достаточное количество учебников, кроме руководств по Закону Божьему П. Смирнова, букварей синодального издания и руководств Некрасова, которые, хотя и имелись, но в недостаточном количестве. Из руководств для учителя есть книги Ильминского, Гербача и методика арифметики Гольденберга. Выписана ещё «Народная школа» Анастасиева, но за распродажей всего издания, ещё не получена. Книг для внеклассного чтения оказалось только 45 названий. Читаются они довольно успешно, и из записи видно, что на каждого ученика средней и старшей группы приходится по 10-20 названий прочитанных книг. Учительница время от времени спрашивает содержание прочитанных книг, чтобы убедиться, действительно ли они читаются» [22, л. 55].

Таблица 19

**Библиотеки при начальных и воскресных школах
Омского епархиального училищного Совета в 1902 г.
[122, с. 48-53]**

Епархия	Число церковных школ		Число книг в библиотеках	
	всего	с библиотеками		
Тобольская	Двухклассные	2	2	735
	Одноклассные	84	71	11879
	Школы грамоты	28	28	1970
	Воскресные	1	1	147
Томская	Двухклассные	1	1	337
	Одноклассные	22	18	2775
	Школы грамоты	24	15	772
	Воскресные	1	0	0
Тобольская	Двухклассные	2	2	785
	Одноклассные	45	40	7698
	Школы грамоты	33	11	1408
	Воскресные	3	0	0
Всего по Омской епархии:				
Начальных школ	295	200	31785	
Воскресных школ	5	1	147	

Из таблицы следует, что в 1902 г. из 300 начальных и воскресных школ, которые подчинялись Омскому епархиальному училищному совету и располагались в Тобольской и Томской губерниях, Акмолинской области, в 201 имелись свои библиотеки, рассчитанные как на детей, подростков, так и на их родителей. Таким образом, школьными библиотеками обеспечивалось 67% конфессиональных учебных заведений епархии.

В большинстве сельских министерских школ Томской губернии находились собственные библиотеки. Пополнялись они за счёт ассигнований из Государственного казначейства, пожертвований крестьян и различных обществ, призванных помочь народу овладеть грамотностью. Ежегодно по всей губернии собирали статистические данные по учебным заведениям, которые бы характеризовали их деятельность на ниве просвещения. И одним из пунктов отчёта стояло описание школьной библиотеки. Так, к 1900 году в Ново-Николаевском сельском училище Алтайского округа библиотека насчитывала 814 томов; в Тихомировском сельском училище Ново-Кусковской волости Томского округа в школьной библиотеке находились 335 томов, 115 номеров, 228 учебных книг и пособий [88, л. 1-6].

Другим источником пополнения фондов библиотек мог стать музей. В открытом в 1895 г. при Заводоуковском сельском двухклассном училище МНП Ялуторовского округа Тобольской губернии сельскохозяйственном музее имелось значительное количество книг. Здесь можно было встретить учебные пособия по ведению сельского хозяйства, ботанике, геологии, географии, истории, произведения русских классиков, газеты и журналы, описывающие новинки техники и архитектуры. Для взрослых и детей велись разъяснительные беседы с громкими читками, призванные заинтересовать крестьян в усовершенствовании своего хозяйства [141, с. 124].

Особую роль в повышении общего уровня сознательности и образования народных масс приобретали народные библиотеки. Конечно, большинство сибиряков понимало, что невозможно будет построить удовлетворяющие всем требованиям науки библиотечные здания, снабжать народные библиотеки богатым книжным запасом и поручать заведование ими подготовленным специалистам, всецело занятым одним библиотечным делом. Правила о бесплатных народных читальнях утвердило МВД 15 мая 1890 г. [237].

В основном библиотеки-читальни стали располагаться в министерских, духовных или воскресных школах, народных домах, домах заведующих библиотеками, при переселенческих больницах, учебно-показательных мастерских. Чаще всего данными учреждениями сельской культуры заведовали крестьяне, учителя и учительницы, псаломщики, священники, председатели кредитного общества, врачи, волостные писари, инструкторы учебно-показательных мастерских и другие представители местной интеллигенции. Для открытия библиотек изыскивались средства из всевозможных источников, которые затем фиксировались в уставах.

Постоянными средствами на содержание и расширение библиотеки-читальни села Мокроусовского Ялуторовского округа Тобольской губернии с 1894 г. служили назначенные приговором волостного схода все штрафы, налагаемые на разных лиц решениями волостного суда и постановлениями волостного старшины, а также 1/3 сумм, поступающих от продажи гульнего скота и добровольные пожертвования. В 1897 г. библиотечный фонд составлял 2432 книги, постоянными читателями являлись 148 селян. Заведовал читальней пользующийся всеобщим уважением местный волостной писарь А.Т. Первухин, а с 1898 года – Кожевников [259].

По уставу библиотеки при Парабельском сельском училище Томского округа, утверждённом Томской городской думой 22 декабря 1898 года, надзор за нею поручался местному учителю и священнику. Средства для открытия в размере 120 рублей 52 копеек были пожертвованы разными лицами еще в 1891 году. В дальнейшем волостной сход решил ассигновать на нужды библиотеки по 15 рублей ежегодно, добавляя к этому суммы от лиц, выразивших желание поддерживать её на добровольных началах [71, л. 6]. (Приложение 8).

Аналогичные решения об открытии и содержании бесплатных народных библиотек приняты 20 июня 1896 г. в селе Шемонаевском Змеиногорского округа [63, л. 5] и в 1898 г. в Челноковском Каинского округа Томской губернии [72, л. 1].

Типичным для того времени является приговор сельского общества деревни Власиха Барнаульского уезда от 11 ноября 1901 года с просьбой о разрешении открытия бесплатной народной библиотеки, в котором говорилось: «Благодаря существующей у нас уже 9 лет школы грамоты число грамотного населения д. Власихи теперь достигло уже 200 душ обоюбого пола. Увеличение

числа грамотных на этой цифре не остановится, т.к. население будет прибавлять их. В ней в среднем ежегодно обучается до 50 мальчиков и девочек. Обучив грамоте наших детей, мы должны позаботиться также о том, чтобы они не только не забыли эту грамотность, но чтобы путём чтения хороших книг могли приобретать полезные сведения, необходимые для просвещения» [74, л. 2].

3 декабря 1902 года был составлен приговор Семилужского волостного схода Томского уезда о том, что бесплатная библиотека даст возможность грамотным людям «из среды нашего общества не забывать грамоты, а также приобретать полезные сведения, необходимые для просвещения и для занятий сельским хозяйством, ремеслами и промыслами; неграмотным людям библиотека даст возможность в свободное от работы время послушать чтение хорошей книги. На устройство мы одновременно жертвуем из мирского волостного капитала 200 рублей. На дальнейшее содержание библиотеки определяем половину ежегодной суммы поступающей по книге мирского волостного капитала. Для помещения библиотеки даем комнату при волостном правлении с отоплением; для заведывания библиотеки нами приглашен волостной писарь Павел Петрович Смирнов. Книгами библиотеки имеют право пользоваться все крестьяне наших селений». Надзор за новым сельским очагом культуры был возложен епископом Томским и Барнаульским на священника местной церкви Златомрежева; со стороны учебного ведомства Попечителем Западно-Сибирского учебного округа – на учительницу местного сельского МВД дел училища Е. Прусскую [74, л. 4-15].

На рубеже веков в западносибирской деревне появляются официальные публичные народные библиотеки при школах.

Таблица 20

Количество публичных библиотек при училищах МНП Западной Сибири в 1903 году [138, с. 260]

Губерния, область	Число публичных библиотек при училищах МНП		
	Одноклассные и двухклассные		Всего
	сельские	горожские	
Тобольская	1	40	41
Томская	18	–	18
Акмолинская	–	1	1

Из таблицы видно, что только 19 из 60 таких учреждений культуры находилось в сельских министерских школах Тобольской и Томской губерний.

18 января 1904 года министром народного просвещения были утверждены правила о народных библиотеках при низших учебных заведениях ведомства МНП (Приложение 9).

По данным на 1911 г., при всех 34 сельских начальных училищах Томской губернии имелись публичные библиотеки-читальни, открытые обществом содействия сельским библиотекам. Здесь насчитывалось в общей сложности чуть более 10 тыс. названий в 12,5 тыс. экземпляров на сумму 3,5 тыс. рублей. В течение года было зарегистрировано 1429 посещений, выдано столько же названий книг [137, с. 260]. Подбор по своему содержанию вполне удовлетворял требования и вкусы сельского населения, поэтому книги читались крестьянами довольно охотно. Наблюдение за библиотеками и выдачу книг осуществляли учителя школ [64, л. 1].

В.Н. Меньшиков приводит данные о незначительном количестве народных библиотек при волостных правлениях Тобольской губернии, которые состояли в ведении МВД на 1 октября 1913 года: в Ялуторовском уезде – 12, Курганском уезде – 12, Тарском уезде – 4 [194, с. 46]. Фактическое отсутствие библиотек в сельской местности заставляло задуматься представителей городской интеллигенции о народном просвещении в уездах [29, л. 22].

Анализируя список сельских библиотек-читален в Томской губернии, открытых при участии совета общества содействия устройству сельских библиотек-читален в Томской губернии к 1914 году, можно проследить динамику развития этих учреждений культуры. Е.Н. Косых указывает, что в огромной Томской губернии с её шестью тысячами населённых пунктов в 1902-1904 гг. были открыты всего 22 новые сельские библиотеки, да и то на средства образованного П.И. Макушиным в 1901 году «Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек в Томской губернии» [177, с. 108].

Библиотеки, открытые при участии совета общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален Томской губернии в 1902-1913 гг. [82, л. 29-49 об.]

Год открытия	Количество	Год открытия	Количество
1902	2	1908	1
1903	4	1909	11
1904	6	1910	11
1905	—	1911	5
1906	—	1912	16
1907	2	1913	3

Всего с 1902 по 1914 гг. в Томской губернии появилось 433 сельских библиотеки-читальни, в т.ч. 61 при участии совета общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии. Наибольшее их количество открывалось в 1909, 1910, 1912 гг. В 1905-1906 гг. из-за революционных событий в России в губернии не было открыто ни одной библиотеки.

Народные библиотеки в сельской местности существовали и в ведении Сибирской железной дороги. С проведением в Сибирь железной дороги её руководство проявляло заботу о «закинутых вдаль многочисленных железнодорожных служащих». По утверждению публициста К. Васькова, «предоставленные сами себе, они не имели иных разумных и полезных источников времяпрепровождения, кроме карт, вина и изредка не всем доступной охоты» [120, с. 7]. Администрация дороги предоставила право своим сотрудникам самостоятельно организовывать досуг, а с ним и внешкольное обучение.

Таблица 22

Количество библиотек при Сибирской железной дороге [183, с. 75]

Годы	Число вновь открывшихся библиотек	Общее число подписчиков
1899-1901	8	948
1902-1904	18	2272
1905-1907	—	2017
1908-1910	42	2396

Таким образом, количество железнодорожных библиотек, значительная часть которых открывалась в пристанционных селениях, увеличилось с 1899 по 1910 гг. на 68. Для тех, кто работал на небольших станциях, переездах, в сельской местности, устраивали небольшие библиотеки-читальни при дежурных комнатах кондукторских и паровозных бригад.

Таблица 23

Средства, отпускаемые Сибирской железной дорогой на библиотеки [183, с. 77]

Годы	Казённое пособие, руб.	Специальные средства библиотек, руб
1899-1901	10914	8878
1902-1904	20269	18062
1905-1907	24444	13829
1908-1910	30534	15839

Из данной таблицы следует, что ежегодно на нужды библиотек Сибирская железная дорога отпускала довольно значительные суммы, которые постоянно увеличивались. Так, с 1899 по 1910 гг. казённое пособие возросло на 180%, а специальные средства на 78%.

В 1912 году таких культурных заведений насчитывалось 36, из них 26 содержались за счёт сбережений железнодорожных служащих. Кроме этого, 2-3 раза в месяц линию от Томска до Челябинска и Иннокентьевской проходили два вагона-библиотеки. Но из-за недостаточного финансирования, тревожных военных и революционных лет (1904-1907 гг.), деятельность этих библиотек нарушилась. Во время массовой перевозки войск они совсем перестали работать, а в дальнейшем из-за уменьшения контингента читателей и утери большей части фондов стали совсем «общипанными». И тем не менее продолжали ежемесячно совершать по два рейса на расстоянии 3000 верст. Участие администрации в поддержании просвещения народа оставалось незначительным, поэтому предоставленных ею средств постоянно не хватало. После введения платных услуг численность читателей здесь значительно снизилась.

Основными читателями в пристанционных библиотеках были лица с низшим образованием – около 60%, в возрасте от 20 до 30 лет. Все они шли по пути личного самоусовершенствования и, несмотря на недостаток средств для повышения культурного и

профессионального образования, вполне были довольны наличием небольших библиотек. Особой популярностью здесь пользовалась беллетристика, а научные издания зачастую пылились на полках, никем не востребованные. Лишь после смерти Л.Н. Толстого железнодорожники стали читать его произведения, разрекламированные в центральных газетах и журналах, игнорируя отечественных классиков прошлого и современности.

Народные библиотеки в Западной Сибири действовали на основании Инструкции для сельского библиотекаря 1906 г., составленной Харьковским обществом распространения в народе грамотности, в которой чётко оговаривались права и обязанности заведующих этими учреждениями культуры. Они должны были содержать в исправности доверенное им имущество, вести систематический каталог и приходно-расходные книги, выдавать и принимать от читателей литературу, рекомендовать читателям те или иные произведения, следить за правильным выбором книг, поддерживать тишину и порядок в помещении, а также в конце каждого года отчитываться о деятельности библиотеки (Приложение 4-6).

Для примера можно назвать такие библиотеки и читальни, которые пользовались популярностью у сельских жителей Томской губернии в 1908 г.: народная библиотека и читальня в селе Смоленском Бийского уезда, открытая Смоленским сельским обществом под названием «народная читальня»; библиотека при Спасском училище МНП Каинского уезда; бесплатные народные сельские библиотеки в Берском, Анисимовском, Крутихинском, Куяган, Тоурак, Старо-Белокурихе Барнаульского уезда: в селе Тюменцево Кулундинской волости образованная от Барнаульского Комитета попечения о народной трезвости; читальня в селе Солонетинском при церковно-приходской школе [79, л. 20-41].

В столице страны существовал Союз кружков сельских библиотек. В одном из очередных воззваний Временное бюро союза обращалось ко всем кружкам, занимающимся рассылкой по деревням народных библиотечек и газет прогрессивного направления, с предложением сообщать сведения об их деятельности, и ко всем издательствам и частным лицам с просьбой прийти на помощь союзу пожертвованиями книгами, денежными средствами и скидкой с изданий [137, с. 135].

В целом роль книги в деле просвещения селян хотя и медленно, но давала свои результаты. В народе подмечали: «На что и грамоте учиться, коли книжек не читать. Грамотность – это не цель, а

средство к дальнейшему самообразованию, поэтому нельзя останавливаться на достигнутом, надо постоянно двигаться вперед. Грамотный крестьянин, не привыкший к чтению, не научившийся любить книгу, может вскоре вообще забыть грамоту, у него начнётся рецидив безграмотности» [121, с. 70]. И такое действительно встречалось в селениях, где не было библиотек или читален. Дети, посещавшие школу, по её окончании, не имея средств к дальнейшему своему образованию, постепенно забывали или теряли интерес к чтению и приобретению новых знаний. Чаще всего они возвращались к обстановке, где печатное слово являлось большой редкостью, так как в крестьянских избах лишь изредка можно было встретить настоящую книгу. В новые очаги сельской культуры поначалу обращались бывшие ученики местных школ. Иногда они с гордостью признавались библиотекарю: «По праздникам дома книжку читаем, и тятка, и matka и дедка слушают, и соседи придут слушать. Нас, ведь, не один я читаю. Мы или все поочередно, или каждый свою книгу читаем» [121, с. 71]. Поэтому читатели старались взять или сразу несколько книг, или одну, но достаточно объёмную. Дешёвые книжки в несколько страничек селянами брались неохотно, разве только если разрешали взять одновременно штук по 5-7. Случалось, что крестьяне обижались на слишком добросовестного библиотекаря, который придерживался правил нормированной выдачи: «Это что ты дал – я это в один вечер нынче за чаем прочитаю». За понравившимися произведениями приходили и взрослые. «Бабы просят книжку на праздник, чтобы парень со скуки в кабак не побежал». Работники библиотек и читален прилагали определённые усилия для того, чтобы крестьяне понимали прочитанное, особенно язык Пушкина, Гоголя, Толстого; интересовались книгами духовного, исторического, географического и научного содержания.

В ходе данного исследования были выявлены четыре большие группы книг, наиболее популярных в западносибирской деревне.

К первой относились книги религиозного характера, которые на ярких примерах жития святых учили терпимости, человеколюбию, послушанию, жертвенности во благо государя, отечества и народа. Особенно часто в сельской школе можно было встретить книги, издаваемые епархиальным ведомством. По жанрам это прежде всего были всевозможные беседы, поучения, воззвания, жития святых и т.д. Большое место среди них занимали «слова» священников, произнесённые по различным торжественным поводам: по случаю закладки или освящения

храма или иного здания, перенесения иконы в связи с очередным христианским праздником, «царским днём». К народным изданиям, рекомендованным для школ, относились сборники духовно-нравственных песнопений, которые под названием «Лепта», «Лепта первая» и «Лепта вторая» выходили в Бийске (1890) и Томске [124, с. 122].

Ко второй группе относились книжки «занятные», т.е. интересующие своей фабулой не зависимо от основной мысли произведения. Приходя в библиотеку, народ просил: «Дайте мне книжку, да позанятнее, почуднее, или пострашнее, или жалостную». По качеству такие произведения значительно уступали первым, так как их безыдейные издатели, приспособляясь к вкусам толпы, печатали всё без особого разбора.

К третьей группе следует отнести произведения по довольно злободневной для того времени антиалкогольной пропаганде, где рекомендовались такие брошюры, как «Правда о хмельном зелье», «Как привыкают к вину», «Водка до всего доведет», «Водка сильна, но сильнее воля своя» [177, с. 114].

Четвёртая группа включала книги с научными и практическими сведениями. Но из-за того, что издатели неохотно брались выпускать такую литературу, а народ не всегда понимал её, то и спрос на неё был невелик. Если среди книг с практическими сведениями по медицине и сельскому хозяйству имелись вполне доступные для народа сведения, то таких, где бы были популярно изложены научные данные – «хоть шаром покати». География, история, естественные науки для народа продолжали быть недоступными. Виновной в таком упущении считали интеллигенцию, которая предпочитала «написать какой-нибудь пустынький рассказик и почувствовать себя в некотором роде удовлетворённой, как бы выполнившей перед народом свой долг интеллигентного человека, не имеющей возможности составить популярную книжку по какой-нибудь отрасли науки, изложить её живым языком» [158, с. 136]. Необходимо было создать целый ряд популярных курсов по всем предметам, популярных настолько, чтобы они были доступны и для сельского писаря, и для лавочника, и для всякого любознательного крестьянского парня, прошедшего сельскую двухклассную школу.

За всеми фондами библиотек и читален устанавливался строгий контроль со стороны местной администрации. Ежегодно публиковались списки запрещённых изданий, которые следовало при обнаружении изъять или не приобретать их, несмотря на

просьбы читателей. В ходе революции 1905-1907 гг. с народных библиотек были сняты «путы» ограничительного каталога и исключительного надзора, которые не позволяли им нормально развиваться. Тем не менее, рекомендовалось снабдить каждую народную библиотеку одним или двумя органами периодической печати, хорошим подбором книг по изящной литературе, естественным и общественным наукам, а также экономическим и политическим вопросам, разрешение которых стояло перед всей страной (Приложение 7).

Среди фондов народных сельских библиотек и читален обязательно были периодические издания, которые выпускались правительством, губернскими и местными органами власти и просвещения. Среди газет самыми распространёнными являлись губернские и областные «Ведомости», «Епархиальные ведомости», «Ермак» (Омск), «Омский вестник», «Сибирский листок» (Тобольск), «Тобол» (Тюмень), «Крестьянская газета» (Ялуторовск), «Сельский вестник» (Томск), «Сибирская жизнь» (Томск).

«Крестьянская газета» стала выходить в Ялуторовске Тобольской губернии с 1906 г. при местном отделе Московского общества сельского хозяйства (далее МОСХ) в типографии, организованной крестьянином Иваном Васильевичем Анисимовым [172, с. 25-26]. Так как здесь часто высказывали своё мнение по устройству сельского хозяйства передовые люди края, политические ссыльные, то через несколько месяцев по решению Тобольского суда газета была закрыта. Вскоре на её базе стала выходить аналогичная газета «Ялуторовская жизнь».

Каждый номер начинался с передовицы, посвященной актуальной теме. Например, в первом номере, который вышел 21 июля 1907 г., на первом листе находилась статья о засухе. Главный редактор газеты ялуторовский агроном Кирьяк Степанович Колмаков, писал: «Как бороться с засухой? Для этого нужно упорядочить и пересоздать весь ход сельскохозяйственной деятельности так, чтобы постигшее несчастье не могло застигнуть земледельцев врасплох или, по крайней мере, отозвалось бы как можно слабее. Наука рекомендует прежде всего производить глубокую вспашку как весной, так особенно осенью. Рыхлая земля задерживает влагу больше, чем твёрдая» [179].

В дальнейшем здесь обсуждались заседания Государственной Думы, политика губернатора в отношении крестьян. Весной 1908 г. типография сгорела, выпуск газеты был приостановлен.

Определённую просветительную работу среди жителей сёл вели сибирские музеи, которые являлись неотъемлемой частью культуры общества. Они играли важную роль в сохранении культурного наследия, т.к. способствовали накоплению, изучению и популяризации духовных и материальных ценностей культуры сельских жителей.

В 1870 г. был основан Тобольский губернский музей, который наряду с Томским университетом и Западно-Сибирским отделом Русского географического общества являлся не только культурным, но и научным учреждением. Важным участком деятельности музея была популяризация сельскохозяйственных знаний, опыта и традиций сибирского земледелия и животноводства. Главную роль в этом деле играл консерватор музея на общественных началах, губернский агроном Н.Л. Скалозубов, которого академик И.П. Бородин считал одним из усерднейших собирателей флоры Тобольской губернии. Во время командировок он привозил интересные образцы растений, которые помогали определить перспективу развития сельского хозяйства именно в этом районе [173, с. 42-43]. Кроме этого он предложил губернскому музею проводить выездные чтения для крестьян, оказав тем самым огромную услугу населению [264]. 24 февраля 1904 г. Скалозубов выступил на общем собрании членов Тобольского музея с докладом «К вопросу о мерах улучшения крестьянского хозяйства в Тобольской губернии и местных органах власти для проведения этих мер в жизнь» [261].

Большой вклад в изучение Тобольской губернии внесли сельские учителя, которые откликнулись в 1889 г. на призыв губернатора В.А. Тройницкого стать помощниками музея. Учителя занимались сбором ботанических коллекций, насекомых, вели археологические раскопки и фенологические наблюдения, сообщали сведения о полезных ископаемых, ремёслах и промыслах губернии; делали чучела птиц и животных, принимали участие в экспедициях музея. К ним относились следующие учителя: сельского Ларьякского начального училища Сургутского округа Г.М. Дмитриев-Садовников, Заводоуковского двухклассного училища Ялуторовского округа Г.Я. Назаров, Усениновского двухклассного училища Туринского округа В.Н. Кузнецов, Демьянского сельского училища З.П. Кайдалова, административно-ссылный студент Виленского учительского института Р.Л. Зеневич, заведующий второклассной церковно-приходской

школой д. Зарянской Успенской волости Тюменского уезда К.В. Хавский [170, с. 44].

Примечательным явлением времени явилось возникновение в Зауралье сельскохозяйственных музеев, первым из которых стал открытый в 1895 г. Заводоуковский сельский школьный музей в Ялutorовском уезде Тобольской губернии. Его учредителями стали местные жители и губернский агроном Н.Л. Скалозубов [144, с. 124-125]. Помощь в организации музея оказали местные купцы Колмаковы и Пивинский; ряд предприятий прислали экспонаты: с Боткинского завода поступил плужок и борона «зигзаг», с Курганской выставки – веялка и соха – «курашимка» [288, с. 105]. В мае приступили к планомерному сбору экспонатов, затем стали поступать пожертвования от волостной и уездной администрации [147, с. 137-143].

Инициатор открытия музея учитель Герман Яковлевич Назаров обратился в письме к Н.Л. Скалозубову: «Мне очень бы желательно было работать под Вашим руководством, и я желал этого, но меня сильно смущает, что пришлось встать на эту работу, еще не зная, желаете ли Вы этого. Если поедете здешними местами, тогда мимо нас не проезжайте» [49, л. 5-7]. Для того, чтобы на месте разобраться в сложившейся ситуации, в июне здесь побывал заинтересованный в новом просветительном учреждении губернский агроном. В своём дневнике Скалозубов оставил такую запись: «В Заводоуковске я пробыл до 25 июня, работая с насекомыми и растениями и пр., предназначенными в музей. После поездки в Новую Заимку вернулся обратно в село Заводоуковское 6 июля. Занимался устройством музея, так как получилось разрешение об открытии его. Поэтому большую часть времени экскурсировал в окружающие места Завода. 11 и 12 июля разбираю картинки снова по группам, так как при подклейке их переплётчиком они были перепутаны. 14 июля набивал чучела птиц. 15 июля вырабатывал тип парт для школы, шкафов, учебных пособий. Затем до 24-го июля исключительно занимался устройством музея в с. Заводоуковском» [26, л. 90-95].

Общественное признание деятельность молодого музея получила осенью 1895 года на Курганской сельскохозяйственной выставке. В одном из павильонов Г. Назаров отвечал на многочисленные вопросы любопытных крестьян [277, с. 3]. Многие посетители останавливались и около стендов Заводоуковского школьного сельскохозяйственного музея, удивляясь обширности

собранного материала и научности их обработки. Успехи и достижения музея были отмечены Скалозубовым в «Справочном листке Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки» [119, с. 269].

К сожалению, из-за недостаточного финансирования и безразличного отношения губернской администрации в 1898 году музей закрыли. В работе Е.Н. Коноваловой отмечается, что «музей, созданный Г.Я. Назаровым, просуществовал недолго. После ухода с должности учителя экспозицию в 1897 г. перевезли в уездный Ялуторовск, она стала бесхозной и вскоре оказалась утраченной» [170, с. 45]. На самом деле музей закрылся в 1898 г., по вине сельской администрации его фонды были утрачены.

Большую просветительную работу на территории Западной Сибири вели и педагогические музеи. На рубеже XIX-XX вв. они позволили объединить в общую систему школьное и внешкольное образование. Адресованные прежде всего педагогам, играли роль информационных центров, способствующих повышению теоретической, методической и практической базы отечественной школы. В Томске с 1881 г. работал педагогический музей для приходских училищ, который содержался на средства Томского городского управления. Ежегодно вплоть до 1907 г. на нужды музея отпускалось по 300, а в дальнейшем – по 150 рублей [64, л. 1]. В Тобольской губернии в разные годы действовало до пяти педагогических музеев стационарного и подвижного характера. Тюкалинский подвижный школьный музей учебных пособий был создан по инициативе инспектора народных училищ Е.Ф. Соколова и потомственного гражданина Т. Зимина в 1900 г. [234] В июне 1901 г. последовало открытие музея, которое совпало с недельным съездом учителей Тюкалинского уезда. Педагоги ознакомились с музейной коллекцией, получили объяснения специалиста по поводу учебных пособий [91, л. 10-11]. В дальнейшем при музее появилась показательно-образцовая библиотека для сельских училищ, которая создавалась из книг, переданных Тюкалинским уездным комитетом о народной трезвости [104, с. 76]. Если фондами музея и библиотеки охотно пользовались городские педагоги, то в сельских школах редко применяли наглядные пособия. И только с 1907 г. стали регулярно поступать требования на наглядный материал от сельских училищ. Для того, чтобы освободить учителей от оплаты почтовых услуг за пересылку по земской почте картин, книг и пособий для сельских училищ, инспектор народных училищ стал ходатайствовать перед губернскими властями.

По данным на 1912 г., кроме Тюкалинского музея, в Тобольской губернии для обслуживания сельских училищ имелись передвижные музеи в Тюмени, Ишиме, Кургане. Ежегодно на их содержание отпускалось из земского сбора по 200 рублей. В Курганском уезде действовало два музея, один из которых являлся центральным, а другой передвижным. В целом фонды этих музеев насчитывали 3241 единиц хранения и оценивались в 3611 рублей. Помимо передвижных музеев начала XX столетия в Тобольске существовал Школьный музей при дирекции народных училищ, который являлся уездным учебно-методическим центром дополнительного образования. Здесь постоянно проводились педагогические курсы, сельские учителя могли воспользоваться пособиями и литературой обширной библиотеки [103, с. 1-7].

Очагами культуры и просвещения на селе являлись и медицинские учреждения. Во второй половине XIX века Тобольская и Томская губернии, а также Акмолинская область значительно отставали от Европейской России по всем показателям народного здравоохранения. Причину данной ситуации видели прежде всего в «их огромной территории с редким населением, которому из-за своей низкой степени образования было чуждо понятие о пользе врачебной помощи» [204, с. 11]. Неграмотное крестьянство, как правило, обладало необходимым объемом знаний для лечения болезней народными средствами; когда же они не помогали, обращалось к знахарям и колдунам [227, с. 118].

В 1864 г. министр внутренних дел, обратив свое внимание на неудовлетворительное состояние санитарной части в Западной Сибири, потребовал срочно предоставить план ее улучшения. Генерал-губернатор Западной Сибири видел одну из главных причин плачевного состояния здравоохранения – «крайне недостаточное число медицинского персонала. Поэтому, кроме увеличения числа врачей, необходимо также увеличить число фельдшеров и повивальных бабок» [39, л. 30].

После того как в 1878 г. в Западной Сибири открылись три специальные школы, в которых готовили сельских медицинских работников: ветеринарно-фельдшерская в Томске, повивальная в Тобольске и центральная фельдшерская в Омске, крестьянки могли рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь при рождении детей и в педиатрии. Но положение с высокой детской смертностью не изменилось. Вот что отмечалось в начале XX века в центральной прессе: «Слабое развитие понятий и правильных

навыков в деле ухода за младенцами и их питанием, отсутствие необходимой помощи матерям и рождаемым являются, по свидетельству опыта, главными причинами ежегодной гибели многих младенцев. И хотя отдельными лицами и учреждениями принимаются посильные меры к устранению и смягчению указанного зла, но меры эти недостаточны. На первом году жизни из 100 детей умирает: в Германии-19, во Франции-14, у нас не доживает до года 27 детей. У нас из 4 родившихся детей только 3 могут дожить до года и только 2 доживают до 5 лет. При 160-миллионном населении России ежегодно рождается 7 млн. детей, из которых более четверти, т.е. почти 2 млн., гибнет в грудном возрасте» [2, л. 4, 56].

Почему сельское население продолжало отказываться от услуг квалифицированных акушерок? Сибирская интеллигенция объясняла это «силой привычки и существующих в народе предрассудков», а также тем, что простая сельская повитуха на время пребывания в доме роженицы принимала на себя все работы по домашнему хозяйству. Хотя в то время достоянием общественности стал и такой факт, что только за 1893 г. в селе Новозаимском Ялуторовского округа Тобольской губернии умерло 8 рожениц, которых свела в могилу неумелая помощь деревенских повитух да знахарок [301].

В 1883 г. в Томскую губернию прибыло 5 фельдшеров, окончивших курс в Омской центральной школе. Их направили для работы в сельскую санитарную службу Томского, Каинского и Кузнецкого округов [226, с. 14-15]. Молодые специалисты вели обширную просветительскую работу, призванную повысить уровень здоровья селян; рекомендовали медицинскую литературу, рассчитанную на простой народ. В газетах и журналах того времени, Памятных книжках публиковались различные наставления по лечению сибирской язвы и холеры, пособия по сбору лекарственных трав, постановления местных органов управления по организации мер против распространения эпидемий и т.д. Но так как эти наставления были составлены сухим научным языком, малопонятным крестьянам, медикам лично приходилось разъяснять те или иные вопросы [299, с. 56]. Так, циркуляром №42 от 11 января 1905 г. Тобольский губернатор рекомендовал уделить особое внимание на местах принятию предупредительных противохолерных мер, ознакомлению населения с сущностью этой болезни и принимать против неё мероприятия путём устройства

народных чтений и бесед. Кроме врачей, такие чтения могли проводить священники, учителя, санитарные полечители, участковые фельдшера и фельдшерицы по брошюрам, одобренным местными губернскими санитарно-исполнительными комиссиями [1, л. 12].

Постепенно в крае стало расти количество среднего медицинского персонала. Так, с 1880 по 1896 гг. в Тобольской губернии число фельдшеров и акушерок увеличилось почти в 4 раза, в т.ч. акушерок с 58 (1885) до 84 (1887 и 1907) [247, с. 9]. В 1888 г. на Томскую губернию утвердили должности волостных фельдшеров в с. Кольсон Мариинского окр., Гутовском, Кристининском, Спасском, Елгайском, Николавеском и Тымском Томского окр., Осиновые Колки, Камышеве, Кыштовском и Юдинском Каинского окр., Брюханове, Борисове, Ильинском и Колтанском Кузнецкого окр., Битковском и Жилине, Тюменцевои Ордынском Барнаульского окр., Алтайском, Сибирячихинском, Быстром Истоке, Быстряном, Красноярском, Гилеве и Бобровском Бийского округа.

Довольно быстро шёл рост среднего медицинского персонала на селе и в Акмолинской области. К 1910 г. здесь работало 32 фельдшера и 4 акушерки [270, с. 257-258].

Окружные врачи, проживая в городах, разъезжали по сёлам только для борьбы с эпидемиями. Общественности стали известны случаи, которые в дальнейшем негативно отразились на внедрении официальной медицины в сельской местности. Так, во время эпидемии сыпного тифа в с. Уватское приехала фельдшер из с. Демьянского. «Вся её помощь ограничилась только одной поездкой в деревню Березовку, а затем, забрав все медикаменты из Уватской аптеки, она увезла их в Демьянск» [268]. Вольнопрактикующих же врачей не хватало, в основном ими становились политические ссыльные. Так, 9 октября 1891 г. в д. Плотникову Аевской волости Тарского округа Тобольской губернии прибыл врач Сергей Николаевич Флоровский, состоящий под гласным надзором полиции. Он возглавил временную больницу на месте заготовки лесных материалов для строительства Сибирской железной дороги, постоянно разъезжал по вверенному ему участку. Бывая в уездной Таре, не отказывал советами и тамошним больным [46, л. 28].

Новая волна политссыльных в ходе революции 1905-1907 гг. способствовала появлению в крае значительного числа

медицинских работников. Исследователь политической ссылки Западной Сибири Э.Ш. Хазиахметов указывает, что в Тобольской губернии остались такие врачи, как: А.В. Узембло (с. Исетское Ялуторовского уезда), Г.О. Купенский (с. Юргинское Ялуторовского уезда), В. Либин (Тюменский уезд), И.Н. Ческидова (Туринский округ), Седельникова (Тарский уезд) и др. [320, с. 54-56].

Многие сельские врачи конца XIX – начала XX вв. являлись детьми ссыльных. Николай Павлович Анцеров (1867-1930) родился в семье ссыльного дворянина и после окончания в 1897 г. Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы несколько лет проработал сельским ветеринарным фельдшером в Курганском округе. Ольгерд Викторович Гржегоржевский (1873-?), из семьи польских политссыльных, после окончания в 1898 г. медицинского факультета Томского университета служил сельским врачом Демьянского участка Тюкалинского уезда, Самаровского, Исетского, Емуртлинского и Тобольского участков. В 1904-18 гг. руководил Тобольской акушерско-фельдшерской школой, внёс значительный вклад в подготовку средних медицинских работников для сельских лечебных учреждений. Станислав Михайлович Кевлич (1865-1913), сын участника Польского восстания, сосланного в Курган, имея диплом медицинского факультета Казанского университета, в 1891-95 гг. работал окружным врачом Сургутского и Березовского округов. За большие заслуги по охране здоровья населения пожалован чином надворного советника, награждён орденом св. Анны III степени [313].

И только с 90-х годов штатные врачи начинают расселяться по деревням и сёлам Западной Сибири. Именно им надлежало оказывать крестьянам всестороннюю помощь, следить за медицинским просвещением, на деле убеждать сибиряков в преимуществах официальной медицины. Довольно часто врачи не получали должной поддержки сельской администрации в этом сложном деле. Так, 4 июля 1989 г. Томскому губернатору сообщили, что «заведующий врачебно-продовольственным пунктом в селе Монастырском студент-медик Романов находится в крайне неловком положении. Он до сих пор не получил аптеки, поэтому народ «хворает и мрёт, а он сидит сложа руки» [86, л. 14].

Массовое открытие сельских лечебных заведений в Западной Сибири началось в конце XIX века. К 1888 г. в Томской губернии работало 16 сельских приёмных покоев, в Тобольской губернии в течение 1894-95 гг. появилось 15 новых лечебниц и приёмных

покоев. В предвоенный период широкую известность получила Баженовская сельская лечебница Тобольской губернии.

20 августа 1894 г. в с.Новозаимском Ялуторовского уезда состоялось торжественное открытие долгожданной сельской больницы. Первыми медицинскими работниками здесь стали брат и сестра Миловидовы. Дмитрий Алексеевич, 26-летний врач, выходец из семьи церковнослужителей Юрьевского уезда Костромской губернии, закончил медицинский факультет Томского университета, прибыл на новое место службы с молодой женой. Вскоре к нему приехала младшая сестра Елизавета, которая была вынуждена задержаться в Сибири, выполняя обязанности больничной фельдшерицы [45, л. 104 об]. Большим уважением селян пользовалась и акушерка Федора Ивановна Тутолмина, жена псаломщика местной Знаменской церкви [44, л. 14, 40].

В «Тобольских губернских ведомостях» за 1895 г. М. Амброз отмечал, в Еланском приёмном покое Тарского уезда «дело народного лечения находится в самом завидном положении. Какое малое количество больных обращалось прежде к фельдшеру за помощью, как мало людей тогда пользовалось рациональным медицинским пособием. Но всё изменилось с приехавшим из Петербурга новым фельдшером А. С 1 октября 1893 г. по 1 января 1894 г. перебивало у него больных: амбулаторных 243, стационарных 30; в течение 1894 г.: амбулаторных 1175, стационарных 170; в 1895 г. по 30 марта: амбулаторных 4990, стационарных 220» [303].

Подавляющее большинство сибиряков верило, что только преданные своей профессии медицинские работники смогут выполнить возложенную на них миссию – поднять уровень здравоохранения на должную высоту. В декабре 1906 г. из села Юргинского в Новую Заимку Ялуторовского уезда перевели доктора Григория Осиповича Купенского. За недолгое время, проведённое в селе (около 4 месяцев), «он принёс пользы и оказал помощи населению столько, что другой врач не сделал бы и в целые годы. Его не останавливало ничего, и всегда и во всём он готов был подать помощь. Он не дожидался особого приглашения, как обыкновенно делают многие медики, а всегда ехал или шёл сам и продолжал посещать больного до тех пор, пока не доводил его до окончательного выздоровления; и именно через это масса людей обязана ему своей жизнью» [180].

К 1910 г. в Акмолинской области находились следующие

сельские лечебные заведения: в с. Полтавском Омского уезда (переселенческая больница) на 10 коек, переселенческая больница в с. Павлоградском того же уезда, участковый приёмный покой в с. Явленском Петропавловского уезда на 5 коек, приёмные покои в с. Кривоозерском и с. Балаксином Кокчетавского уезда на 5 коек и еще шесть приёмных покоев [270, с. 257-258].

В конце XIX века кроме государственных, существовали и частные лечебницы. В Заводоуковской волости Ялуторовского уезда одна из них находилась на Колмаковской Заимке, другая – на винокуренном заводе в Падуне [42, л. 452]. Известно, что в 1897 г. падунским фельдшером состоял 70-летний земляк владельца завода А.Ф. Поклевского-Козелл Эдуард-Доминик Фомич Пивинский. Родился он в сельце Рухшеницове Полоцкого уезда Витебской губернии в 1826 году, прошел обучение медицине при Лепельской больнице путей сообщения, но, как участник Польского восстания, был сослан в Сибирь [43, л. 215]. Селяне уважали пожилого врача, всегда слушались его наставлений по лечению простых и сложных заболеваний.

Таким образом, в исследуемый период на сельской территории Западной Сибири возникла и сложилась начальная сеть культурно-просветительных учреждений: библиотек, читален, музеев, больниц и лечебниц, призванных содействовать повышению культурного и образовательного уровня крестьян. Они постепенно привыкали к книгам, менялись читательские интересы от лубочных изданий до периодики, познавательной литературы, произведений русских классиков. На рубеже XIX-XX веков в Западной Сибири стали выходить печатные издания для народа, в которых освещались юридические, агрономические, политические и культурные вопросы. В расширении кругозора, внедрении агрономических навыков ведения хозяйства, определённую роль играли и музеи. Здесь обобщался накопленный поколениями опыт, издавалась разнообразная литература, которая знакомила сельских жителей с климатом, особенностями строения почв, историей колонизации Сибири. Передвижные педагогические музеи накануне первой мировой войны оказывали методическую помощь сельским жителям.

К началу XX века в Западной Сибири санитарное просвещение привело к значительному улучшению состояния здоровья сельского населения; вакцинация и своевременное лечение всевозможных заболеваний благотворно сказались на качестве жизни сибиряков.

Рост санитарной культуры привёл к снижению уровня детской смертности, хронических заболеваний, эпидемий.

Медицинские работники наравне с учителями и церковно-служителями входили в число сельской интеллигенции. Крестьяне обращали пристальное внимание на их повседневное поведение, манеру держаться, разговаривать, умение одеваться по-городскому. С благодарностью относились к врачам, которые не только прекрасно справлялись со своими прямыми обязанностями, но и способствовали просвещению окружающих. Часто врачи руководили воскресными чтениями, организовывали беседы с народом, помогали советом при составлении официальных прошений и жалоб. Тем не менее значительная часть сельских жителей западносибирской деревни не стремилась получить профессиональную медицинскую помощь, предпочитала услуги местных знахарей и колдунов.

2.2. Просветительская деятельность православной церкви в укреплении духовного и нравственного здоровья верующих

В основе официальной доктрины Российской империи стояло православие, самодержавие и народность. Основными задачами духовного и нравственного воспитания всего населения, в т.ч. и жителей западносибирской деревни, являлось привитие любви к Царю, Отечеству и Церкви. Православная церковь вела определённую работу в этом направлении среди жителей западносибирской деревни.

Одним из видов деятельности сибирских епархий стало распространение книг религиозного содержания, которые постоянно требовались народу в большом количестве. Это были не только жития святых и разнообразная богословская литература, но и произведения, в которых раскрывались в доступной форме вечные идеалы добра и правды. Главная задача таких книг была в необходимости «отрыва людей от повседневной обыденной жизни, перенесении в область более возвышенную, выпрямлении помятой жизнью совести». Для библиотек рекомендовалось приобрести описания жития святых мучеников, которые терпеливо переносили страдания за верность своим убеждениям («Житие святителя Филиппа, митрополита московского», Толстого «Чем люди живы?», Лескова «Совестный Данило» и т.д.).

Среди религиозно-нравственных изданий большое место

занимали жития святых и описания чудотворных икон. К наиболее почитаемым в Сибири святым принадлежали великомученик Дмитрий Солунский, чудотворец Симеон Верхотурский и др. Им также была посвящена значительная часть местной духовной литературы [133, 134].

С особым трепетом сибиряки относились к Абалацкой иконе Божьей Матери, её описание можно встретить среди множества местных публикаций. Несколько изданий выдержала работа А.И. Сулоцкого «Новые благодатные явления от Абалацкой иконы Божьей матери», выходявшая в Омске и Тобольске в 70-80-х гг. XIX века. На ту же тему был выпущен ряд брошюр в Томске [124, с. 121-122].

Сибирское духовенство отмечало, что «нужда в религиозных книгах у русского народа велика». Поэтому церковная библиотека должна быть лучшим помощником в удовлетворении книжной жажды народа, именно здесь лучше всего проводить в народ идеи христианского учения. Но многие священники игнорировали этот вид деятельности, хотя при каждом храме имелась библиотека, которой пользовался сам настоятель и его приближённые, а зачастую эти книги предназначались «не для чтения народу, а для похорон в архивы на гноение и съедение мышам». Как писал Павлин Алтайский, «книги годами копяты, складываются в кучи и тлеют, а народ ищет их и не находит. Мужик тогда едет в город и там на последние гроши покупает какой-либо литературный мусор, пикантное дрянцо, часто секретную литературу. Мужик вместо здоровой пищи, которая хранится в церковных архивах, питается отравляющими ядами» [107].

Для примера П. Алтайский приводит случай, который произошёл с одним из его прихожан. Крестьянин Степан Никитич любил почитать Священное Писание и другую религиозную литературу. Но из-за невнимания священника и скромности самого крестьянина не мог в селе удовлетворить свою духовную жажду. В поездках с хлебом на ярмарку он накупил по незнанию сектантской литературы и вскоре перестал ходить в церковь, зачитываясь новыми книжками. В ходе беседы со священником, высказывания взаимных упреков конфликт был исчерпан. После каждой литургии псаломщик ставил к церковным дверям стол с книгами и газетами и давал почитать их всем желающим, которых всегда было много. Так начала действовать церковная библиотека в одном из сибирских сёл.

После широкого открытия конфессиональных школ духовенство видело в образовательной деятельности одно из главных своих предназначений, кроме прямых обязанностей, связанных с отправлением религиозного культа. Объяснялось это тем, что в большинстве сельских училищ обучались дети крестьян православной веры, и от их воспитания зависело будущее края. Контроль за деятельностью сельских школ возлагался на самых уважаемых селян, попечителей училищ. Чаще всего ими становились законопослушные и богобоязненные прихожане или священники. Учителя прислушивались к советам попечителей, отмечали под их руководством религиозные и государственные праздники. Так, в Тюменевском сельском училище Мариинского уезда Томской губернии в 1903 г. занятия с детьми проводили законоучитель Василий Ушаков и выпускница Томского епархиального училища Елизавета Максимова под наблюдением попечителя училища крестьянина Марка Ефремовича Полуэктова. Из 66 учащихся 61 исповедовал православную веру, 5 – римско-католическую; 60 человек были детьми крестьян и только 6 – горожан [75, л. 9-10]. Марк Ефимович заботился о своевременной доставке к зданию школы дров, следил за работой сторожа, изыскивал средства для организации православных праздников.

Непосредственное наблюдение и попечение о школах епархии поручили окружным наблюдателям – благочинным, которые должны были посещать школы с целью осмотра два раза в год и предоставлять отчёты об их состоянии и количестве отделению Епархиального училищного Совета.

Руководство церковно-приходских школ осуществлялось заведующими – священниками. В их обязанности входило ходатайство об открытии церковно-приходских школ, забота об изыскании материальных средств для школ, предоставление кандидата на учительскую должность, выполнение обязанностей законоучителя, а при отсутствии учителя – и его обязанностей, разработка учебного плана, внешкольная работа с учащимися по поводу религиозно-нравственного воспитания [127, с. 28].

Епархиальное начальство занималось вопросами помещений для церковно-приходских школ и улучшения условий обучения. Священникам предстояло «войти в соглашение с прихожанами для помощи в устройстве домов для церковно-приходских школ – деньгами или натурой» [130, с. 1-2].

Чтобы заинтересовать духовенство Томской епархии в деле

народного просвещения, были приняты определённые меры – вводилась система поощрения и наказания. Циркуляром 1886 г. предписывалось делать вычеты из жалования священников, которые не заботились об устройстве церковных школ, а также публиковались их фамилии в печатных годовых отчётах. В то же самое время священники Тобольской епархии часто жертвовали значительные суммы на открытие и содержание школ, т.к. считали просвещение народа богоугодным делом. Так, священник Троицкой Курганской церкви Василий Румянцев ходатайствовал об открытии церковно-приходской школы в д. Малой Чусовой Троицкого прихода. При этом такие расходы, как устройство школьного дома, приобретение классной мебели, учебных пособий и проч., он частично брал на себя, а частично из сумм, пожертвованных прихожанами [15, л. 99]. Священник села Гарисского Тарского округа Иоанн Неводчиков открыл на собственные средства церковно-приходскую школу, рассчитанную на 20 человек. За это ему публично была объявлена благодарность епископа Тобольского и Сибирского. Аналогичные благодарности получили следующие священники: Тюкалинского округа села Чернолуцкого Крестовоздвиженской церкви – Поникаровский, Ялуторовского округа села Юргинской Троицкой церкви – Павел Румянцев, Тарского округа села Самсоновской Николаевской церкви – Николай Никулин, села Строкинской Троицкой церкви – Александр Челемов, Туринского округа села Веригинской Троицкой церкви – Александр Сильверстов и села Санкинской Николаевской церкви – псаломщик Евгений Богословский [15, л. 101].

Не только дети, но и взрослое сельское население должно было знать священные писания, Библию, Евангелие, а самое главное – соблюдать основные заповеди Христа. Тех, кто выступал против основ христианской веры, объявляли еретиками и подвергали гонениям.

Главным предметом в духовных школах всех уровней оставался закон Божий. На первом году обучения одноклассной церковно-приходской школы изучалась священная история Ветхого и Нового завета с молитвами, на втором году – краткий катехизис и учение о богослужении. В первые два года двухклассной школы изучалась программа одноклассной церковно-приходской школы, а на третий год приступали к более широкому изучению священной истории и некоторых сведений из истории церкви. В четвёртый год дополнялись сведения о катехизисе и богослужении. Таким

образом, программа двухклассной церковно-приходской школы углубляла и дополняла программу одноклассной.

Изучение закона Божьего проходило в трёх направлениях: изучение молитв, священной истории и богослужения, краткого катехизиса. Одни из них были теоретическими (например, священная история и катехизис), а другие практическими (изучение молитв и богослужения). Все предметы дополняли друг друга.

Преподавание в основном велось по учебникам, утверждённым Синодом в 1886 году. В курсе изучения закона Божьего предпочтение отдавалось «Начаткам христианского чтения», «Наставлению в законе Божьем» Смирнова, на священной истории использовали учебники Смирнова и Крылова, на церковно-славянском чтении – евангелие, часослов, псалтырь.

Вторым по важности предметом в церковно-приходской школе являлась славянская грамота. Во всех духовных школах на этот предмет отводилось по четыре урока в неделю. В первый год изучали церковно-славянскую азбуку, выделяли её особенности по сравнению с русским алфавитом, читали наиболее употребительные молитвы по «стенным» таблицам, изданным Св. Синодом; на практике знакомились с надстрочными знаками и титлами, упражнялись в чтении по букварю.

Во второй год обучения выборочно читали евангелие по книге Ильменского «Обучение церковнославянской грамоте», работали над чтением по часослову и псалтыри, знакомились с церковным месяцесловом. На этом программа одноклассной церковно-приходской школы по этому предмету заканчивалась.

На третий год обучения в двухклассных церковно-приходских школах продолжали чтение псалтырей и часословов, Евангелия от Матфея. Наконец, на четвертый год оставалось чтение ещё трёх евангелистов, а также подготовка к чтению и пению в церкви по богослужебным книгам [236, с. 26-27].

Третий по значимости предмет – церковное пение. Его целью являлось «оживление и укрепление учеников в церковно-молитвенном чувстве и приготовлении к сознательному и действительному участию в церковно-общественной молитве» [236, с. 54].

Основным руководством при изучении церковного пения была церковная книга «Обиход», т.к. в ней помещались наиболее распространённые церковные напевы. Для изучения церковного пения от учащихся не требовались какие-то особенные

способности. В объяснительной записке к программе по этому предмету указывалось: «только глухота и немота служат препятствием к пению. К церковному пению можно легко приспособить любой голос и слух» [236, с. 28]. Не предъявлялись особые требования и к учителю пения, т.к. в школе основной акцент делался не на певческий талант, а на привитие детям «искреннего и благоговейного отношения» к предмету, который выражал «общественно-молитвенное чувство». На этот предмет в церковно-приходских школах отводилось по два часовых урока в неделю и четыре получасовых – по окончании уроков по другим предметам. Во всех типах духовных школ предполагались подготовительные голосовые упражнения и изучение всей литургии святого Иоанна Златоуста. Во второй год – изучение простейших песнопений всенощного богослужения, херувимской песни и «Хвалите Господа с небес», «Господи, воззвах», «Бог Господь» и ирмосы воскресные, тропари двенадцатых праздников. В третий и четвёртый год обучения в двухклассных церковно-приходских школах углублялся ранее изученный материал. Обычно в школах имелась довольно скудная литература по этому предмету: «Краткий нотный обиход», «Руководство к первоначальному изучению церковного пения по квадратной ноте» Соловьева, «Литургия святого Иоанна Златоуста» С. Миропольского [300, с. 117].

Кроме этого, в духовных школах использовали следующие учебники: по русской грамоте – «Азбуку» Столпянского, «Букварь» Лубенца, дальнейшее чтение проходило по «Нашему родному» Баранова, «Приходской школе» Ермина и Волоотовского, «Книге для чтения» ИONOва, «Солнышку» и «Родине» Радонежского. Диктанты обычно проводились по «Азбуке правописания» Тихомирова, грамматике Тихомировой и «Урокам правописания» Пуцыковича. Арифметика изучалась по «Повторительному курсу арифметики» Арефьева и Соколова, задачку Дубенца и Евтушевского. Письмо преподавалось по прописям Гербача и Тихомирова.

Таким образом, изучение всех предметов в церковно-приходской школе строилось на принципе «от простого к сложному», программа предусматривала необходимый набор знаний по предмету, давала методические рекомендации. Отрицательный момент заключался в том, что все предметы были проникнуты духом религиозности, призваны воспитать кроткого смиренного богобоязненного человека, который слепо верил в царя и Отечество. Воспитатели, внушая «добрые привычки и исправляя

дурные наклонности» [185, с. 303], постоянно обращались к религии, внушали школьникам религиозно-нравственные понятия, которые должны были усваиваться ими на всю жизнь.

Православное церковное образование не отличалось высокой научностью, но именно оно считалось одним из самых доступных видов образования в регионе. Учебный год в церковно-приходских школах начинался с 15 сентября и оканчивался 15 мая, т.е. проходил в период, свободный от занятий сельским хозяйством. В школу принимались дети не моложе 8 лет и выпускались из неё с экзаменом на льготу по воинской повинности не ранее 11 лет [18, л. 4].

Сам учебно-воспитательный процесс осуществлялся безостановочно и по определённом порядку. Для этого заведующий школой священник должен был составить расписание, распределив учебные предметы по дням и часам. Пропуски уроков учителем и учениками с указанием причины, записи ежедневных тем уроков, а также оценки за работу и поведение учеников вносились в школьный журнал. Следует отметить, что добросовестно их вели учителя, свободные от других обязанностей. Чаще всего недобросовестно классные журналы заполняли члены причта. Так, наблюдатель за церковно-приходскими школами Ялуторовского уезда Тобольской губернии при осмотре таковых в 1901 г. отмечал: «желательно бы узнать причину слишком большой разницы, замечаемой в некоторых школах между количеством учеников по журналу и налицо» [18, л. 6].

Каждый урок начинался и заканчивался молитвами, которые пелись всеми учащимися. Например, в церковно-приходских школах Ялуторовского и Курганского округов Тобольской губернии молитвы исполнялись за полчаса до начала занятий по учебному часослову. Очередной дежурный из старшей группы читал их перед иконой с зажжённой лампадой, в то время как остальные молились.

Учащихся с плохим поведением, «неисправных и малоуспешных» подвергали дисциплинарным мерам: внушению, выговору наедине или перед всем классом, пересаживанию во время занятий на определенное место, стоянию около доски. За «упорную леность» и шалость оставляли в классе после уроков на один час. Как отзывались наблюдатели за церковно-приходскими школами, педагоги не применяли рукоприкладства по отношению к провинившемуся.

По отзывам наблюдателей, в 1885-86 учебном году результаты занятий в школах Тобольской епархии были

удовлетворительными. Лучшими школами этого периода были названы Чаусовская, Чернолуцкая, Юрьевская, Карташовская и др. В 1888-89 учебном году успехи учащихся в среднем по епархии были удовлетворительными и выглядели так: по закону Божьему – «4», по русскому языку – «3 1/3», по славянскому чтению – «3 1/3», по арифметике – «3 1/2», по пению – «3», по чистописанию – «3» [309, с. 156-157]. В следующем, 1889-90 учебном году, лучшими школами в епархии были признаны: в Тобольском уезде – Богишевская и Больше-Баклановская, в Тюменском – Верхне-Сидоровская, в Курганском – Мало-Чаусовая, в Ялуторовском – школы ведения наблюдателя священника Иоанна Низковского, в Ишимском – Истоминская, Калманская, Бердюжская и Бутырская, в Тарском – Викуловская.

В 1900 г. открылась церковно-приходская школа в селе Балаганы Ишимского уезда Тобольской губернии. Специального здания под школу не было, поэтому в северной части храма отгородили небольшую комнату, где и проходили занятия по письму, счёту, закону Божьему. Первая учительница – Татьяна Семёновна Сусункова, дочь церковнослужителя, окончила Тобольскую женскую прогимназию. По вечерам она проводила с крестьянами беседы о пользе образования, необходимости отдавать детей в школу. Несмотря на это, классная комната часто пустовала, так как в зимние дни ученикам не во что было обуться и одеться, и они оставались дома. Из 30 школьников к концу учебного года зачастую оставалась только треть – начиналась посевная, требующая участия и внимания всех членов семьи. Количество окончивших курс этой церковно-приходской школы оставалось незначительным [196, с. 128].

Кроме предметов, предусмотренных программой, в некоторых церковно-приходских школах учащиеся занимались ремеслом и сельским хозяйством. Во второклассных церковно-приходских школах предполагалось ввести преподавание ремёсел и рукоделия, основ сельского хозяйства, огородничества, садоводства и пчеловодства [311, с. 157].

Большое внимание уделяла православная церковь распространению школьной сети в единоверческих и раскольнических поселениях. При совместном проживании с православными, старообрядцы сохраняли значительную бытовую обособленность. Но постепенная трансформация: отход от некоторых канонов, совместное посещение школ, единые места

работ – способствовали изменению образа старообрядцев в глазах остального населения [148, с. 200-201]. Поэтому православная церковь поощряла открытие духовных школ в старообрядческих сёлах и деревнях. С 1885 по 1897 гг. в Тобольской губернии начали функционировать школы грамоты в семи единоверческих приходах [142, с. 164-165]. В них обучались молитвам, священной истории, краткому катехизису, церковному пению, письму, азам арифметики дети единоверцев, а в Савинском еще и 17 детей старообрядцев. В среднем количество учеников здесь не превышало 20 человек [298, с. 82]. Старообрядцы и единоверцы понимали преимущества школьного образования перед домашним, но лишь немногие соглашались отдать своих детей в «никонианские» учебные заведения.

Так, в 1892-93 учебном году в ведении наблюдателя церковно-приходских школ Бийского уезда Томской губернии священника Иоанна Невского находилось 17 приходов, в которых проживало 68974 человек. Среди них только 1432 ребёнка из 12692 в возрасте 7-14 лет посещали светские и духовные школы. Во всех приходах проживало около 1,5 тыс. раскольников и около 7,8 тыс. человек, уклонившихся в раскол. Поэтому в Алтайском приходе специально открыли школу для детей единоверцев и раскольников. При церквях этих приходов обязательно имелись книги с противораскольническим содержанием. С ними знакомили не только учащихся школ Ново-Обинской приписной церкви деревни Паутовой, в Тауракском приходе, Антониевском, Камышевском, Солонечненском и Верх-Каменском, но и взрослых крестьян [93, л. 4-5].

В конце XIX века во многих конфессиональных школах Ялуторовского округа Тобольской губернии, «заражённого расколом», имелись книги с противораскольническим и противосектантским содержанием. В Кутькинской школе Романовского прихода среди немногочисленных книг находились и сочинения против раскола архимандрита Павла (2 тома), «Жития святых» митрополита Новгородского Григория, а также выписки Озерского. В остальных же местах такая специфическая литература хранилась при церкви, и священники использовали ее только для занятий с выпускниками, т.к. школьники «по слабому развитию ума» плохо воспринимали прочитанные наставления. Противораскольнические книги употреблялись и для занятий с родителями учащихся, призывая их сменить веру [19, л. 54 об.].

Из архивных документов и отчетов благочинных видно, что это происходило очень редко.

По данным на 1893 г., в Ялуторовском уезде Тобольской губернии в 44 приходах проживало 26665 раскольников и только в 17 приходах находились церковные школы, призванные дать этим людям достойное образование. Эти школы располагались в следующих населенных пунктах: Архангельском, Заводоуковском, Денисовском, Романовском, Емуртлинском, Манайском, Суерском, Терсюкском, Камышевском, Рафайловском, Битюковском, Кизакском, Зимовье-Вагайском, Крутихинском и Уваровском [310, с. 13-14].

Таблица 24

**Количество учащихся школ грамоты
в единоверческих приходах Тобольской губернии
за 1894 г. [34, л. 20; 35, л. 24 об.]**

Название школы	Учащихся		
	Мальчиков	Девочек	Всего
Тюменская	11	9	20
Бердюгинская	15	2	17
Крутихинская	20	4	24
Уваровская	15	5	20
Щучинская	18	10	28
Сивковская	20	8	28
Савинская	23	17	20

Финансирование единоверческих церковно-приходских учебных заведений возлагалось на прихожан, и лишь частично осуществлялось из средств епархиальных училищных советов. Так как средств, выделяемых казной, не хватало, то в целях экономии школы старались разместить в нижних этажах домов священников (Крутихинский и Травнинский приходы), в квартирах, оплачиваемых единоверческой общиной (Щучинский), или в помещениях церкви (Снегирёвский). Только в Травнинском единоверческом округе было построено новое здание для школы стоимостью 2300 рублей.

Бедность единоверческих приходов приводила к закрытию недавно созданных учебных заведений (в 1893 г., через семь лет после создания была закрыта школа грамоты в селе Романовском). По той же причине в Щучинской школе совсем не было «приличной» мебели [34, л. 38, 52].

В декабре 1897 г. в департамент общих дел III отделения МВД поступило ходатайство крестьян деревни Большой речки Владимирской волости Змеиногородского округа Томской губернии с просьбой дозволить крестьянину Виталию Серохвостову открыть домашнюю начальную школу для обучения детей раскольников австрийской секты. Большая часть местных крестьян умела читать и писать, вела трезвый и трудолюбивый образ жизни и желала видеть своих детей образованными, знающими священные и богослужебные книги. Но так как в селе с 1890 г. уже имелась школа грамоты для православных детей и единоверцев, которая содержалась на средства Бийского отделения совета Св.Дмитрия Ростовского, то отдельную школу для раскольников открыть не разрешили [78, л. 1-3].

В 1906 г. в с. Сосновском Ялуторовского округа, которое являлось центром Первого единоверческого округа Тобольской губернии, открыли одноклассную церковно-приходскую школу. Учительницей сюда определили Евдокию Ивановну Удальцову, которая проводила занятия в специально снятом для этого двухэтажном сельском доме. На первом этаже находилась раздевалка для учащихся, на втором — класс и комната для учительницы. Местный священник Иоанн Можяев много времени и сил уделял этой школе, и только благодаря его стараниям в 1910 г. здесь было выстроено специальное здание, в котором обучались дети единоверцев [149, с. 281].

Духовные власти прилагали немало усилий в попытке вернуть старообрядцев в лоно православной церкви. В западносибирских деревнях на протяжении долгого времени проживали последователи Аввакума, которые старались сохранить веру предков. На настойчивые увещевания священнослужителей о переходе в православие они отвечали, что «если мы виноваты перед Богом, то пусть вина наша падёт на отцов наших. Они нас так научили» [36, л. 45]. Количество перешедших в православие на протяжении всего периода исследования оставалось незначительным. В 1863 г. архиепископ Тобольский Варлаам сообщал Св. Синоду, что за год миссионерами было обращено всего 12 раскольников. Поэтому он предлагал ликвидировать институт миссионерства, не тратить понапрасну казённых денег и не отрывать священников от своих прихожан [290, с. 193].

В начале 80-х гг. XIX в. сибирские епархиальные епископы, а тем более рядовое духовенство, не проявляли особой

заинтересованности в этом вопросе, понимая всю бесперспективность данной деятельности. В глубине души они считали проповедование среди старообрядцев едва ли не пустой тратой времени. На съезде православных деятелей, который состоялся в июле 1885 г. в Казани, приняли решение сменить тактику. Упор предложили сделать на открытие церковно-приходских школ, возвышение пастырского достоинства в глазах народа, миссионерскую деятельность среди раскольников и открытие единоверческих приходов [307, с. 205].

В Тюменском и Ялуторовском округах Тобольской губернии миссионерской деятельностью, направленной против раскольников, с 1886 г. занимался священник Константин Беллюсов, выпускник Тобольской духовной семинарии. Его отмечали как деятельного и талантливого проповедника, который ежегодно проводил с раскольниками около 50 бесед, посвящённых церкви и церковным таинствам. На них, как отмечал сам священник, являлось множество слушателей из отдалённых сёл и деревень. При этом «между раскольниками составилось чуть ли не общее убеждение, что слишком трудно устоять против отца Константина, когда он ведёт речь о церкви или о таинствах».

По Ишимскому и Курганскому округам с 1887 г. миссионером состоял священник Иоанн Попов, окончивший курс Тобольской духовной семинарии. Всего им было совершено 45 бесед с «поповцами», «беспоповцами» и приверженцами Белокрыницкой митрополии. В своих беседах он доказывал, что раскольники уже двести лет уклоняются от церкви, а потому их мнимая церковь падает, а не возвышается. Темами бесед служили: «антихрист» и печать его, перстосложение, важность и необходимость покаяния, необходимость таинства причастия.

Противораскольнической деятельностью на территории Тобольской епархии занималось Братство Дмитрия Солунского. Только за 1901 г. они встретились с 840 старообрядцами, 1200 православными и единоверцами. Но результаты этой работы были неутешительны. В том же году Братство выпустило книгу «Две беседы противораскольнического миссионера Тобольской епархии священника Александра Шалабанова со старообрядцем И. Усовым 21 и 22 мая 1901 г.». На 64 страницах излагался диспут между миссионерами и старообрядцами с методическими указаниями для проповедников как вести себя во время бесед с оппонентами-старообрядцами.

На рубеже столетий среди раскольников и старообрядцев Западной Сибири насчитывалось около 10 толков и согласий. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Тобольской губернии проживало 1437600 православных и 68000 раскольников, в Томской губернии – 1571400 православных и 88000 раскольников [335, с. 771]. В 1905 г. по Тобольской губернии было зарегистрировано 72600 старообрядцев (сюда не включили раскольников, которых духовенство учитывало по отдельности). К началу Первой мировой войны, несмотря на деятельность православной церкви, их количество не уменьшилось.

Священнослужители старались воспитать в народе послушание, почитание царствующего дома. С раннего детства сибиряки впитывали в себя эти чувства во время церковной службы, в школе, на волостном сходе. Во всех культурных и просветительных учреждениях должны были быть изображения царя и его семьи. Так, в сельских библиотеках можно было встретить издания, рассказывающие о деятельности царей и их приближённых, а также об отдельных моментах русской истории. Все они носили нравоучительный характер, показывая простому народу личности правителей как божественных посланников, которые старались облегчить страдания большинства своих подданных. К ним можно отнести «Освобождение крестьян от крепостной зависимости», «Драматические сочинения из русской истории», «Светлый князь Скопин-Шуйский» и т.д.

Церковь широко отмечала дни тезоименитства царя и всей его семьи, славилась деяния самодержавца на благо народа. Сибирские крестьяне свято верили в божественное происхождение Романовых, связывали судьбу страны с их судьбой и здоровьем. Поэтому выступления против правительства и государя, по указке церкви, считали грехом.

Руководство епархий придавало большое значение воспитанию нравственности прихожан. Этому способствовали общепринятые национальные русские праздники, юбилеи. Православные праздники служили не только средством общения и развлечения, но и выполняли функцию социализации человека, способствовали формированию и укреплению социальной общности. В письме от 23 октября 1895 г. чиновника по крестьянским делам II участка Томского уезда губернатору отмечалось, что «крестьянское население во время отдыха от трудов в воскресенье и праздничные дни, помолившись в церкви и прослушав литургию, совершенно

лишено возможности разумно и с пользой для себя провести остальную, большую часть праздничного досуга, и единственным местом, привлекаемым по окончании церковной службы народом, является питейное заведение, около которого в праздничные дни всегда можно встретить значительное сборище крестьян, частью пьющих, а частью и просто беседующих друг с другом» [70, л. 7].

Социальные меры направлялись священнослужителями на усиление эмоциональной стороны таких праздников, особое внимание обращалось на их обрядовую сторону. При этом запрещалось в часы богослужений устраивать народные развлечения, игры, пляски, пение [182, с. 58].

В евангелии, которое читалось во время литургии, обычно рассказывалось о событии, послужившем основанием к торжеству. В песнях, которые исполнялись в эти дни в храмах, прославлялись Иисус Христос, богородица или святые, в зависимости от того, кому посвящался данный праздник. Здесь же подвиги прославляемых лиц служили в качестве образцов, достойных для подражания. Почти на каждую неделю приходился более или менее крупный церковный праздник, поэтому священнослужители имели возможность постоянно проповедовать своей пастве идеи Нового Завета, внушать верующим мысли о бренности земной жизни и о загробном воздаянии. Когда в начале XX в. капиталисты предложили сократить число церковных праздников для того, чтобы увеличить число рабочих дней, православная церковь выступила с резким отказом.

Крестные ходы в православные праздники проводились для того, чтобы проявить свою веру, религиозные чувства, активизировать заступничество Бога и святых. Наиболее почитаемые в народе храмы посещали только пешком, несмотря на то, что иногда требовалось преодолеть путь в несколько десятков километров (Абалацкий монастырь около Тобольска, храм д. Иткуль Томской губернии) [217, с. 401]. В Вознесенской волости Каинского уезда Тобольской губернии ходы к святому источнику – колодцу около д. Вознесенки, стали традицией после явления около этого места иконы «Святой Параскевы» [318, с. 231]. По мнению местных жителей, вода в этом колодце приобрела целебные свойства и помогала в лечении больных.

Религиозные праздники имели и бытовую сторону, определяющуюся, главным образом, социальным статусом индивида. Для Пасхи, например, были характерны народные

гулянья. Одной из любимых пасхальных забав сибиряков являлось катание крашеных яиц с бугорка. Другое праздничное развлечение, которое любили не меньше – качели. В Новый год по дворам ходили ряженые, славя хлебосольных и добрых хозяев. При этом следует отметить, что религиозные праздники относительно легко поддавались бытовому и трудовому осмыслению, т.к. большинство из них имело языческое происхождение. В свою очередь, народные праздники вбирали в себя религиозные или подчинялись им, поскольку и те и другие были проникнуты двойственным мироощущением. Тема жизни и смерти, постоянный переход из одного состояния в другое, возрождение и воскресение через смерть – главенствующие темы церковной и народной культуры.

Церковь и крестьянская община следили за воспитанием детей в атмосфере уважительного отношения к труду. У сибирских крестьян существовали четкие представления о чести и бесчестии, поэтому репутация честного человека много значила в глазах хлеборобов. Когда дом посещали гости, от них требовалось соблюдение учтивости по отношению друг к другу. Существовал разработанный церемониал встречи гостей. У ялуторовских крестьян Тобольской губернии гостей встречали на крыльце, или у входа на крыльцо, или у ворот, смотря по состоянию, родству и важности приглашённого. Приветствовали низким поклоном, говоря: «Милости просим к нашему убожеству хлеба-соли кушать!». После обмена любезностями хозяева вводили гостей в горницу, усаживали за стол, где чаще всего, отодвинув столовые приборы в сторону, приступали к трапезе, используя два, а то и все пять пальцев [195, с. 89]. После обеда крестьяне обменивались информацией, слухами, социально значимым опытом, пели песни, устраивали пляски и игры.

Важная роль православной церкви в привитии культуры среди местного населения заключалась в борьбе с инакомыслием, хулиганством, проституцией, алкоголизмом и пьянством. По настоянию священника нарушителя общественного спокойствия могли наказать, объявить изгоем или выслать из села. Цитируя Библию, духовенство ставило перед сибиряками образ идеального прихожанина, прославляло добродетели и самоотверженное служение народу. О тех, кто не старался скрыть свои пороки, упоминалось во время ежедневной службы в храме, а кроме этого, рекомендовалось прекратить с ними всякое общение.

Одной из тяжелых форм болезни общества духовенство называло алкоголизм. Священнослужители поддерживали мнение самих крестьян, которые понимали, что увлечение алкоголем негативно отражалось не только на культуре села, сельского быта, но и главным образом на жизненном уровне. Так, на сходе, организованном церковнослужителями крестьяне Змеиногородской волости Бийского округа Томской губернии 17 сентября 1883 г. пришли к заключению, что «теперешнее жалкое положение и бедность местного населения происходят от пьянства» [255]. Вскоре в «Сельском вестнике» были опубликованы 12 поучений против пьянства для сельских прихожан, составленные духовными деятелями [256].

В конце XIX в. епархиальное начальство выпускает целый ряд публикаций против пьянства. Особую группу изданий для народа составляли работы Тобольского общества трезвости. В 1893-1896 гг. здесь печатают ряд брошюр, направленных на борьбу со все возрастающим увлечением селян спиртными напитками. Эту деятельность православной церкви поддержало правительство, озабоченное тем, что алкоголь употребляют не только взрослые, но и дети школьного возраста. Оно предложило устроить книжные центральные склады и летучие библиотеки, читальни и противоалкогольные музеи, издавать в печатном виде противоалкогольные картограммы с рисунками и модели, которые находятся в Московском противоалкогольном музее [251, с. 10]. Поэтому в Тобольске стали выпускать перепечатки из мировой прессы (перевод с английского языка лекций Дж. Блека «Врач о спиртных напитках», извлечённой из издания Одесского общества для борьбы с пьянством (Тобольск, 1894)), беседы священников о пьянстве [124, с. 120].

В сёлах стали появляться кружки и общества, призванные объединить всех жителей в борьбе за трезвый образ жизни. 6 января 1903 г. открылось общество трезвости в с. Тюменцевском Кулундинской волости Баранаульского уезда Томской губернии. Его председателем избрали Кулундинского волостного старшину Трофима Егоровича Гришина [76, л. 5]. Помощь в укреплении духовного и нравственного здоровья верующих оказывал и местный священник.

Значительная просветительная работа велась духовенством и с учащимися школ. В 1912 г. состоялся Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, который одобрил

работу церковных обществ трезвости: приходских, епархиальных и всероссийского. Съезд признал потребление спиртных напитков детьми школьного возраста вполне доказанным и призвал ввести в учебных заведениях как самостоятельный предмет науку трезвости [215, с. 9-11].

Церковь и МНП совместно участвовали в борьбе с пьянством, вели агитацию за здоровый образ жизни. В июне 1913 года Совет Тобольского Епархиального Братства святого великомученика Дмитрия Солунского постановил, а Преосвященный Епископ Тобольский и Сибирский утвердил в день Сошествия Святого Духа на Апостолов устроить в Тобольской епархии «Праздник трезвости», для чего во всех церквях епархии торжественно отслужить литургию, произнеся за ней поучение о вреде пьянства, и после литургии – молебен на площади с крестным ходом. Причём Совет предложил в воспитательных целях принять участие в торжестве значительному количеству учащихся.

В просветительной работе церковь решила задействовать и учителей. На краткосрочных педагогических курсах для учителей начальных школ Тобольской губернии в Кургане летом 1913 г., собравшимся была предложена лекция о вреде алкоголизма. Трехчасовую лекцию прочитал заведующий курсами Г.Я. Маляревский, при этом он использовал наглядный материал, рисунки и модели внутренних органов человека, здоровых и повреждённых вследствие неумеренного употребления алкоголя. Слушатели познакомились с множеством диаграмм, наглядно показывающих влияние алкоголя на физическую силу, память, учёбу, возможность заболевания заразными и другими болезнями; возрастание преступности, предрасположенность к душевным болезням, деградацию последующих поколений [109, с. 31-32].

Каждый учитель призывался «вступить в борьбу с главным врагом нашим и всего русского народа – алкоголем». В качестве пособий для ведения бесед о вреде пьянства рекомендовались альбомы, картины, книги, брошюры. Полезные материалы для бесед давали журналы: «Трезвая жизнь», «Трезвые всходы», «Вестник трезвости». Учитель, желающий иметь антиалкогольную библиотечку, мог обратиться за помощью в Попечительство о народной трезвости.

Со временем начала широкой антиалкогольной компании в Западной Сибири совпадает массовый поток просьб сельских жителей о закрытии винных лавок. После проведения обследования такие заведения чаще всего закрывали по циркуляру Министерства

финансов от 10 августа 1913 г. Так, весной 1912 г. Тюлякское сельское общество Устьламенской волости Тарского уезда Тобольской губернии ходатайствовало о «недопущении в селе питейной торговли». Их просьба была удовлетворена точно так же, как и ходатайство крестьян Соловьевского сельского общества того же уезда [30, л. 1, 16].

Духовное и нравственное воспитание взрослого населения западносибирской деревни проводилось и в воскресных школах, которые, в основном, содержались Епархиальными Училищными Советами. Сибирские журналисты конца XIX в. отмечали, что «дать нищему грамоту, а ещё лучше образование, значит спасти его от когтей трущобы. В том-то большая беда и заключается, что бедняк остаётся неграмотным, что недосыгаемо для него образование» [159]. Так, в 1897 г. в России было всего 18,5% грамотных сельских жителей; в Западной же Сибири эта цифра оказалась значительно ниже: в Тобольской губернии – 11,3%, в Томской губернии и Акмолинской области – 10,4% [138, с. 237].

Выходом из сложившейся ситуации правительство видело создание сети воскресных школ и чтений [324, с. 2]. В конце XIX столетия по инициативе Н.Г. Чернышевского стали открывать воскресные школы для взрослых. Благодаря усилиям передовой интеллигенции, видными представителями которой были В.П. Павлов, Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский, Д.И. Менделеев воскресные школы в 80-х гг. получают правительственный статус и подтверждаются законодательно [146, с. 91-93]. В начале 90-х гг. такие учебные заведения стали распространяться во всех губерниях. К сожалению, их отличительной особенностью стало то, что они работали только в городе, оставляя в стороне от благ образования селян [322, с. 299]. Передовые сибиряки и демократическая интеллигенция России начали активную борьбу за распространение просвещения в сельской местности. Сибирская администрация поддержала открытие воскресных школ и чтений. Но сразу же встал вопрос – где взять для этого помещения, учебники, а самое главное – преподавателей?

После обсуждения в сибирской печати этих вопросов, появилось мнение, что преподаванием в новых школах могла бы заниматься местная сельская интеллигенция. При тщательном анализе их деятельности, однако, выяснилось, что священники, дьяконы, псаломщики, учителя и учительницы и так загружены своими прямыми обязанностями, поэтому не могут взять на себя обязанности по ведению занятий для взрослых. И тем не менее в

деревне всегда имелись люди, готовые пожертвовать своим личным временем для просвещения народа, привыкшие бороться с трудностями. Собирая по воскресным и праздничным дням вокруг себя крестьян, они, как истинные граждане Российского государства, всегда говорили о необходимости народного просвещения и насущных нуждах односельчан.

Если бы воскресные школы открывались в новых, специально построенных для этого зданиях, то на их обустройство предстояло выделить значительные средства. Но как вспомогательные учреждения при уже действующих светских и духовных школах, где имелись свои здания, оборудование, учебники и преподаватели, они не требовали больших вложений. В тех селениях, где совсем не имелось никаких учебных заведений, а, следовательно, книг и учебников, учащимся предстояло приобретать их на свои средства.

Было решено, что данные школы начнут свою работу на основании Положения о начальных народных училищах от 25 мая 1874 г. и поэтому, если не имеется возражения со стороны училищных советов, разместятся при сельских министерских и церковно-приходских училищах. В учебный курс включили изучение закона Божьего (краткий катехизис и священную историю), чтение (по книгам гражданской и церковной печати), письмо, первые четыре действия арифметики и церковное пение там, где преподавание его было возможно. Преподавание в воскресных школах для взрослых производилось по руководствам, учебным пособиям и книгам, указанным Св. Синодом [331, с. 65].

В одном из циркуляров, распространённом по стране как пример бюрократического подхода к образованию взрослого населения, говорится, что в воскресных школах с мужчинами должны заниматься только учителя, а с женщинами – учительницы; совместное обучение мужчин и женщин запрещено. «Конечная цель обучения должна заключаться в том, чтобы научить учащихся сознательно молиться богу, механически читать по книгам гражданской и церковно-славянской печати, маломальски писать и считать по возможности до 1000. За неисполнение сего – учащие будут подлежать строгой ответственности, а классы при первом обнаружении отступления от сих правил будут закрыты» [207, с. 167]. Занятия со взрослыми проводили «правоспособные» учителя, получившие свидетельства на ведение педагогической деятельности. Хороший преподаватель, мастерски владеющий методами преподавания, по убеждению

сибиряков, с удовольствием применял разнообразные способы обучения на взрослых с соответствующими видоизменениями. Такие занятия пополняли его профессиональные знания и наблюдения [169, с. 34].

Епархиальное руководство рекомендовало открывать воскресные школы и чтения при церквях или часовнях, назначая преподавателями местных священников. В 80-х годах вновь возникают воскресные школы. Они открываются в Томске (1881 г.), Иркутске (1885 г.), Кургане (1885 г.) и других городах. Эти школы были разрешены тогда с большим ограничением их программ и подчинены строгому надзору инспекции народных училищ.

Так, в ведении Омского епархиального училищного Совета в 1902 г. по Тобольской губернии имелась одна смешанная городская, в Томской губернии – одна женская сельская и по Акмолинской области – одна городская и две сельские воскресные школы [122, с. 48].

При учебном заведении, которое располагалось в Тобольской губернии, имелась своя библиотека. В 1913-1914 учебном году в подчинении Тобольской епархии находилось уже четыре воскресных школы, где обучались 66 мужчин и 210 женщин. В ежегодном отчете о состоянии церковных школ Тобольской епархии отмечалось, что успехи здесь были вполне удовлетворительными [222, с. 29-30]. Известно, что в 1903 г. по Западной Сибири в воскресных школах обучалось более 500 человек.

Таблица 25

Количество воскресных школ в Западной Сибири. 1903 г.

Губерния, область	Кол-во школ	Кол-во учащихся		
		мужчин	женщин	Всего
Тобольская	5	77	–	77
Томская	10	220	180	400
Акмолинская	1	63	–	63
всего:	16	360	180	540

12 декабря 1901 г. директору начальных училищ Томской губернии поступило прошение инспектора народных училищ Добровольского о разрешении открытия новой воскресной школы. Учительница Укусникова из села Покровского Ишимской волости Томского уезда намеревалась устроить в селе женскую воскресную

школу, так как 16 крестьянок села заявили о своём желании учиться грамоте по воскресным дням. Занятия предлагалось проводить в местной министерской школе по программам сельских одноклассных училищ МНП. После недолгих раздумий администрация разрешила открыть эту воскресную школу [92, л. 14].

Такое же разрешение получили жители села Миргородского указанной губернии. В своём прошении директору начальных училищ они предлагали открыть с начала 1901-1902 учебного года вечерние классы для взрослых при Миргородском сельском училище МНП. Ответственность за её деятельность возлагалась на учительницу того же училища Постникову. Занятия должны были проводиться не чаще, чем 3 раза в неделю, а весь курс проходимых предметов равнялся бы курсу начального одноклассного сельского училища [92, л. 3].

Наибольшее распространение в Западной Сибири получили воскресные чтения, которые проводились при городских и сельских училищах. Крестьяне, не отрываясь от своего хозяйства и повседневных дел, посещали занятия раз в неделю. Но в отличие от школ, где давались начальные знания, здесь проходило лишь чтение разнообразной по содержанию литературы и её разъяснение. Расширение кругозора, по мнению администрации, способствовало религиозному, нравственному и умственному развитию народа. «Следует, не откладывая, дать деревне нечто новое, заполнившее бы досуг, захватившее всю силою, как-то: широкое просвещение, чтения, лекции, курсы, беседы, библиотеки, читальни, народные дома» [317]. В 1894 г. правительство вынуждено было разрешить чтения в уездных городах и селах, снять запрет на народные чтения при фабриках и заводах. В 1903 г. воскресные чтения проводились в 136 училищах Западной Сибири, из них – в 124 сельских [138, с. 256-260].

Таблица 26

Количество училищ, при которых проводились воскресные чтения в 1903 г. [137, с. 256-260]

Губерния, область	Училища, при которых действовали народные чтения			
	Одноклассные и двухклассные сельские	Одноклассные и двухклассные городские	Городские по Положению 1872 и 1869 г.	Всего
Тобольская	103	3	8	114
Томская	17	–	–	17
Акмолинская	4	1	–	5

Народные чтения возникли почти в одно и то же время, что и

воскресные чтения. В 60-е годы XIX века, с ростом издательского дела, а, следовательно, появлением новых книжных магазинов и складов и расширением книжного рынка, разночинцы решили приобщить народ к чтению. Правительство сразу же взяло под свой контроль народные чтения для успешного воспитания народа в духе «самодержавия, православия и народности». В ведомстве МНП действовала постоянная комиссия по устройству народных чтений в Петербурге и его окрестностях. При комиссии имелось издательское общество, устав которого утверждался, как и состав членов, министром. При согласовании с местным начальством они могли открыть народные чтения, подобрав предварительно благонадёжных лиц для лекций. Долгие годы все конспекты лекторов просматривала цензура. Интерес к народным чтениям, а также к публичным лекциям, начало которым положил М.В. Ломоносов, как к лекциям для людей «всякого звания, возраста и пола», особенно вырос в 90-е годы [116, с. 36].

В начале 1895 г. было получено разрешение духовенства на открытие вечерних чтений по воскресным и праздничным дням при Челноковском сельском училище Ишимского округа Тобольской губернии. Предметом изучения, в основном, служили события из Ветхого и Нового завета. Кроме этого, крестьяне учили наизусть необходимые для всех христиан молитвы и песнопения по специальному изданию Алтайской миссии «Лепта» [302].

23 октября 1895 г. Томскому губернатору было доставлено сообщение чиновника по крестьянским делам II участка Томского округа о том, что учитель Суджинского сельского училища Вдовин и учительница Сергиевского сельского училища той же волости Постникова обратились к нему с просьбой об открытии ими в помещении училищ воскресных чтений для крестьян. Кроме горячего желания помочь в просвещении народа, у педагогов имелись пригодные для этого книги, одобренные МНП и духовным ведомством. Инспектор был согласен с учителями, так как во время своих служебных поездок по волостям, ближе знакомясь с условиями крестьянской жизни, он видел, как отдыхает народ по воскресным и праздничным дням. После обязательного посещения церкви, помолившись и прослушав литургию, крестьяне не знали, чем себя занять. Поэтому большую часть праздничного досуга проводили в питейном заведении, хотя только некоторые из них употребляли алкоголь; остальные, находясь здесь же, просто беседовали друг с другом. Более разумным времяпровождением

были бы занятия в воскресной школе или на воскресных чтениях. При этом бы шла не только просветительская работа, но и антиалкогольная [70, л. 7].

В Томской губернии воскресные чтения для взрослых стали открываться наиболее интенсивно с 1898 г. Например, 22 ноября 1898 г. начались воскресные чтения в с. Юргинском Каинского уезда. Занятия, которые проходили при сельском министерском училище, вёл местный учитель В. Сибирцев. Во время чтений крестьянам показывали туманные картины, разъясняли историю религии. 15 октября 1898 г. под наблюдением местного священника были открыты воскресные чтения в с. Камышевском того же уезда. Лекторами здесь состояли священник и учительница сельского училища Л. Русанова [89, л. 13].

Занятия воскресных школ и чтений проводились по специальным учебникам и брошюрам. До начала XX в. здесь можно было встретить листки под названием «Воскресные рассказы. Чтение для народа и детей», изданные Московским обществом распространения полезных книг, «Книжки для школ», ценою каждого номера 2 копейки, одобренные МНП для библиотек в народных школах, учебники для церковно-приходских и начальных школ [151, с. 122].

На некоторых воскресных чтениях для наглядности стали использовать «волшебный фонарь» и световые картинки. Открытые в 1898 г. народные чтения в селе Змеиногородском Томской губернии были снабжены небольшой коллекцией световых картинок. Народ особенно активно посещал именно те занятия, на которых демонстрировались иллюстрации основных событий из Ветхого и Нового Завета, отечественной и зарубежной истории, репродукции произведений искусства. Занятия с взрослыми проводили: казначей уездного казначейства, управляющий имением ведомства кабинета его величества, старший управляющий имением с супругой, начальник почтово-телеграфной конторы, окружной врач, учительница и др. [73, л. 1 об.]

При поддержке Н.Л. Скалозубова, Тобольского губернского агронома и попечительства о народной трезвости, в 1903 г. при Соколовской сельскохозяйственной школе по воскресеньям устраивались чтения и спектакли. В сарае, с мало приспособленной сцены, неизбалованная крестьянская публика могла узнать о том, что творится в губернии и за её пределами, послушать произведения классиков, посмотреть на выступления учащихся и

преподавателей. В дальнейшем при этом учебном заведении были устроены воскресная школа для крестьян и сельскохозяйственное общество [260].

Воскресные школы и чтения не получили достаточного распространения в сельской местности Западной Сибири, т.к. не давали их слушателям качественного образования.

Таблица 27

**Воскресные школы Тобольской епархии
в 1913-1914 уч. году [222, с. 29-30]**

Уездные отделения	Школы		Учащиеся		Всего	Известные	Законоучителя	Учителя	Учительницы	Всего
	Женские	Смешанные	Мужчины	Женщины						
Тобольское	1	1	47	114	161	2	3	12	15	30
Тюменское	1	1	19	96	115	2	2	1	5	8
всего:	2	2	66	210	276	4	5	13	20	38

Таким образом, можно сделать вывод, что православная церковь приняла значительное участие в просвещении и религиозно-нравственном воспитании жителей западносибирской деревни. Духовенство заботилось о воспитании и образовании крестьян, проводило определённую работу с раскольниками и старообрядцами, издавало на средства епархии религиозную литературу, которая пользовалась большой популярностью у жителей сельской местности. Православная церковь воспитывала народ на традициях и обычаях, т.к. понимала, что именно он является источником всех земных благ. При этом учитывался менталитет западносибирских крестьян, их природные и приобретённые качества. Большую роль в нравственном воспитании играли русские национальные праздники, юбилеи. Православные праздники служили не только средством общения и развлечения, но и выполняли функцию социализации человека, способствовали формированию и укреплению социальной общности.

Церковь и крестьянская община следили за воспитанием детей в атмосфере уважительного отношения к труду. У сибирских крестьян существовали чёткие представления о чести и бесчестии, поэтому репутация честного человека много значила в глазах хлеборобов.

Церковь проводила борьбу и с антиобщественными явлениями, в т.ч. с пьянством. Народ понимал, что увеличение больных алкоголем негативно отражается на всём сельском обществе, во всех сферах жизнедеятельности, поэтому с пониманием относился к появлению антиалкогольной литературы, выпускаемой епархиальными братствами, негативному отношению сельских священников к пьющим, определённой профилактической работе со школьниками.

Тем не менее, поставленные задачи не достигли цели, т.к. вопрос о всеобщем народном образовании так и не был решён до конца, количество раскольников и старообрядцев в крае продолжало оставаться одним из лидирующих по стране, число пьющих и алкоголиков не уменьшалось. Несмотря на все усилия правительства, духовенства и местной интеллигенции, культура сельских жителей отставала на порядок от горожан.

2.3. Распространение знаний о ведении земледелия и кустарной промышленности на селе

В отличие от столичной интеллигенции, которая развернула активную революционную деятельность, представители провинциальной интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. видели своё предназначение в оказании помощи нуждающимся, в работе по просвещению населения в легальных организациях.

Для экономического развития региона и научно-просветительской деятельности были открыты Общество естествоиспытателей и врачей при Томском университете, Педагогическое общество в Томске, Общество любителей естествознания, томский отдел Общества изучения Сибири и улучшения её быта, Томский отдел Императорского Русского Технического общества и общество Сибирских инженеров, отделы Русского Географического общества [166, с. 16].

Активную работу среди сельского населения вели отделения Московского общества сельского хозяйства (далее МОСХ), Физико-медицинское общество, ставшее одним из инициаторов проведения первого Съезда сельских врачей Тобольской губернии, Общество покровительства животным, Общество пчеловодства, огородничества и садоводства [110, с. 179-181]. Некоторые общества создавались по рекомендации центра (отделения

императорских обществ), другие – по инициативе местной интеллигенции.

Администрация и исследователи второй половины XIX века считали, что Сибирь вообще не знала никакого прогресса в агротехнике и агрокультуре. Как отмечалось в отчёте Томского губернатора за 1874 год, «в крестьянском хозяйстве упадка не замечается, но зато не замечается и никакого успеха. Обработка земли здесь производится первобытным способом, удобрение истощённых земель здесь не известно, об усовершенствованных орудиях земледелия, в особенности механических и паровых, здешние крестьяне не имеют понятия» [246, с. 82]. Поэтому сибирская администрация начала собирать сведения о том, что необходимо сделать для развития сельского хозяйства края в первую очередь.

Для пропаганды агрономических знаний в стране стали открывать сельскохозяйственные общества. 28 февраля 1898 г. МГИ утвердило устав для сельскохозяйственных обществ. По §2 устава обществу предстояло «распространять теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству путём устройства публичных чтений, печатания и распространения своих трудов и всякого рода сельскохозяйственных сочинений, а в случае возможности, и собственного периодического журнала и учреждения сельскохозяйственных училищ, библиотеки и музея» [137, с. 152]. В стране начался быстрый рост сельскохозяйственных обществ, в 1905 г. их насчитывалось 513, а к 1 января 1906 г. – 685 общих и 271 специальных [105].

Значительный вклад в просвещение крестьян внесли отделения МОСХ, которые действовали по всей Западной Сибири. В своих журналах и газетах они старались ответить на интересующие земледельцев вопросы, рассказать о достижениях науки и техники, познакомить с хозяйственной и культурной жизнью в соседних регионах. Члены общества раздавали крестьянам улучшенные семена, брошюры, рекламирующие новинки земледельческих орудий и машин; помогали во время голода и стихийных бедствий; организовывали курсы и чтения для овладения новыми методами ведения хозяйства.

В 1897 г. был открыт Курганский отдел МОСХ. Его председатель А. Балакшин считал, что успехи сельского хозяйства в Сибири стали проявляться с начала 90-х гг. XIX века, т.е. со времени проведения Сибирской железной дороги.

Сотрудники общества собирали полезную для сельских жителей информацию не только в Тобольской, но и в Томской губерниях, Акмолинской области и знакомили с ней общественность. Узнав, что в Омском уезде разводят особых тонкорунных овец, Балакшин срочно командировал туда своего специалиста, «дабы Курганский отдел мог пойти навстречу нарождающейся новой отрасли сельского хозяйства в Сибири» [111]. С 1903 г. Отдел стал проводить конкурс пахарей, на котором крестьяне наглядно убеждались в преимуществах той или иной техники [203, с. 36].

24 октября 1900 г. начал свою работу Омский отдел МОСХ, призванный способствовать развитию в Сибири сельского хозяйства на культурных началах. Вскоре после открытия Отдел стал ходатайствовать перед правительством о принятии мер, направленных на развитие местного сельского хозяйства. Для этих целей поступали средства из Департамента земледелия и Переселенческого управления, которые в основном тратились на покупку семян трав и огородных растений. Элитный посадочный материал раздавался населению бесплатно через корреспондентов. В 1908 г. Отдел занялся подготовкой сельскохозяйственной выставки в г. Омске, которая наглядно убеждала сибиряков в выгоде применения районированных семян, удобрений, новых земледельческих машин и орудий. После выставки сотрудники Отдела установили прочную связь с земствами и кооперативами северной части Европейской России, куда они поставляли в больших количествах семенной зернофураж. В то же время Отдел развернул операции по снабжению семенами местных крестьян. С укреплением материальной базы Отдел получил возможность вести культурную работу, с марта 1913 г. здесь стал выходить ежемесячный журнал «Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства» [60].

Основой планомерной агрономической работы Ялуторовского отдела МОСХ служило предварительное естественно-историческое обследование района. С 1910 г., когда отдел приступил к изучению почвенного профиля вдоль железнодорожной линии от Тюмени до Омска, где была обнаружена зависимость урожайности от физических свойств почв, их морфологического строения и химического состава. В 1912 г. Отделом было организовано опытно-показательное поле на земельном участке крестьянина д. Хохловой Долганова. Четыре участка общей площадью в двадцать десятин он сдал в аренду отделу на шесть лет, запросив за каждую

десятину по 4,5-5 рублей. Учёные на примере хотели доказать, что путём правильной обработки почвы и правильного посева отсортированными местными семенами при трёхпольном обороте должна повыситься урожайность хлебов.

В 1911 г. Отдел открыл «правильно поставленную» пасеку, пригласив для этого специалиста Васильева. 26 марта 1912 г. начала свою работу выставка пчёл, которая быстро заинтересовала местных крестьян. Здесь имелась возможность практически наблюдать за чисткой ульев, учиться уходу за пасеками, рассчитывать примерную стоимость оборудования собственного производства [315]. Летом следующего, 1913 г., Отдел стал распространять пчёл по подписке.

Деятели МОСХ использовали разнообразные формы просвещения крестьян. Наиболее действенной формой передачи сельскохозяйственных знаний общество считало печатное слово, уделяя много времени и внимания изданию газет и журналов по сельскому хозяйству [113, с. 42]. Такие труды выпускали Омский, Курганский и Ялуторовский отделы МОСХ.

Труды Ялуторовского отдела МОСХ выходили в 1903-1905 гг. и 1908-1913 гг. по мере накопления материала от одного до четырёх выпусков в год. Издание в основном зависело от наличия определённой суммы в казне Отдела, поэтому в течение одного года иногда печатали сборники с материалами прошлых лет.

В 1911 г. начала действовать Омская областная агрономическая организация, в которую вошли областные и уездные правительственные агрономы, специалисты по сельскому хозяйству и животноводству, инструкторы по сельскому хозяйству и пчеловодству. Основными задачами организации являлись:

- ознакомление крестьянского населения с культурными приёмами обработки поля и посева;
- распространение среди крестьянского населения рядового посева хлебов;
- очистка посевного материала от сорных трав и протравливание семян;
- улучшение местного рогатого скота в самом себе путём выдачи населению наилучших производителей;
- улучшение крупного рогатого скота в южных уездах путём скрещивания его с калмыцким;
- улучшение местной свиньи прилитием крови культурной породы;
- развитие пчеловодства.

Весной 1912 г. агрономы заложили десять показательных участков и начали выдачу семенного материала. В дальнейшем планировалось открыть показательную пасеку и ферму [225, с. 17-18].

К началу XX в. наравне с ростом посевов зерновых и поголовья скота в Западной Сибири, сбором зерна на душу населения росла и средняя урожайность хлебов. Если в 1881-1890 гг. «сам» здесь составлял 4,17, то в 1891-1900 гг. – 4,74 [246, с. 97]. С применением земледельческих машин и орудий усилилось разложение сибирского крестьянства. Крупные экстенсивные хозяйства по производству зерна и масла на продажу работали без большого привлечения рабочей силы. Этому способствовало прогрессивное движение в области производства, овладение крестьянами передовыми формами работы в агрономии, повышение агрикультуры.

В докладной мирового посредника Третьего участка Алтайского округа Томскому губернатору от 9 августа 1872 г. сообщается: «В настоящее время в видах развития сельского хозяйства было бы крайне полезно снабжать волостные управления земледельческими орудиями, и особенно по местным условиям необходимы здесь ручные и конные» [69, л. 4]. Кроме этого чиновник предлагал для ознакомления населения с употреблением сложных механизмов иметь «хорошие с них модели». Но в то время местная промышленность не могла наладить выпуск необходимых машин и орудий, а доставка их из Европейской России или из-за границы без помощи железной дороги была просто невозможна. Тем не менее до открытия Транссибирской железнодорожной магистрали крестьяне использовали простые молотилки и веялки, изготовленные кустарным способом местными и приезжими мастерами. Начиная с 80-х годов, особой популярностью в Зауралье стали пользоваться усовершенствованные земледельческие орудия, особенно довольно недорогие веялки [206, с. 5]. При всём своём несовершенстве они отвечали своему главному назначению: с ними сибирское крестьянство быстро осваивало новые пространства, вводя в оборот земли лесостепной и степной зоны.

В начале 90-х гг. XIX в. бывшим Тобольским губернатором С.С. Богдановичем был поднят вопрос об учреждении здесь агрономической организации и специальных складов сельскохозяйственных машин, орудий и семян. Он настаивал также на приглашении в губернию агрономов и введении в начальных и низших школах курса по сельскому хозяйству. Находясь в

командировке в Петербурге, он смог найти средства на учреждение первых четырёх складов: Курганского, Тарского, на станции Петухово Ишимского округа и Еланского в Тюкалинском округе. На устройство и содержание каждого Министерством земледелия и государственных имуществ отпускалось по 2000 рублей [48, л. 15]. Но в документах, описывающих подробности открытия и начальный период деятельности данных складов, указывается, что упомянутые две тысячи рублей на их обустройство получены были не везде. Так, склад земледельческих орудий и машин Ялуторовского Окружного Крестьянского присутствия возник в 1895 г. на средства, пожертвованные для этой цели частными лицами. А для открытия весной 1894 г. Еланского сельскохозяйственного склада в Тюкалинском округе Сибирское общество вспомоществования переселенцам выделило 500 руб. В дальнейшем, при содействии подобного склада Омского Управления государственных имуществ, здесь началась продажа семян. Только в 1895 г. местным крестьянам было реализовано яровой пшеницы «белотурки» и овса на 150 рублей. Здесь необходимо отметить, что вложенные в работу складов средства, очень скоро окупались. За год деятельности Еланского склада было продано 452 плуга-вотьяка шведских Павловских на 7780 руб., кос Артинского завода – 200 на 160 руб. и т.д. [48, л. 9]. В 1898 г. на территории Западной Сибири через склады было реализовано 300 сенокосилок, 1070 плугов [47, л. 4].

В ведении Степного генерал-губернатора находились устроенные при содействии Министерства земледелия и переселенческих управлений в 1894 г. склады сельскохозяйственных орудий в Петропавловске, Омске и Акмолинске. 20 июня 1896 г., после открытия аналогичных складов в Томске, Мариинске, Кургане и Ялуторовске появились Временные правила по заведованию складами сельскохозяйственных машин, орудий и семян в Сибири. 12 сентября 1898 г. состоялось совещание заведующих сельскохозяйственными складами на линии Сибирской железной дороги, на котором присутствовало девять человек: Д.А. Чукмасов (Курганский), К.М. Поляков (Петуховский), Н.С. Иванов (Петропавловский), В.В. Авилов (Омский), К.Е. Славский (Каргатский), Н.В. Лушихин (Мариинский), И.Н. Носов (Ачинский), И.Н. Абакшин (Красноярский), П.В. Яковлев (Ольгинский) [152, с. 1].

Местная интеллигенция отмечала, что значительный вклад в

распространение сельскохозяйственных знаний, навыков работы с новинками машиностроения как отечественных, так и зарубежных производителей, внесло правительство и администрация. В Европейской России этим занималось дворянство и земство. Сибирским же крестьянам конца XIX в. совершенно не у кого было поучиться способам и методам улучшения своего хозяйства [189]. Но при изучении областных архивов Томска, Омска, Тюмени и Тобольска оказалось, что сибиряки, получившие разностороннее образование, старались помочь сельским жителям освоить новинки агротехники и агрокультуры. Богатый эпистолярный материал из архивного фонда губернского правительственного агронома Н.Л. Скалозубова отражает живой интерес крестьян к новым усовершенствованным сельскохозяйственным орудиям. При организации складов земледельческих орудий, предназначенных для приёма техники от российских и зарубежных изготовителей, им одновременно принимались меры, стимулирующие местное кустарное производство сельскохозяйственных орудий более доступных по цене. Именно с этого времени в западносибирской деревне все чаще стали появляться мастерские по изготовлению земледельческих орудий. Так, к 1894 г., мастером Курганского округа Тобольской губернии Зыряновым было изготовлено 238 молотилок, 50 «тарелочных» борон и велись разработки дешевой разбросной сеялки [279, с. 2]. Молотилки и веялки изготовляли несколько семей в Терсюкской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии. В 1902 г. они сбывали заказчикам молотилки по 50-150 руб. веялки – 20-30 руб. за штуку [246, с. 84-85] (Приложение 16). Крестьянин села Камышевского Мезенцев занимался производством сельскохозяйственных орудий с 1895 г. и за последующие семь лет выпустил 24 молотилки [140, с. 82]. Тесные партнёрские отношения связывали Западную Сибирь и с пермскими кустарями. Основная часть таких мастерских создавалась при складах.

По поручению МГИ, а также по собственной инициативе, в Сибирь нередко приезжали поставщики-изготовители для ознакомления местного крестьянского населения и особенно переселенцев с плужною пахотой и такими типами орудий, которые могут быть собраны домашними средствами. Они не только демонстрировали достоинства машин, но и изучали на них спрос [112, с. 15]. В селе Омутинском Ялуторовского уезда Тобольской губернии, начиная с 1905 г., существовали одновременно контора

фирмы «Осборн», открытая Ялуторовским отделом МОСХ и частный склад, торгующий машинами системы «Вальтер Вуда». Местная печать отмечала, что в 1907 г. оба склада торговали очень хорошо, особенно много было продано сенокосилок и жнеек [27, л. 37].

Как отмечала сибирская интеллигенция, в южной части Тобольской губернии улучшение сельскохозяйственных орудий и машин произошло благодаря близости железной дороги, особенно после введения в строй трассы Тюмень-Омск [266].

В начале XX века в Западную Сибирь устремился иностранный капитал. Узнав о насущной необходимости применения в крае земледельческих машин и орудий, датский капиталист Раиндруп открыл в Омске завод, производивший ежегодно более десяти тыс. плугов. В дальнейшем здесь стали появляться небольшие предприятия по изготовлению веялок и молотилок [165, с. 3].

Исследователь Сибири Н.М. Ядринцев поддерживал распространённое в крае мнение о том, что при введении новинок агрономии необходимо использовать природное любопытство местных крестьян. «Наш брат сибиряк, когда увидит в первый раз какую-либо машину, дивится, но потом любопытствует узнать, в чём в ней сила, как она сделана и как действует» [339, с. 79]. Это высказывание подтверждает Н.Л. Скалозубов, описывая пахоту земли при школьном музее в с.Заводоуковском в июне 1895 г.: «Вспашка была произведена плугом Кунгурцева, который здесь крестьяне еще не видели и потому следили за пашней с большим интересом целым обществом, сравнивали пахоту плуга с пермянкой, и в заключении плуг очень понравился тем, что на нём легко пахать пахарю, что кладет хорошо пласты и ведёт ровную борозду без «гриба» [26, л. 90]. Но так было не везде. Придерживаясь старинных методов работы в сельском хозяйстве, старообрядцы старались отгородиться от всего нового, передового. Командированный в качестве инструктора по обсеменению полей в Ялуторовский уезд Тобольской губернии практикант Омского сельскохозяйственного училища Б.И. Мясников отмечал, что «работе сеялок сильно мешали и местные условия, из которых на первом плане можно поставить старообрядческое население края, где в некоторых местах прямо гонят с сеялками, называя их «чертовыми сажилками». Кроме этого сеялки работают здесь первый раз и им не доверяют. Им кажется, что ничего не вырастет, да и странным кажется, как

можно сеять вместо 12-15 пудов 8-9, и что урожая они соберут не меньше, а также междурядья их смущают – что это место остаётся не засеянным» [53, л. 8 об.].

Таким образом, просветительскую работу среди селян вели и учащиеся сельскохозяйственных школ Западной Сибири. Они выезжали не только в близлежащие деревни, но и в соседние губернии, знакомя крестьян с передовыми методами ведения хозяйства, приглашая их на беседы и воскресные чтения. В Тобольской сельскохозяйственной школе, открытой в 1900 г. около деревни Соколовка на бывшей заимке Наудачина, на пашне и покосе имелось опытное поле, которое засевалось улучшенными семенами. Оно обрабатывалось такими машинами и орудиями, как плугом, дисковыми боронами, рядовой и разбросной сеялкой, несколькими сортировками, жнеей, молотилкой. На огороде учащиеся выращивали кроме обычных овощей ещё и помидоры, цветную капусту, кольраби, брюкву, пастернак и др. [260]. В рекламных целях по окрестным деревням провозили новые агрегаты, подробно рассказывая об их преимуществах, собирали заявки на понравившиеся экземпляры. «Наконец к нам попали сельскохозяйственные машины! Сегодня привезли жнею из Тобольской сельскохозяйственной школы, вся деревня сошлась смотреть на её работу. И что самое важное, результатом остались довольны. Хотят выписать жнею обществом, стоит она рублей 150-200» [176]. К сожалению, выпускников этих школ было очень мало, да и не все из них в дальнейшем спешили соединить свою судьбу с земледелием.

Одним из мотивов в распространении практики частного землевладения послужило стремление властей создать в Тобольской губернии на базе частновладельческих усадеб образцово-показательные хозяйства. Выявленные источники фиксируют такие хозяйства на территории Тюменского уезда: имение «Чёрная речка», опытное хозяйство А. Смолина в Курганском уезде, селекционные скотные дворы купца А.А. Сыромятникова в д. Ломаевой Тобольского уезда, земледельческое хозяйство отставного офицера Л. Бдулева и образцово-показательное имение Благодатное купца Иванова в Ялуторовском уезде [321, с. 27].

В начале XX века в Тобольской губернии создаётся Комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В состав комитета вошли представители от чиновничества и либеральной

буржуазии. Они считали, что прежде чем проводить мероприятия по улучшению крестьянского хозяйства, необходимо убедить крестьян в их полезности, что возможно только при условии широкого распространения грамотности.

Предполагались разные пути достижения цели: ввести в программы сельских начальных школ, наряду с общеобразовательными предметами, сельскохозяйственные знания. В Тобольской губернии проводником данного направления стал Г.Я. Маляревский, который считал, что, окончив школу, крестьянские дети не будут отрываться от своего хозяйства. Можно было создавать при школах учебно-практические хозяйства: пасеки, огороды. Для подготовки учителей такого рода предполагалось ввести в учительских семинариях спецкурс по сельскому хозяйству с практическими занятиями на опытных фермах и в сельско-хозяйственных школах во время каникул.

Дирекция народных училищ и органы управления Тобольской губернией делали попытку приобщить учителей начальных школ к распространению среди крестьян знаний по сельскому хозяйству. В период летних каникул для учителей проводились курсы.

По инициативе Тобольского губернатора на средства губернского земского сбора с 15 мая по 10 июня 1907 года в Тобольской низшей сельскохозяйственной школе организовали курсы по сельскому хозяйству для учителей начальных школ. Губернатор поручил заведовать курсами особой комиссии, в которую вошли директор народных училищ Г.Я. Маляревский, губернский агроном, епархиальный наблюдатель церковных школ, попечитель и преподаватели сельскохозяйственной школы. Лекции по ботанике, химии, общему земледелию, животноводству, маслоделию прослушали 18 человек, затем они приняли участие в практических занятиях по ботанике, маслоделию и молочному хозяйству. Основное внимание уделялось огородничеству, как наиболее доступному для учителей виду занятий.

22 октября 1905 г. было образовано Тюменское общество пчеловодства, садоводства и огородничества. При обществе регулярно действовали курсы, на которые приглашались все желающие, в том числе и учителя [6, л. 30]. С 25 мая по 15 июня 1907 года на средства губернского земского сбора в Кулаковском двухклассном училище МНП Тюменского уезда открылись курсы пчеловодства. Организовал их председатель Тюменского общества пчеловодов Константин Васильевич Хавский, который долгое

время являлся учителем Зырянской второклассной церковно-приходской школы Успенской волости Тюменского уезда. Через местную печать и информационные письма педагогов губернии поставили в известность о начале работы новых курсов, поэтому вскоре Хавский стал получать заявки и от сельских жителей. Учительница Сосновской церковно-приходской школы Ялуторовского уезда Евдокия Удальцова писала 10 апреля 1907 г.: «Желая ознакомиться с пчеловодством, покорнейше прошу общество пчеловодства принять меня в число курсантов» [5, л. 17]. На курсах, которые носили в основном практический характер, присутствовало 23 человека. Кроме теории и практических работ, особое внимание обращалось на ознакомление с деятельностью пчеловодов. Курсисты посетили около десяти окрестных пасек.

На курсах по пчеловодству, которые прошли в деревне Патрушевой Тюменского уезда с 1 по 21 июня 1908 года при сельском начальном училище МНП, занималось 33 человека [265].

Управление государственных имуществ Томской губернии предлагало всем желающим присутствовать на курсах по пчеловодству и огородничеству, которые открывались с 1 июня 1909 г. при Томской сельскохозяйственной школе. Занятия под руководством управляющего школой Вилинга проводили преподаватели Голубева и Двинянинова [80, л. 1].

Г.Я. Маляревский считал, что пчеловодство доступно для учащихся, особенно в лесостепной полосе губернии, где оно легко распространялось, давая хорошие результаты. В отчёте о состоянии народных училищ губернии за 1907 год Григорий Яковлевич отмечал, что гораздо больше пользы приносят курсы по пчеловодству, т.к. уже вскоре после открытия первых курсов при пяти училищах учителя открыли собственные пасеки. Тем не менее опыт проведения сельскохозяйственных курсов был использован в ходе учебно-воспитательной работы в нескольких училищах. В 1910 году в двух четырёхклассных училищах велись занятия по огородничеству и садоводству, в одном – по пчеловодству. В Голышмановском двухклассном училище Ишимского уезда открылось сельскохозяйственное отделение, для которого выделили специального преподавателя. В 1912 г. аналогичное отделение начало свою работу в Червишевском двухклассном министерском училище Тюменского уезда. И хотя жалование определили учителю довольно большое – 900 рублей, это место долго оставалось вакантным [269].

Таким образом, в период с 1897-1907 гг. происходило становление системы агрономической помощи сельскому населению Западной Сибири [181, с. 19]. В этот период происходило теоретическое накопление агрономических знаний, вёлся поиск форм и методов улучшения сельского хозяйства сибиряков. На практике сельские жители получали лишь незначительную помощь. Не случайно, что именно в это время происходит рост количества ремесленных отделений и школ, сельских училищ повышенного типа. Получив специальное образование, крестьяне спешили на практике применить полученные знания, что в дальнейшем приносило им значительную прибыль, укрепить экономику края.

В дальнейшем, с 1909 по 1913 гг., произошли значительные изменения по всем направлениям сельскохозяйственного производства. Активную деятельность стали вести губернские и уездные агрономические службы, которые стремились обеспечить сельское население улучшенными сортами семян зерновых, огородных культур. Одним из важнейших направлений просвещения крестьян являлось распространение и внедрение достижений сельского хозяйства с участием научно-просветительных обществ, местной администрации и самого населения. Как следствие применения передовой агротехники прослеживалась тенденция увеличения производства продукции земледелия и животноводства, сопутствующих отраслей промышленной обработки растительного и животного сырья, повышался уровень жизни крестьянства, увеличивалась численность состоятельных хозяев.

Поступательное развитие агрономической помощи сельским жителям накануне Первой мировой войны не успело сложиться в комплексную систему, так как в ней была заинтересована лишь часть крестьянства.

В целом, характеризуя состояние народного просвещения среди жителей западносибирской деревни можно отметить, что к концу исследуемого периода здесь произошли значительные изменения. У крестьян появилась возможность познакомиться с достижениями культуры, науки и техники благодаря деятельности сельских библиотек, читален, музеев, научных и просветительных обществ. В укреплении нравственного и духовного здоровья верующих принимала участие православная церковь, призванная внушать добрые привычки и исправлять дурные наклонности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реконструкция исторического опыта развития образования и просвещения сельского населения Западной Сибири позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, процессы культурного развития исследуемого региона протекали под воздействием социально-экономических и духовных преобразований, осуществляемых в стране на пути перехода от феодального к буржуазному общественному и государственному строю.

Отмена крепостного права ускорила подъём образовательного, культурного и технического уровня работников общественного производства, в том числе, тружеников сельского хозяйства Западной Сибири.

Западносибирская деревня заимствовала позитивный опыт, накопленный в европейской части России, и в свою очередь обогащала его практической общественной деятельностью.

Во-вторых, достигнуты определённые успехи в развитии образовательного комплекса, в становлении общего, профессионального и конфессионального образования, открытого и доступного для всех категорий сельских жителей региона. Количество учебных заведений начального и среднего образования в исследуемый период увеличилось с 62 до 4200, т.е. в 68 раз; соответственно возросла численность учащихся и выпускников сельских школ.

В-третьих, решалась проблема обеспечения социальной сферы и общественного производства села квалифицированными специалистами из числа выпускников средних и высших профессиональных учебных заведений Центральной России и Западной Сибири.

В-четвёртых, важную роль в образовании и просвещении сельских жителей региона играли местные общедоступные библиотеки, воскресные школы, музеи, медицинские учреждения, призванные способствовать интеллектуальному, нравственному развитию взрослого населения, улучшению санитарно-гигиенических условий быта.

В-пятых, совершенствовались формы и методы религиозно-нравственного воспитания верующих, осуществляемые сельскими приходами русской православной церкви.

В-шестых, достигнуты положительные результаты деятельности научных и просветительных учреждений, обществ Центра и региона по распространению и внедрению прогрессивных

методов ведения сельского хозяйства и сопутствующих отраслей кустарной промышленности.

В пореформенный период, начиная с 60-х гг. XIX в., постепенно изменяется обстановка в деле начального народного образования жителей западносибирской деревни. В исследуемый период здесь сложились предпосылки для появления системы школьного и профессионального образования, включающей различные типы светских общеобразовательных, конфессиональных и профессиональных учебных заведений, призванных обеспечить село специалистами различного профиля. Школы отличались не только своими уставами и программами, уровнем преподавания, образовательным цензом учителей, но и ведомственной принадлежностью. Появляются новые типы школ, преобразуются существующие, устанавливается контроль за ними, назначаются лица, обязанные заниматься народной школой.

В результате был обеспечен рост грамотности и образованности сельского населения, сформирована прослойка местной интеллигенции, накоплен позитивный опыт обучения и воспитания детей и молодёжи школьного возраста. Вместе с тем, образовательный процесс, сопровождаемый объективными трудностями, протекал медленно, непоследовательно и противоречиво, оказался далеко не завершённым. Уровни качества образования сельских детей и молодёжи на порядок уступали показателям народного образования городского населения региона. При этом следует отметить, что церковные школы значительно уступали министерским по качеству подготовки учащихся, оснащению пособиями и школьным оборудованием. Тем не менее, МНП всемерно поддерживало церковные школы, государственное казначейство выделяло крупные суммы на их открытие и поддержание как наиболее дешёвых.

Значительное участие в просвещении и религиозно-нравственном воспитании жителей западносибирской деревни приняла православная церковь. Духовенство заботилось о воспитании и образовании крестьян, проводило определённую работу с раскольниками и старообрядцами, издавало на средства епархии религиозную литературу, которая пользовалась большой популярностью у жителей сельской местности. Православная церковь воспитывала народ на традициях и обычаях, т. к. понимала, что именно он является источником всех земных благ. При этом учитывался менталитет западносибирских крестьян, их природные и приобретённые качества. Большую роль в нравственном воспитании играли русские национальные праздники, юбилей.

Православные праздники служили не только средством общения и развлечения, но и выполняли функцию социализации человека, способствовали формированию и укреплению социальной общности.

Церковь и крестьянская община следили за воспитанием детей в атмосфере уважительного отношения к труду. У сибирских крестьян существовали чёткие представления о чести и бесчестии, поэтому репутация чётного человека много значила в глазах хлеборобов.

Церковь проводила борьбу и с антиобщественными явлениями, в т.ч. с пьянством. Народ понимал, что увеличение больных алкоголем негативно отражается на всём сельском обществе, во всех сферах жизнедеятельности. Поэтому крестьяне приобретали антиалкогольную литературу, выпускаемую епархиальными братствами, поддерживали негативное отношение сельских священников к пьющим, аморальным личностям, с пониманием относились к профилактической работе среди школьников.

Тем не менее поставленные задачи не достигли цели, т.к. вопрос о всеобщем народном образовании так и не был решен до конца, количество раскольников и старообрядцев в крае продолжало оставаться одним из лидирующих по стране, число пьющих и алкоголиков не уменьшалось. Происходило это вследствие декларативности и формальности многих начинаний, незаинтересованности руководства страны и региона в качественной перестройке системы образования и просвещения на селе.

В период с 1897-1907 гг. происходило становление системы агрономической помощи сельскому населению Западной Сибири. В этот период происходило теоретическое накопление агрономических знаний, вёлся поиск форм и методов улучшения сельского хозяйства сибиряков. На практике сельские жители получали лишь незначительную помощь. Не случайно, что именно в это время происходит рост количества ремесленных отделений и школ, сельских училищ повышенного типа. Получив специальное образование, крестьяне спешили на практике применить полученные знания, что в дальнейшем приносило им значительную прибыль, укрепить экономику края.

В дальнейшем, с 1909 по 1913 гг., произошли значительные изменения по всем направлениям сельскохозяйственного производства. Активную деятельность стали вести губернские и уездные агрономические службы, которые стремились обеспечить

сельское население улучшенными сортами семян зерновых, огородных культур. Одним из важнейших направлений просвещения крестьян являлось распространение и внедрение достижений сельского хозяйства с участием научно-просветительных обществ, местной администрации и самого населения. Как следствие применения передовой агротехники прослеживалась тенденция увеличения производства продукции земледелия и животноводства, сопутствующих отраслей промышленной обработки растительного и животного сырья, повышался уровень жизни крестьянства, увеличивалась численность состоятельных хозяев.

Поступательное развитие агрономической помощи сельским жителям накануне Первой мировой войны не успело сложиться в комплексную систему, так как в ней была заинтересована лишь часть крестьянства. Несмотря на положительную динамику уровня и качества образовательных и просветительных действий, показатели культурного развития сельского населения региона значительно уступали достижениям городского населения, не обеспечивали возрастающих потребностей села в грамотных образованных, профессионально подготовленных работниках общественного производства. Сказывались унаследованная от прошлого культурная отсталость сельского населения, необеспеченность социальной сферы материальными и финансовыми средствами, недостаток квалифицированных специалистов культуры и сельского хозяйства.

Вместе с тем позитивный и негативный опыт развития образования и просвещения сельского населения Западной Сибири на рубеже XIX-XX вв. сохраняет известную научную, познавательную и воспитательную значимость для современников. Развитие познавательных и профессиональных навыков и умений молодых сибиряков, воспитание патриотизма, социализация волнуют сегодня не только педагогов, но и общественность. Не имея возможности получить качественное общее и профессиональное образование, реализовать культурные потребности, сельские жители переезжают в город. Основные вопросы, связанные с образованием и просвещением западно-сибирских сельских жителей в прошлом, актуальны и сегодня, в эпоху перехода всего российского общества к рыночным отношениям. Без всестороннего изучения и анализа аналогичных процессов прошлого и настоящего невозможен дальнейший общественный прогресс, построение перспективных программ развития региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Государственное учреждение «Государственный архив Тюменской области»

(ГУ ГАТО)

1. ГУ ГАТО Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
2. ГУ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 539.
3. ГУ ГАТО. Ф. 61. Оп. 1. Д. 106.
4. ГУ ГАТО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3.
5. ГУ ГАТО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 2.
6. ГУ ГАТО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 7.

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске)

7. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5.
8. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 11.
9. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 39.
10. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45.
11. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 47.
12. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 86.
13. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 6. Оп. 1. Д. 47.
14. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 1.
15. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 3.
16. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 4.
17. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 11.
18. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 18.
19. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19.
20. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 20.
21. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 24.
22. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 27.
23. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 33.
24. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 62.
25. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 61. Оп. 1. Д. 174.
26. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 3.
27. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 52.
28. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 147. Оп. 1. Д. 54.
29. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 27. Д. 132.
30. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 27. Д. 134.

31. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 48. Д. 37.
32. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 48. Д. 139.
33. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 48. Д. 157.
34. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 397.
35. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 24. Д. 527.
36. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 291.
37. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2.
38. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 170. Оп. 1. Д. 15.
39. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 170. Оп. 1. Д. 76.
40. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 379.
41. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 381.
42. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 519.
43. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3407.
44. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3571.
45. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3572.
46. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2. Д. 40.
47. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 3. Д. 8.
48. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 5. Д. 7.
49. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 5. Д. 14.

Государственный архив Омской области (ГАОО)

50. ГАОО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1.
51. ГАОО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 27.
52. ГАОО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 28.
53. ГАОО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 50.
54. ГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 25 а.
55. ГАОО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 30.
56. ГАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 7.
57. ГАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13.
58. ГАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 34.
59. ГАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 739.
60. ГАОО. Ф. 119. Оп. 1.
61. ГАОО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 4.
62. ГАОО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 8.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

63. ГАТО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 3635.
64. ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 324.
65. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1934.

66. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2272.
67. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2574.
68. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2967.
69. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3158.
70. ГАТО. Ф.3. Оп. 3. Д. 3395.
71. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3788.
72. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4190.
73. ГАТО. Ф.3. Оп. 3. Д. 4220.
74. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5278.
75. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5301.
76. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5516.
77. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5813.
78. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6176.
79. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6442.
80. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6493.
81. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6775.
82. ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6887.
83. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 653.
84. ГАТО. Ф. 3. Оп. 20. Д. 58.
85. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 11.
86. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 470.
87. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4033.
88. ГАТО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4.
89. ГАТО. Ф.100. Оп. 1. Д.9.
90. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 448.
91. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1354.
92. ГАТО. Ф.126. Оп. 2. Д.1360.
93. ГАТО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 1.
94. ГАТО. Ф.146. Оп. 3. Д. 6.
95. ГАТО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 54.
96. ГАТО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 22.

**Музей народного образования Тюменской области
в г. Тобольске (МНОТО)**

97. МНОТО. Ф. 1.
98. МНОТО. Ф. 20.
99. МНОТО.Ф. 36.
100. МНОТО.Ф. 37.
101. МНОТО. Ф. 48.
102. МНОТО. Ф. 123.

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (ТГИАМЗ)

103. ТГИАМЗ. Каталог школьного музея дирекции народных училищ Тобольской губернии. – Тобольск, 1910. – С. 1-7.

104. ТГИАМЗ. Систематический каталог Тюкалинского подвижного школьного музея учебных пособий. – Тюкалинск, 1907. – Вып. 1. – С. 76.

105. Адрес-календарь сельскохозяйственных обществ (по данным на 1 января 1905 г.). – СПб.: Государственная типография, 1905 – Ч. 1. – 36 с.

106. Акимов, В.В. Книга в деревне // Журнал МНП. – 1906. – №2.

107. Алтайский, П. К оживлению церковной библиотеки // Омские епархиальные ведомости. – 1912. – №16. – С. 39-41.

108. Анастасиев, А. Особенности обучения в начальных школах и примерные уроки, как указатели этих особенностей // Образование. – 1892. – №12. – С.1-20.

109. Афанасиев, И. Школьный антиалкогольный поход // Омские епархиальные ведомости. – 1912. – №19. – С. 31-35.

110. Бакулина, Т.И. Неполитические общественные организации в Тобольской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. // Словоцкие чтения – 2002. – Тюмень, 2002. – С. 179-181.

111. Балакшин, А. Прежние мечты – нынешняя действительность // Сибирский листок. – 1903. – №24.

112. Балюк, Н.А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI – начале XX вв. / Н.А. Балюк. – Тюмень: Вектор Бук, 2003. – 188 с.

113. Белоножко, Ю.А. Сельскохозяйственная литература в дореформенной Сибири и МОСХ // Развитие книжной культуры Сибири XIX – начала XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1982. – С. 38-55.

114. Блинов, А.В. К вопросу о реформировании Западно-Сибирского учебного округа в рамках проекта 1913 г. // Три века сибирской школы: материалы Всесоюзной науч.-практической конф. – Тобольск, 2001. – С. 22-23

115. Бонифатьева, Г.Т. Имя твоё – учитель / Г.Т. Бонифатьева, Ю.П. Прибыльский. – Тюмень: Вектор Бук, 2003. – Кн. 1. – 240 с.

116. Бревнова, Н.Н. Некоторые вопросы управления и деятельности учреждений культуры и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения царской России в период империализма: методическое пособие / Н.Н. Бревнова, Д.М. Шинджикашвили. – Омск: ОГУ, 1988. – 65 с.

117. Бузанова, В.А. Заселение и население Нижнего Притомья // Труды музея г. Северска. Музей и город. – Томск, 2000. – Вып. 1. – С. 52-60.
118. Букин, А.Ф. Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.Ф. Букин. – Омск, 2002. – 24 с.
119. Бычин, Б.П. У истоков аграрной периодической печати в нашем крае // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2001. – Тюмень, 2002. – С. 269-278.
120. Васьяков, К.Н. Отчёт о деятельности Сибирской железной дороги за 1899-1911 гг. – Томск, 1911.
121. Вахтеров, В. О внеклассном чтении учащихся // Образование. – 1897. – №1. – С. 66-69.
122. Ведомость Омского епархиального училищного совета о церковных школах за 1902 год. – Омск, 1904.
123. Вессель, Н.Х. Очерки об общем образовании и системе народного образования в России / Н.Х. Вессель. – М., 1959. – 101 с.
124. Волкова, В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX века / В.Н. Волкова. – Новосибирск, 1995. – 239 с.
125. Вольфсон, Д. Школьное дело в Сибири // Сибирский листок –1903. – №37. Отд. оттиск. – 8 с.
126. Всеобщая воинская повинность в Российской империи за первое десятилетие 1874-1883 гг. / Статистический временник Российской империи. – СПб.: Государственная типография, 1886. – Вып. 12.– 246 с.
127. Гизей, Ю.Ю. Церковно-приходская школа и школа грамоты в системе начального образования Западной Сибири // Три века сибирской школы: материалы Всероссийской науч.-практической конф. – Тобольск, 2001. – С. 28-29.
128. Гизей, Ю.Ю. Церковно-приходская школа в системе образования Западной Сибири (конец XIX-начало XX вв.) // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. – Тобольск; Омск, 2000. – С. 144-145.
129. Головин, П.Д. Десятилетие церковно-приходских школ в Тобольской епархии / П.Д. Головин. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1894. – 39 с.
130. Головин, П.Д. Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1886-1887 учебном году / П.Д. Головин. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1887. – 45 с.

131. Гончарова, Т.А. Население Нижнего Притомя: основные этапы формирования (в XVII-XX вв.) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. – Тобольск; Омск, 2000. – С.150-151.
132. Горелова, Ю.Р. Проблема просвещения народа в духовно-нравственных исканиях и в непрофессиональной деятельности интеллигенции Западной Сибири (1880-1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю.Р. Горелова. – Омск, 2001. – 31 с.
133. Грамматин, А. Житие, страдание и чудеса святого славного великомученика Дмитрия мироточивого, Солунского чудотворца / А. Грамматин. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1895. – 18 с.
134. Грамматин, А. Краткое житие праведного Симеона Верхотурского чудотворца / А. Грамматин. – Томск, 1895.
135. Доманская, О.В. Школы для крестьян в Тобольской губернии на рубеже XIX-XX веков // Три века сибирской школы ... – С. 33-35.
136. Доманская, О.В. Кадры в системе начального и низшего церковного образования и уровень грамотности населения Тобольской губернии на рубеже XIX-XX веков / О.В. Доманская, В.Л. Козлова // Три века сибирской школы ... – С. 31-33.
137. Ежегодник внешкольного образования / под ред. В.И. Чарналуцкого. – М., 1907. – Вып. 1.
138. Ежегодник России за 1908 год. СПб., 1909.
139. Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1902. – Вып. XIII.
140. Ермачкова, Е.П. Первый сельскохозяйственный музей Тобольской губернии // Словцовские чтения-2001: Тезисы докладов и сообщений ... – С. 124-125.
141. Ермачкова, Е.П. Из истории раскола на юге Тобольской губернии // Словцовские чтения-2002: Тезисы докладов и сообщений науч.-практической конф. – Тюмень, 2002. – С. 164-166.
142. Ермачкова, Е.П. Летопись земли Заводоуковской. – Заводоуковск, 2006. – 449 с.
143. Ермачкова, Е.П. Первенцы сельской школы (1861-1917 г.): брошюра / Е.П. Ермачкова. – Заводоуковск, 2003. – 64 с.
144. Ермачкова, Е.П. Развитие системы школьных библиотек в Тобольской губернии на рубеже XIX-XX вв. // Западносибирское краеведение: науч.-информационный сб. – Ишим, 2003. – Вып. 5. – С. 122-130.

145. Ермачкова, Е.П. Сельские воскресные школы Западной Сибири // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2004. – С. 91-93.

146. Ермачкова, Е.П. У истоков музейной педагогики // Музей и школа: тенденции и перспективы сотрудничества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тобольск, 2003. – С. 137-143.

147. Ермачкова, Е.П. Ударим народным просвещением по расколу! // Ялуторовский район: события и судьбы. – Тюмень, 2004. – С. 200-202;

148. Ермачкова, Е.П. Влияние старообрядцев на экономическое и социальное развитие села Сосновского / Е.П. Ермачкова, А.А. Севостьянов // Русские старожилы. Культурное наследие народов Западной Сибири: материалы Сибирского симпозиума. – Тобольск; Омск, 2000. – С. 280-281.

149. Железнякова, Ю. Преподаватель 100 лет назад // Родина. – 2004. – №6. – С. 92-94.

150. Журнал МНП. 1875. Ноябрь. – Ч. 182. – СПб., 1875.

151. Журнал совещания заведующих сельскохозяйственными складами на линии Сибирской железной дороги 12 и 13 сентября 1898 г. – Омск, 1898. – 16 с.

152. Загороднюк, Н.И. Особенности формирования школьного образования в Сибири // Исторический опыт народного образования Тюменского края: материалы науч. конф. – Тобольск, 1992. – С. 6-10.

153. Зайцева, Л.Ю. История православной церкви Зауралья (60-е гг. XIX в.–1918 г.): автореф. дис. ... канд. исторических наук / Л.Ю. Зайцева. – Омск, 2000. – 40 с.

154. Заметка по поводу разных курсов для учащихся в церковных школах // Тобольские епархиальные ведомости. – 1907. – №10.

155. Западная Сибирь: проблемы региональной культурологии. – Томск, 1992.

156. Идея нового морального воспитания // Всеобщий ежемесячник. – 1910. – №5. – С. 6-15.

157. Извлечение из отчетов попечителя Западно-Сибирского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1887 г. – Томск, 1889.

158. Издания для народа // Образование. – 1892. – №10(2).

159. Ирбитский ярмарочный листок. – 1896. – №16.

160. Исторический опыт народного образования Тюменского края. – Тобольск, 1992.

161. Исторический ход развития народного образования в Томской губернии // Памятная книжка Томской губернии на 1885 г. – Томск, 1885. – С. 1-9.

162. История Алтая. – Барнаул, 1995. – Ч. 1.

163. История Сибири: в 5 т. / под ред. А.П. Окладникова. – Л., 1968-1969.

164. Камынин, В.Д. Отчеты Курганской лесной школы как источник по истории профессионального образования в Тобольской губернии середины XIX – начала XX веков / В.Д. Камынин, Е.М. Червякова // Словцовские чтения: материалы докл. и сообщ. XVI Всероссийской науч.-практической краеведческой конф. – Тюмень, 2004. – Ч. 1. – С. 87-90.

165. Касьян, А.К. История Омской области с начала XX века до наших дней / А.К. Касьян, И.Н. Новиков. – Омск. 1978. – 80 с.

166. Кирдяшкин, И.В. Научные общества Томской губернии (конец XIX – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. / И.В. Кирдяшкин. – Томск, 2001. – 29 с.

167. Козырев, А.В. Народное образование в России в годы подъема революционного движения перед первой империалистической войной и в период империалистической войны до победы буржуазно-демократической революции в России. 10-я лекция / А.В. Козырев. – Ставрополь. 1948. – 100 с.

168. Козырев, А.В. Народное образование в России во II пол. XIX в. Лекция 12. – Ставрополь. 1948. – 108 с.

169. Колосов, Н. О воскресных школах // Омские епархиальные ведомости. – 1912. – №22(2). – С. 31-36.

170. Коновалова, Е.Н. Роль учителей в изучении Тобольской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. // Три века сибирской школы. – Тобольск, 2001. – С. 44-45.

171. Коновалова, Е.Н. Ректор Тобольской духовной семинарии П.Д. Головин // Третьи Смышляевские чтения. – Пермь. 1993. – С. 54-55.

172. Коновалова, Е.Н. Типографское дело в Ишиме и Ялуторовске (конец XIX – нач. XX вв.) // Коркина слобода. – 2002. – №4. – С. 24-30.

173. Коновалова, Е.Н. Тобольский губернский музей и научные общества России // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень. 2001. – С. 41-63.

174. Коньков, Н.Л. Первые учителя подвижных школ

Тобольской губернии // Три века сибирской школы ... – С. 45-48.

175. Костенков, П.П. Просвещение // Энциклопедия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Т. 1. – С. 40-52.

176. Костюрина, М. Деревенские письма // Сибирский листок. – 1904. – №62.

177. Косых, Е.Н. Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири. Очерки истории книжного дела. – Новосибирск, 1988. – С. 108-114.

178. Кремнев, Д.Д. Церковно-приходские школы в истории народного просвещения Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Три века сибирской школы ... – С. 51-52.

179. Крестьянская газета. – 1906. – №1.

180. Крестьянская газета. – 1906. – №8.

181. Кузнецов, Д.В. Администрация и поиски путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья в конце XIX в. – начале XX вв.: автореф. дис. канд. ист. наук / Д.В. Кузнецов. – Омск, 2000. – 23 с.

182. Куприянов, А.И. Общественные праздники в Омске в первой половине XIX века // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX вв. / А.И. Куприянов. – Новосибирск, 1985. – С. 55-68.

183. Лапшов, И. Внешкольное образование на Сибирской дороге // Сибирские вопросы. – 1912. – №35-36. – С. 75-83

184. Лапшов, И. Народное образование в Сибири // Сибирские вопросы. – 1911. – №28-29. – С. 30-36.

185. Латышева, Д.И. История педагогики / Д.И. Латышева. – М.: Гардарики, 2003. – 603 с.

186. Лысов, А.П. Народное образование в Тюменском округе в 1897 г. / А.П. Лысов. – Тюмень: Типография А.А. Крылова, 1898. – 25 с.

187. Лысов, А.П. Народное образование в Тюменском округе в 1898 году. / А.П. Лысов. – Тюмень: Типография А.А. Крылова, 1899. – 25 с.

188. Маляревский, Г.Я. Извлечение из отчета Тобольского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Тобольской епархии в 1899-1900 учебном году // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях за год. – Тобольск, 1901. – №6. – С. 44-45.

189. Маляревский, Г.Я. Очерк истории современного состояния народного образования в Сибири / Г.Я. Маляревский. – СПб.:

Народная польза, 1896. – 114 с.

190. Материалы по вопросу о введении обязательного обучения в России // под ред. К.К. Сент Илера и К. Сперанского. – СПб.: Общественная польза, 1880. – Т. 1. – 250 с.

191. Менделеев, Д.И. Сочинения: в 25 т. / Д.И. Менделеев. – М.; Л., 1949. – Т. 11. – 340 с.

192. Менделеев, Д.И. Народное просвещение и высшее образование / Д.И. Менделеев. – М.; Л., 1952. – Т. 23. – 385 с.

193. Меншиков, И.С. Культура Южного Зауралья во второй половине XIX-начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. / И.С. Меншиков. – Курган, 2000. – 23 с.

194. Меншиков, В.Н. Учреждения образования и культуры Тобольской губернии накануне и в период первой мировой войны // Образование и культура Тюменского края. – С. 42-49.

195. Миненко, Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX вв. / Н.А. Миненко. – Новосибирск: Наука, 1989. – 160 с.

196. На Ишим-реке. Очерки истории Викуловского района. 1691-1999 гг. – Викулово, 1999. – 250 с.

197. Народное образование Тюменского края: историография, источниковедение: материалы науч. конф. – Тюмень, 1993.

198. Народное образование. – СПб., 1896. – Кн. 1.

199. Начальное народное образование в России: Справочник / под ред. Г. Фальборка и В. Чарнолусского. – СПб.: Общественная польза, 1900. – Т. 1. – 407 с.

200. Начальное народное образование в России: Справочник / под ред. Г. Фальборка и В. Чарнолусского. – СПб.: Общественная польза, 1900. – Т.2. – 418 с.

201. Новое положение о сельскохозяйственном образовании и его применение / сост. И.И. Мещерский. – СПб.: В.Ф. Киршбаума, 1905. – 189 с.

202. Новомбергский, Н. По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. – СПб.: Типография Дома Призрения малолетних бедных, 1903. – 335 с.

203. Обзор деятельности Курганского отдела МОСХ за четырнадцать лет его существования. – Курган: Типография И. Шубина, 1912. – 40 с.

204. Обзор Тобольской губернии за 1892 год. – Тобольск, 1893.

205. Обзор Тобольской губернии за 1913 год. – Тобольск, 1914.

206. Обзор Томской губернии за 1890 год. – Томск, 1891.
207. Образование. – 1897. – №3.
208. Образование. – 1897. – №9.
209. Общество, школа, педагог: материалы обл. науч.-практ. конф. – Тобольск, 1997. Профессиональное образование Тюменского края: история и современность. – Тобольск. 1996.
210. Объяснительный текст к карте народного образования в России за 1876 год / под ред. А. Попова. – СПб.: Народная польза, 1880. – 170 с.
211. Овчинников, В.А. О значении деятельности Томского архиерейского дома как просветительного центра епархии в конце XIX в. // Три века сибирской школы: материалы Всероссийской конф. – Тобольск, 2001. – С. 62-63.
212. Однодневная перепись начальных школ в империи, проведенная 18 января 1911 г. – СПб.: Государственная типография, 1914. – Вып. XII-XV. – 278 с.
213. Ольденбург, Ф.Ф. Заметки по статистике школьного образования в России // Журнал МНП. – Март, 1901. – С. 103-140.
214. Омские епархиальные ведомости. – 1912. – №15(2).
215. Омские епархиальные ведомости. – 1912. – №18.
216. Омский вестник. – 1913. – №7.
217. Орлова, И.В. К вопросу о социальной роли православных праздников в дореволюционном прошлом русского населения Западной Сибири // Русские. Культурное наследие народов Западной Сибири: материалы VII-го сибирского симпозиума. – Тобольск, 2004. – С. 401.
218. Отголосок Алтая. – 1908. – №4.
219. Открытие Тобольской низшей сельскохозяйственной школы 1-го разряда 23 июня 1900 года. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1900. – 24 с.
220. Отчёт о состоянии начальных училищ Тобольской дирекции за 1909 г. – Тобольск: Типография епархиального братства, 1910. – 48 с.
221. Отчёт о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты. Томская епархия за 1889-1890 учебный год. – Томск: Епархиальная типография, 1891. – 72 с.
222. Отчёт о состоянии церковных школ Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении в 1913/1914 учебном году // Тобольские епархиальные ведомости. – 1915. – №4. – С. 29-30.
223. Палопеженцев, Н.И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии:

Историко-статистический очерк // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1894. – Вып. 2. – С.13-66.

224. Палопеженцев, Н.И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии. Историко-статистический очерк. Часть 1. Гл. 3 и 4. // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1895. – Вып. 3. – С. 24-40.

225. Памятная книжка г. Омска и Акмолинской области на 1913 г. – Омск: Акмолинская областная типография, 1913. – 457 с.

226. Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. – Томск: Типо-литография Михайлова и Макушина, 1885. – 250 с.

227. Панишев, Е.А. Колдуны и знахари села Кугаево // Русские старожилы. Культурное наследие народов Западной Сибири: матер. 3-го Сибирского симпоз. – Тобольск-Омск, 2000. – С. 188.

228. Панова, Т.А. Профессиональные школы XIX-XX веков в Тобольской губернии // Профессиональное образование Тюменского края: история и современность: материалы областной научно-практической конференции. – Тобольск, 1996. – С. 34-37.

229. Патканов, С.К. Очерк колонизации Сибири / СК Патканов. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2. – 320 с.

230. Педагогическая энциклопедия: в 4 т. – М., 1966. – Т. 3. – 880 с.

231. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Акмолинская область. – Т. 81. – СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1904. – 165 с.; Тобольская губерния. – Т. 78. – СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1905. – 247 с.; Томская губерния. – Т. 79. – СПб.: Слово, 1904. – 245 с.

232. Повод, Н.А. Из истории развития церковно-приходской школы с. Мужы // Словцовские чтения – 2001. – Тюмень, 2001. – С. 123-124.

233. Полный свод законов Российской империи на 1 сентября 1910 г. / под ред. А.А. Добровольского. – СПб.: Государственная типография, 1911. – Кн. 1. – Т. 1-8. – 2100 с.

234. Полякова, Е.А. Педагогические музеи Тобольской губернии рубежа XIX-XX веков: Рукописный фонд МНОТО.

235. Поспелов, В.Т. Экономическое и социальное развитие Северо-Западной Сибири во второй половине XIX – 1932 год: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.Т. Поспелов. – Омск, 2004. – 20 с.

236. Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. – СПб., 1894. – 40 с.

237. Правительственный вестник. – 1890. – №126.

238. Прибыльский, Ю.П. Колыбель просвещения. – Верона: График, 2001. – 97 с.

239. Прибыльский, Ю.П. Народное образование Тюменской области // Школа Тобольской губернии в XVIII – начале XX вв. – Тюмень, 2001.

240. Прибыльский, Ю.П. Соколовская сельскохозяйственная школа // Энциклопедия образования в Западной Сибири. – Барнаул, 2003. – Т. 2. – С. 313.

241. Прибыльский, Ю.П. Школа Тюменского края в XVII-XX вв. К трехсотлетию сибирской школы. – Тобольск, 1998. – 112 с.

242. Прибыльский, Ю.П. Духовная школа Тобольской губернии в 1905-1907 гг.: Некоторые вопросы историографии и задачи исследования / Ю.П. Прибыльский, В.М. Кружинов // Народное образование Тюменского края: историография, источниковедение ... – С. 64-67.

243. Проблемы и перспективы развития образования в Сибири. Новосибирск, 1982.

244. Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. – М., 1974.

245. Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров: сб. науч. трудов. – СПб., 1994. – Вып. 3.

246. Пронин, В.И. Земледельческие орудия и сельскохозяйственные машины в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. // Из истории крестьянства Сибири. – Томск, 1978. – С. 80-95.

247. Пугачёва, Н.М. Омская учительская семинария // Памятники истории и культуры Омска / Н.М. Пугачева. – Омск, 1992. – С. 30-42.

248. Путеводитель по врачебному отделу для Тобольской губернии на Омской выставке 1911 г. Таблицы и объяснительные записки. – Тобольск: Губернская типография, 1911. – 103 с.

249. Развитие книжной культуры Сибири XIX – начала XX вв.: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1982.

250. Расова, Н.М. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви на Алтае в XIX-начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. исторических наук / Н.М. Расова. – Новосибирск, 2002. – 25 с.

251. Резолюции Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом // Омские епархиальные ведомости от 15 сентября 1912 г. – №18(II). – С. 6-12.

252. Романова (Прибыльская), Т.В. Церковно-приходские

школы Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. (1884-1917 гг.): Рукописный фонд МНОТО. – Тобольск, 2003.

253. Руководство для учителей и учительниц начальных народных училищ // Народная школа. – СПб., 1893. – Ч. 1. – С. 1-40.

254. Савченкова, Т.П. Духовное училище // Ишим далёкий-близкий. – Ишим, 1997. – С. 109-115.

255. Сельский вестник. – 1883. – №3.

256. Сельский вестник. – 1883. – №24-26.

257. Сельский вестник. – 1884. – №41.

258. Сибирская торговая газета. – 1898. – №40.

259. Сибирская торговая газета. – 1898. – №49.

260. Сибирский листок. – 1903. – №69.

261. Сибирский листок. – 1904. – №17.

262. Сибирский листок. – 1907. – №91.

263. Сибирский листок. – 1908. – №28.

264. Сибирский листок. – 1908. – №95.

265. Сибирский листок. – 1908. – №129.

266. Сибирский листок. – 1909. – №39.

267. Сибирский листок. – 1910. – №10.

268. Сибирский листок. – 1910. – №36.

269. Сибирский листок. – 1912. – №82.

270. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. – СПб., 1910.

271. Скалозубов, Н.Л. Краткий отчет о поездке, совершенной летом 1895 года по Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – СПб., 1896.

272. Скалозубов, Н.Л. Народный календарь. Поверия, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Тобольск, 1898.

273. Скалозубов, Н.Л. О свиноводстве в Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Тобольск, 1906.

274. Скалозубов, Н.Л. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Тобольск, 1902.

275. Скалозубов, Н.Л. Сельскохозяйственное общество при Тобольской сельскохозяйственной школе // Сибирский листок. – 1903. – №84.

276. Скалозубов, Н.Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Тобольск, 1895.

277. Скалозубов, Н.Л. Отчёт о работах по борьбе с кобылкой в 1895 году // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, – 1896. – Вып. 5. – С. 3-15.

278. Скалозубов, Н.Л. Полемика о «сухом земледелии» в Сибири // Сибирские вопросы. – 1911. – №26-27. С. – 43-47.

279. Скалозубов, Н.Л. Сельское хозяйство в Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Тобольск: Губернская типография, 1895. – 48 с.

280. Скалозубов, Н.Л. Урожай хлебов в Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Тобольск, 1894.

281. Скалозубов, Н.Л. Утилитарные растения флоры Тобольской губернии / Н.Л. Скалозубов. – Тобольск, 1907.

282. Скачкова, Г.К. Истоки профессионального образования в Тобольской губернии // Профессиональное образование Тюменского края; история и современность / Г.К. Скачкова. – Тобольск, 1996. – С. 43-47.

283. Скачкова, Г.К. Социокультурный облик образованной женщины Тобольской губернии (конец XIX-начало XX вв.) // Русские старожилы. – 2000. – С. 322-325.

284. Скобелев, К.В. Формирование менталитета сибирского крестьянина в эпоху капитализма (1861-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.В. Скобелев. – Омск, 2002. – 22 с.

285. Сковородина, И.С. Развитие низшего и среднего профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX-начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.С. Сковородина. – Омск, 2003. – 25 с.

286. Смыслова, С.Л. Работа краткосрочных педагогических курсов учителей церковно-приходских школ Тобольской губернии / С.Л. Смыслова, С.И. Черноморченко // Образование и культура Тюменского края в XVIII-XX вв.: материалы VII Тюменской обл. науч.-практической конф. – Тобольск, 1998. – С. 39-42.

287. Соколов, Е.Ф. Передвижные народные училища МНП в северных уездах Тобольской губернии // Школьный отдел при неофициальной части Тобольских губернских ведомостей. – 1909. – №10. – С. 2-8.

288. Соколов, Е.Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1896/7 учебный год // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1898. – Вып. IX. – С. 83-108.

289. Солодова, Т.И. Проблемы и методы обучения в книге Г.Я. Маляревского «Заметки о преподавании по новой программе одноклассной церковно-приходской школы» // Религия и церковь в Сибири: сб. ст. и документальных материалов. – Тюмень, 1999.

– Вып. 12. – С. 3-7.

290. Софронов, В.Ю. Противораскольническая и противосектантская деятельность православной церкви в Тобольской епархии в XIX-начале XX вв. // Русские. Культурное наследие ... – Тобольск, 2004. – С. 187-211.

291. Спасский А. К вопросу о народном образовании в Сибири // Образование. – 1897. – №4. – С.87-107.

292. Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки. – 1895. – №3.

293. Струминский, В.Я. Великий русский педагог К.Д. Ушинский / В.Я. Струминский. – М.: Знание, 1961. – 48 с.

294. Сулимов, В.В. Очерки по истории народного образования Западной Сибири / В.В. Сулимов. – Тюмень, 1995. – 65 с.

295. Сулимов, В.С. К проблеме открытия учительских семинарий в Западно-Сибирском учебном округе в начале XX века // Профессиональное образование Тюменского края: история и современность: материалы обл. науч.-практической конф. – Тобольск, 1996. – С. 47-52.

296. Сулимов, В.С. Передвижные школы в Тобольской губернии на рубеже XIX-XX вв. // Русские старожилы ... – Тобольск, 2000. С 208-209.

297. Сулимов, В.С. Чувства добрые пробуждать. Из истории светской школы Тобольской губернии в конце XIX-начале XX вв. / В.В. Сулимов. – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – 152 с.

298. Сулова, Л.Н. К вопросу об организации приходских школ и уровне профессионального образования церковнослужителей в единоверческих приходах Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Три века сибирской школы ... – С. 82-83.

299. Темплинг, В.Я. Санитарное просвещение в Тобольской губернии (XIX в.) // Словоцковские чтения – 97. – Тюмень, 1997. – С. 54-56.

300. Тобольские губернские ведомости. – 1891. – №48(1).

301. Тобольские губернские ведомости. – 1894. – №37

302. Тобольские губернские ведомости. – 1895. – №23.

303. Тобольские губернские ведомости. – 1895. – №29

304. Тобольские губернские ведомости. – 1895. – №59.

305. Тобольские губернские ведомости. – 1909. – №10.

306. Тобольские епархиальные ведомости. – 1884. – №19.

307. Тобольские епархиальные ведомости. – 1886. – №10-11.

308. Тобольские епархиальные ведомости. – 1891. – №5-6.

309. Тобольские епархиальные ведомости. – 1891. – №7-8.
310. Тобольские епархиальные ведомости. – 1895. – №10.
311. Тобольские епархиальные ведомости. – 1896. – №8.
312. Тобольские епархиальные ведомости. – 1900. – №15.
313. Тобольский биографический словарь. – Тобольск, 2003.
– Т. 1. – С. 41, 133; – Т. 2. – С. 14.
314. Труды Тобольской низшей сельскохозяйственной школы.
– Тобольск, 1903. – Вып. 1; 1906. – Вып. 2.
315. Труды Ялуторовского отдела МОСХ (1912-1913).
– Ялуторовск.
316. Ушинский, К.Д. Собрание сочинений: в 11 т. /
К.Д. Ушинский. – М., Л., 1948. – Т. 2.
317. Фридолин, С.П. В деревне прежде и теперь // Справочный
листок по сельскому хозяйству и артельному маслоделию. – 1914.
– №48-49.
318. Фурсова, Е.Ф. Православные традиции русских крестьян
Барабы в прошлом и настоящем // Русские. Культурное наследие
народов Западной Сибири ... – С. 231-232.
319. Хазиахметов, Э.Ш. Нарымская ссылка (1906-1917 гг.) /
Э.Ш. Хазиахметов. – Томск: Западно-Сибирское книжное
издательство, 1970. – 382 с.
320. Хазиахметов, Э.Ш. Отображение образа жизни крестьян
Сибири начала XX в. в мемуарах политических ссыльных //
Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы
развития: тезисы докладов III Всесоюзной науч.-практической
конф. – Омск, 2000. – С. 54-56.
321. Хлебный, целебный, лесной. Заводоуковский район:
история, события, люди. – Екатеринбург: Средне-Уральское
книжное издательство, 2004. – 440 с.
322. Хроника воскресных школ // Русская школа. 1897 и 1898.
– М., 1900. – С. 285-312.
323. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. – 1904.
324. Чернолуцкий, В. Очередные задачи внешкольного
образования // Ежегодник внешкольного образования / под ред.
В.И. Чернолуцкого. – М., 1907. – Вып. 1.
325. Шамахов, Ф.Ф. Министерские училища // Педагогическая
энциклопедия. – М., 1965. – Т. 2. – С. 832.
326. Шамахов, Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале
XX веков. / Ф.Ф. Шамахов. – Томск: Общественно-педагогические
науки, 1957. – 199 с.
327. Шамахов, Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя
буржуазно-демократическими революциями (1907-1917 гг.) /
Ф.Ф. Шамахов. – Томск: Общественно-педагогические науки, 1966.
– 280 с.

328. Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти: Сборник трудов кафедры педагогики Новосибирского педагогического института / под ред Ф.Ф. Шамахова. – Новосибирск. 1970. – Вып. 55. – 196 с.

329. Школа Тюменской области: сб. 41. – Тюмень: ТюмГПИ, 1968. – Вып. 8. – 275 с.

330. Школьный календарь на 1898-1899 учебный год. – СПб., 1898.

331. Школьный календарь на 1899-1900 учебный год. – СПб., 1899.

332. Школьный календарь на 1903-1904 учебный год. – СПб., 1903.

333. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – СПб.: Типо-литография И.А. Эфрона, 1891. – Т. 1. – 481 с.

334. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – СПб., 1890. – Т. 29 а.

335. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1900. – Т. 29. – 957 с.

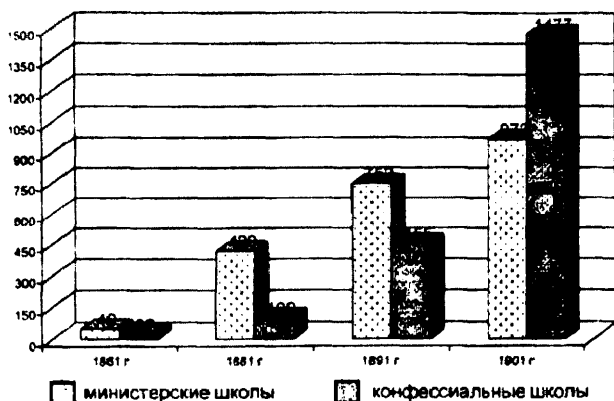
336. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. – СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1901. – Т.65. – 478 с.

337. Энциклопедия образования в Западной Сибири. – Барнаул: Наука, 2003. – Т. 1.

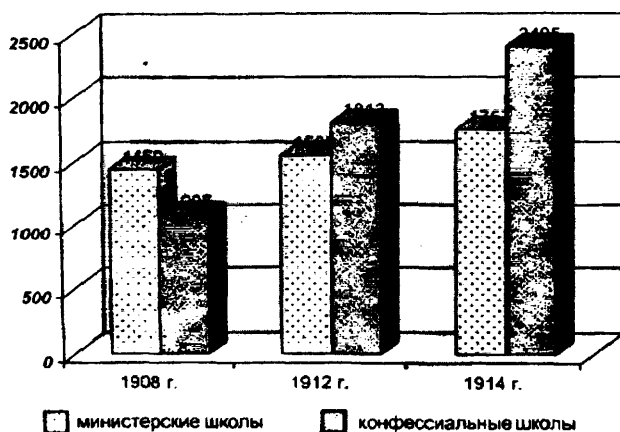
338. Юрцовский, Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири / Н.С. Юрцовский. – Новониколаевск: Сибирское краеведческое изд-во, 1923. – 251 с.

339. Ядринцев, Н.М. Сочинения: Сибирь как колония: современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее / Н.М. Ядринцев. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – Т. 1. – 480 с.

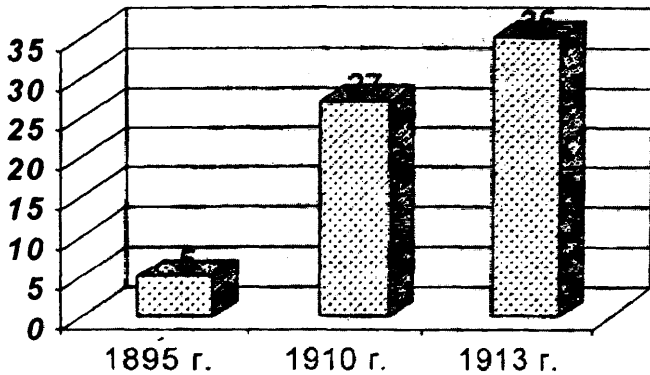
Светские и конфессиональные сельские учебные заведения
Западной Сибири в 1861-1901 гг.



Светские и конфессиональные учебные заведения
Западной Сибири в 1908-1914 гг.



Развитие сети профессионального образования Западной Сибири



Инструкция для библиотекаря сельской библиотеки, составленная комитетом по устройству сельских библиотек и народных читален Харьковского общества распространения в народе грамотности 1906 г. [137, с. 131-132]

§1. Библиотекарь заведует всем принадлежащим библиотеке имуществом и отвечает за его целостность и порядок. В круг обязанностей библиотекаря входит: а) составление и содержание в исправности материальной книги, систематического каталога и приходно-расходной книги, а также хранение всего имущества библиотеки и исключение книг и других вещей, утраченных или пришедших в негодное состояние; б) выдача книг подписчикам и прием возвращаемых; в) наблюдение за тишиною и порядком в библиотеке и читальне и устранение из нее лиц, не подчиняющихся правилам библиотеки; г) библиотекарь составляет список книг, желательных к приобретению для библиотеки; д) он дает посетителям читальни и подписчикам необходимые разъяснения и, по возможности, следит за правильностью выбора книг, особенно малолетними; е) по соглашению с заведующим (или правлением) взимает стоимость испорченной или утерянной книги с лица, кому

она была выдана; ж) вместе с заведующим он ведёт всё делопроизводство библиотеки.

§2. Каждая книга, выданная из библиотеки подписчику, записывается в особую тетрадь, где обозначается год, месяц и число выдачи, номер и название выданной книги (и фамилия автора); при сдаче книги обратно, библиотекарь делает отметку о возвращении в той же тетради.

§3. Библиотекарь ежегодно составляет отчёт о деятельности и состоянии библиотеки для предоставления учреждениям или лицам, на средства которых существует библиотека.

Приложение 5

Правила сельской библиотеки, составленные комитетом по устройству сельских библиотек и народных читален Харьковского общества распространения в народе грамотности

1. Книги выдаются для чтения на дом бесплатно, без залога и поручительства.

2. Одному подписчику за один раз выдаётся на дом не более одной книги.

3. Взятые книги нельзя держать более двух недель; если же подписчик пожелает оставить книгу у себя ещё на некоторое время, то должен спросить разрешения у библиотекаря.

4. Подписчик должен беречь взятые из библиотеки книги: не пачкать и не рвать их. За испорченную или потерянную книгу библиотекарь имеет право взыскать с подписчика столько, сколько книга стоит.

5. Подписчик, не исполняющий правил библиотеки, может быть лишён библиотекарем права брать книги для чтения на дом.

6. Библиотека закрыта: 5 января, 25 марта, последние три дня страстной недели, первые два дня Пасхи, 24 декабря и первые два дня рождества Христова. В воскресные, праздничные и высокаторжественные дни библиотека открывается лишь по окончании богослужения. Назначение дней и часов открытия библиотеки зависит от лиц, заведующих ею и объявляется для всеобщего сведения [137, с. 131-132].

**Форма ежегодного отчёта по библиотеке-читальне,
составленная комитетом по устройству
сельских библиотек и народных читален
Харьковского общества распространения
в народе грамотности**

Отчёт о деятельности N сельской библиотеки-читальни N волости
N уезда за 190_ год

С какого времени существует библиотека (год, месяц, число открытия).

1. Общее число подписчиков в течении года.

Взрослых (старше 17 лет) муж. —, жен. —.

Подростков (от 12 до 17 лет) муж. —, жен. —.

Малолетних (моложе 12 лет) муж. —, жен. —.

2. Из каких селений библиотека и читальня имеют подписчиков и посетителей и расстояния этих селений от библиотеки.

3. Число вновь поступивших подписчиков в течении года.

4. Из скольких семей, пользовавшихся в прошлом году библиотекою, в этом году никто не брал книг?

5. Число книг по отделам:

Название отдела	Духовно-нравственных	Исторических и библиографических	Географических и этнографич.	Естеств. и медицинских	Сельск. хоз. ремесло	Беллетристика	Обществоведение	Периодические издания
Число выдаваемых ТОМОВ								
Число изъятых из употребления (истрошенных) ТОМОВ								
всего:								

6. Сколько книг приобретено в течении года?

7. Были ли пожертвования книгами, журналами и газетами? Какие и кем?

8. Число выдаваемых в течении года книг по отделам.

9. Сколько книг за раз выдаётся на руки одному подписчику?

10. На какой срок выдаются книги?

11. Спрашивались ли книги, не имеющиеся в библиотеке, и какие именно?

12. Сколько книг считается пропавшими за отчётный год?
13. В какие месяцы, дни недели и часы открыта библиотека?
14. Общее число дней, когда была открыта библиотека (за отчётное время).
15. Какие сочинения и какие авторы, а также и периодические издания наиболее спрашиваются в библиотеке?
16. Были ли случаи практического применения прочитанного по сельскому хозяйству, ремеслу и медицине?
17. Собираются ли крестьяне вместе для чтения вслух книг и газет на дому или в читальне?
18. Где помещается библиотека?
19. Существует ли читальня?
20. Какие газеты и журналы выписываются читальнею?
21. В какие месяцы, дни недели и часы открыта читальня?
22. Общее число дней, когда была открыта читальня (за отчетное время).
23. Сколько посетителей в читальне бывает обыкновенно в день?
24. Кто посещает преимущественно читальню (взрослые, подростки, дети, мужчины, женщины).
25. Что больше читается в читальне: книги ли или периодические издания и какие именно?
26. Сумма ассигнований на библиотеки земством -
сельским сходом –
пожертвований –
27. Какую помощь оказывает сельское общество и окрестное население библиотеке натурою (сторож, дрова, освещение)?
28. Расходы библиотеки – на что и сколько?
29. Нет ли помощников при выдаче книг? Если есть, то имена, отчества, фамилии, сословие, занятие.
30. Существует ли при библиотеке правление?
31. Кто входит в его состав?
32. Сколько заседаний правления было в отчётном году?
33. Какие вопросы обсуждало правление и главные постановления?
34. Какие изменения и улучшения желательны, по вашему мнению, в устройстве и порядке библиотеки и читальни:

Отчёт составил:

Список справочно-библиографических изданий по бесплатным народным библиотекам-читальням 1906 г.

Почти все издания этого рода вышли ещё при действии правил 15 мая 1890 года, поэтому заключали в себе ограниченный подбор книг и с отменой правил 1890 года устарели. В виду этого, большая их часть здесь не приводится и упоминаются только те, которые, кроме каталогов, заключают примерные уставы и другие общие указания по учреждению и организации народных библиотек.

1. Как открывать и устраивать народные бесплатные библиотеки-читальни, школьные библиотеки и народные чтения. Издание Ярославского губернского земства. Ярославль. 1900.

2. Каталог народных библиотек, учреждаемых Киевским губернским земством. Киев. 1906. изд. Киевского губернского земства. Вып. 1. Составлена библиотека на сумму 115 рублей (609 томов).

3. Каталог народных школьных библиотек, предлагаемых книжным складом Лукьянского народного дома. Киев. 1906. Списки книг на 30, 50 и 100 рублей, допущенных к обращению в бесплатных народных читальнях и библиотеках народных школ.

4. Народные бесплатные библиотеки-читальни во Владимирской и порядок открытия их при материальной помощи губернского земства. Владимир на Клязьме. 1900. К изданию приложены: уставы библиотек; инструкции библиотекаря; формы: инвентарной книги, квитанционной книги, приходно-расходной книги, систематического каталога, карточки для выдачи книг, статистических сведений.

5. Руководство по устройству бесплатных народных библиотек и читален. С приложением узаконений, примерных каталогов от 25 рублей до 1000 рублей и с указанием разрешений Министерства народного просвещения для поименованных книг. Составлено комитетом по устройству сельских библиотек и народных читален (Харьковского общества распространения в народе грамотности). Изд. 4. Харьков. 1902. Цена каталога 15 копеек.

6. Сельским обывателям от совета общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (брошюрка с различными указаниями).

7. Справочная книжка об устройстве и ведении бесплатных народных библиотек, народных чтений и воскресных школ. Издание общества «Помощь» при Вологодской бесплатной библиотеке. Вологда. 1903. Цена 50 копеек.

8. Указания к устройству читален. Изд. Комитета грамотности, состоящего при Императорском Вольном Экономическом обществе. 3-е, дополненное издание. СПб. 1895. Цена 10 копеек.

9. Первое дополнение к третьему изданию «Указаний к устройству читален». СПб. 1897. Цена 10 копеек.

10. Что нужно делать, чтобы открыть читальню (Для губерний, в которых существуют земские учреждения). Издание С-Петербургского комитета грамотности, состоящего при И.В.Э.О. обществе. СПб. 1895.

11. Чем пополнить народные библиотеки по новому закону. Нижний Новгород. 1906. Цена 5 копеек. Содержание: 1. Циркуляр министра внутренних дел об отмене правил о народных библиотеках-читальнях. 2. Общие правила о публичных библиотеках. 3. Список наиболее общедоступных книжек и листов по очередным вопросам государственной и общественной жизни, на сумму 1 рублей 50 копеек. 4. Список общедоступных книжек для сельских и городских библиотек на сумму до 200 рублей по различным отделам [137, с. 134-135].

Приложение 8

Устав библиотеки для чтения книг

при Парабельском сельском училище Томского округа.
Утвержден 22.12. 1898 г. Томской городской думой [71, л. 6]

1. Назначение библиотеки.	В виду развития школьного образования и возникшей вследствие этого потребности к чтению, назначение библиотеки состоит в том, чтобы удовлетворить по возможности этой потребности и чрез то принести посильную пользу в деле народного развития
2. Условия пользования	Бесплатно
3. Порядок надзора за библиотекой	Надзор за библиотекой и за условием пользования книгами поручить местному учителю под наблюдением местного священника и волостного правления
4. Где именно будет находиться	В здании Парабельского сельского училища в селе Парабельском
5. На какие средства учреждается	На имеющийся капитал в размере 120 рублей 52 копеек, пожертвованный разными лицами в 1891 г.
6. Чем обеспечивается дальнейшее её существование	Ассигновкою на волостном сходе сумм в количестве 15 рублей ежегодно, кроме сего частной благотворительностью, и находятся лица, выразившие желание поддерживать дальнейшее её существование

Правила о народных библиотеках при низших учебных заведениях ведомства МНП. Утверждены 18 января 1904 года министром народного просвещения

1. Под народными библиотеками при низших учебных заведениях разумеются: а) те учительские и ученические библиотеки сих учебных заведений, которые предоставлены для общего пользования; б) особые библиотеки при тех же учебных заведениях, открываемые как в соединении с вышеупомянутыми учительскими и ученическими библиотеками, так и отдельно от них.

2. Означенные народные библиотеки могут быть учреждаемы учебным и другими ведомствами, земствами, общественными управлениями, попечительствами о народной трезвости, частными обществами и отдельными лицами.

3. Расходы по устройству и содержанию сего рода народных библиотек относятся на счёт их учредителей, причём, кроме того, на сей предмет могут быть назначаемы, по мере имеющихся средств, пособия из суммы, ассигнуемой ежегодно по смете Министерства народного просвещения на общие нужды народного образования в каждой губернии.

4. Означенные народные библиотеки открываются с согласия учредителей учебных заведений: а) при начальных училищах, подчиненных училищным советам, с разрешения уездных училищных советов, а при начальных училищах, подчинённых непосредственно дирекциям начальных училищ, и с разрешения инспекторов народных училищ; б) при городских по положению 1872 г. училищах и других низших учебных заведениях, не упомянутых в предыдущем пункте, — с разрешения директора народных училищ.

5. Заведование каждою народною библиотекою при низшем учебном заведении возлагается на одно из преподающих в нём лиц, желающих принять это поручение, тою же властью, которая разрешает открытие библиотеки. Предварительно возложение заведования библиотекою на известное лицо должно быть испрошено согласие на то местного губернатора. Заведующим библиотеками, при имеющихся на то средствах, может быть назначено за труды особое вознаграждение.

6. В народные библиотеки при низших учебных заведениях

могут быть приобретаемы только те книги и периодические издания, которые допущены вообще для народных библиотек и читален министерством народного просвещения.

Примечание 1. Сведения о таковых книгах и периодических изданиях печатаются в каталогах и повременных списках, издаваемых означенным министерством.

Примечание 2. В учительские и ученические библиотеки низших учебных заведений, открытые для общего пользования, книги и периодические издания приобретаются по правилам, установленным относительно библиотек этих низших учебных заведений.

7. В каждой библиотеке ведётся список имеющихся в ней книг и периодических изданий, с обозначением полного заглавия каждой книги и периодического издания, а также года и места напечатания, имени автора и издателя.

8. Выдача книг из библиотек при низших учебных заведениях производится лишь во внеклассное время, причём порядок выдачи книг устанавливается заведующим библиотекой, по согласованию с её учредителями. Чтение книг в самой библиотеке не разрешается. За пользование книгами из библиотеки может быть, по желанию учредителей, назначена плата, размер которой утверждается властью, разрешающей открытие библиотеки.

9. Общий надзор за народными библиотеками при низших учебных заведениях возлагается на директоров и инспекторов народных училищ. Губернатору принадлежит право во всякое время производить общую и внезапную ревизию библиотекам, а также устранять заведующего библиотекою и временно закрывать библиотеку, в случае обнаружения обстоятельств, противных общественному порядку и спокойствию [323, с. 66].

Приложение 10

Из истории Падунской церковно-приходской школы Ялуторовского округа Тобольской губернии [143, с. 357-360]

15 января 1889 года в частном доме, нанятом на средства крестьян, не дожидаясь строительства специального здания, прозвучал первый звонок для 35 падунских детей. Занятия приходилось проводить в страшной тесноте, да и владельцы дома вскоре стали с неудовольствием поглядывать на арендаторов. В начале 1890 года состоялся общественный сход в деревне Падун

по вопросу о строительстве школы. Приглашённый местный священник отец Иоанн Мефодиев и староста Хорзов настаивали на необходимости возведения нового учебного заведения в деревне, но крестьяне «по крайней своей бедности» отказывались начинать строительство. Помочь жителям деревни Падун Заводоуковской волости решил владелец винокуренного завода действительный статский советник А.Ф. Поклевский-Козелл, к которому уже неоднократно обращался местный священник. Для начала он выкупил у тех же крестьян удобное место, затем выделил весь строительный материал, который хранился при заводе – кирпич для фундамента и печей, лес, известь, стекло. Весь этот материал и место обошлись меценату в 1000 рублей. Заранее, по просьбе Альфонса Фомича, был выполнен план и эскиз будущей школы. 23 января 1890 г. В. Смоленский представил на суд падунских мужиков свой чертёж, на котором школьное деревянное здание напоминало резной теремок с небольшими башенками по бокам. Здесь же предполагалось устроить квартиру для учительницы. Архитектор решил, что здание будет возведено на каменном фундаменте, покрыто тёсом, внутри сложены 4 печи. Снаружи школа и надворные постройки должны обнести красивой оградой.

К началу сентября подрядчик крестьянин Дмитрий Новиков закончил кладку фундамента и приступил к установке на него срубленного здания. Нанятые столяры к этому времени закончили изготовление оконных рам и наличников, всего за постройку было «ряжено» 600 рублей. Из них 300 ожидалось получить из Епархиального училищного совета, 200 – по решению Епархиального начальства из свободных церковных сумм и 100 рублей священник Иоанн Мефодиев надеялся собрать по подписке у служащих завода Поклевского-Козелл. Хотя решение о строительстве школы было принято ещё в январе, но обещанные из Тобольска деньги не пришли и в конце осени. Священник, под чьим непосредственным руководством шло строительство, не зная как расплачиваться с рабочими, залез в долги. Поэтому благочинный Суерского прихода священник Николай Лапин 7 ноября 1890 г. отправил письмо ректору семинарии в Тобольске. «На Ваше благосклонное внимание прилагаю письмо ко мне священника Иоанна Мефодиева. В нём он высказывает причины, которые побудили его открыть в деревне Падунской школу. Здесь обучается 30 детей пока в наёмной, тесной, неудобной квартире. Но скоро они перейдут в удобную, просторную и хорошую

собственную школу. С этой стороны дело хорошо, но с финансовой стороны дело весьма в неприглядном положении. Будьте, ради Бога, добры отец Ректор. Помогите человеку выйти из затруднительного положения. Сделайте милость – благословите выслать на Падунскую школу 300 рублей. Добрейший отец Ректор! От вас зависит помочь нам выпутаться из неловкого, весьма неприглядного положения. Так помогите же ради Христа, утешьте мятеж душ наших». В ответ на это умоляющее письмо 10 декабря наконец-то пришли долгожданные деньги, Мефодиев расплатился со всеми и ненадолго успокоился. Весной 1892 г. решено было превратить Падунскую церковь-школу в образцовую. Для этого планировалось сделать прируб к школьному зданию алтаря, рядом выстроить амбар, погреб с надпогребником, конюшню с коровником и ограду. На все постройки требовалось 200 рублей. Но Епархиальное начальство не видело в таких преобразованиях и тратах особой нужды. После того, как в 1895 году с восточной стороны сделали пристрой для церковного алтаря, школа стала именоваться церковно-приходской.

Осуществление мечты отца Иоанна стало возможным благодаря пожертвованию Березовского купца Федора Николаевича Карпова. Летом 1897 г. он передал Падунской церкви-школе 300 рублей с тем условием, чтобы на эти деньги была пристроена к старому зданию новая классная комната, а настоящая отдана исключительно для молящихся. От неудобства и тесноты страдали прихожане, школьники. Перед началом службы парты выносили из класса, что отрицательно сказывалось на её сохранности. К тому же, «святость храма» нарушалась шалостями детей.

Священник Владимир Гусев, сменивший к тому времени Мефодиева, попросил выслать из Совета всего 150 рублей на перестройку школы. Теперь Тобольский епархиальный училищный совет откликнулся почти сразу же и в ноябре 1898 г. комиссия, состоящая из Ялуторовского уездного наблюдателя священника Константина Гусева, нескольких духовных и светских лиц, приняла готовую пристройку. Они отметили, что здание устроено из леса, отпущенного Министерством государственных имуществ бесплатно, кирпич на фундамент пожертвован инженер-механиком Павлом Васильевичем Ивановским в количестве 25000. Стоимость всей постройки обошлась в 520 рублей, не считая леса и кирпича. Из них 305 рублей пожертвовано было Березовским купцом (ныне

умершим), Ф.Н. Карповым, 100 рублей получено от Тобольского епархиального училищного совета, 90 рублей из капитала завещанного бывшим священником Иоанном Мефодиевым и 15 рублей из церковных сумм.

Вот что писали в епархиальной печати об этом событии: «Открытая теперь церковь-школа даст возможность Падунскому населению и населению окружающих деревень удовлетворить свои лучшие душевные потребности, а детей своих воспитать в религиозно-нравственном направлении. А что потребность в этом воспитании велика в населении, видно из того, что в ладунской церкви-школе нынче обучается 72 человека, 40 девочек и 32 мальчика при двух учительницах.

Освящение церкви прошло при полном благолепии: участие в освящении большого (по-сельски) количества духовных лиц; довольно стройное пение хора Заводоуковской церкви, возвышающая душу обстановка освящения привлекли многочисленное собрание молящихся. Несмотря на продолжительность службы и тесноту, не заметно было ни малейшего желания со стороны молящихся оставить храм; напротив, кажется, с каждой минутой становилось всё теснее. При этом можно было наблюдать полнейший порядок, поддерживаемый самими молящимися, благодаря возвышенному настроению».

Учителя проводили при школе воскресные чтения под руководством священника, заведующего школой. На таких занятиях обычно разъясняли воскресное евангелие, жития святых и разные статьи религиозно-нравственного, исторического и бытового содержания. Порядок и краткое описание чтений записывались в особые книги. Все учащиеся школы в обязательном порядке должны были посещать чтения после занятий, часто деля скамью с родителями. Неграмотные селяне охотно шли послушать специально подготовленные выступления о деяниях святых и выдающихся личностях прошлого, пользе здорового образа жизни, применении новых сельскохозяйственных машин и орудий. Чаще всего на воскресные чтения собиралось от 10 до 60 человек в зависимости от времени года.

Первыми учителями при Падунской одноклассной смешанной церковно-приходской школе были Николай Александрович Михайлов и его жена Надежда Ивановна. В документах встречается и другая их фамилия, которая несколько раз писалась в скобках — Максимовы. Николай Александрович, выпускник

Омской учительской семинарии, был принят на должность учителя при Падунской школе в сентября 1891 года. В этом нелёгком деле ему помогала жена, Надежда Ивановна, бывшая Григорьева. До того как стать педагогом, она прошла курс в Тюменской четырёхклассной женской прогимназии и 15 октября 1889 года приступила к обязанностям учительницы в только что открытой Падунской школе. Учителя занимались с детьми и из других деревень прихода, где не имелось своих школ. Результаты правильно поставленного педагогического процесса отразились на высокой успеваемости школьников. При очередной проверке благочинным Ялуторовского уезда в 1892 году была составлена такая запись: «Из преподавателей при Падунской школе был священник Мефодиев и учительница Григорьева, а учителя Михайлова в школе не было из-за болезни. Со стороны учительницы Григорьевой была усмотрена особенная энергия, умственность к занятию с детьми в методе обучения и обращения с ними». Весной 1895 г. «за усердное отношение к делу церковно-народного образования и полезную деятельность по благоустройению церковно-приходских школ» учителю Падунской церковно-приходской школы Николаю Михайлову преподано Архипастырское благословение с выдачею установленной грамоты».

Осенью 1895 г. Михайловых сменили сёстры Никольские, Калерия и Зинаида. Дочери священника, они закончили курс Тобольского епархиального женского училища и посвятили свою жизнь воспитанию подрастающего поколения. Учительская династия Никольских надолго оставила свой след в истории народного образования села. Место уехавшей Зинаиды заняла сначала Евдокия, а затем Ольга и Екатерина.

Сохранились воспоминания Калерии Владимировны Никольской (1877-1974) о том, как она начинала свою трудовую деятельность в церковно-приходской сельской Падунской школе. «16 летней девушкой приехала я в с. Головинское, бывшее тогда Курганского уезда, учить крестьянских детей. Через год, в конце 1895, перевели в Падун, где школа размещалась в одном здании с церковью.

В Падуне до 1917 г. жили не лучше, чем и везде. Мало радостного и весёлого оставили в памяти эти годы. Интеллигенцию села представляли священник, дьячок, сельский писарь, становой пристав, школой руководил священник. Школа помещалась в одном здании с церковью. Не было наглядных пособий, учебников,

письменных принадлежностей. Писали на грифельных досках, которые приходилось графить целый вечер. Потянулись тусклые дни деревенской жизни. Заведовал школой священник, которому приходилось подчиняться. Невозможно было его послушаться – потерять место работы – разрушить давнишнюю мечту – нести людям свет и знания. Работа проходила под строгим надзором священника и пристава. Думала тогда только об одном – крестьянские дети должны учиться. Крепкие нервы надо было иметь, подлинное мужество, чтобы не пасть духом в годы бесправия при царизме. В то время не каждый ребенок мог учиться. Сколько погибало народных талантов! Всё оттого, что не обязывали учиться. Училось детей очень мало, всё больше дети интеллигентов. Родители детей отбирали из школы, как только ребёнок войдет во вкус науки и заставляли мальчиков работать за плугом, а девочек садили за прялки. Очень редко удавалось уговорить родителей, чтобы те разрешили детям учиться дальше. Бесплатно занималась со счастливыми детьми, готовила их к экзаменам и потом сама отвозила лучших в Ялutorовскую прогимназию. Закончив там курс, бывшие ученики сами начинали работать учителями».

Количество учащихся в Падунской церковно-приходской школе

	1889 г.	1891 г.	1897 г.	1908 г.	1913 г.
Мальчиков		54	32	40	58
Девочек		30	40	44	43
всего:	35	84	72	84	101

Содержалась церковно-приходская школа на средства Тобольской Епархии, кроме того, выделялись значительные суммы и из Падунской общины.

Список сокращенных слов

Автореф.	Автореферат
ГАОО области	Государственный архив Омской области
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГУ ГАТО	Государственное учреждение Государственный архив Тюменской области
ГУТО ГА в г. Тобольске	Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ЗКМ	Законоуковский краеведческий музей Тюменской области
Л.	Лист
К.и.н.	Кандидат исторических наук
МВД	Министерство внутренних дел
МГИ	Министерство земледелия и государственных имуществ
МНОТО	Музей народного образования Тюменской области
МНП	Министерство народного просвещения
МОСХ	Московское общество сельского хозяйства
Оп.	Опись
С.	Страница
Св. Синод	Святейший Синод
ТГИАМЗ	Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГПИ	Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева
Указ. соч.	Указанное сочинение
Ф.	фонд

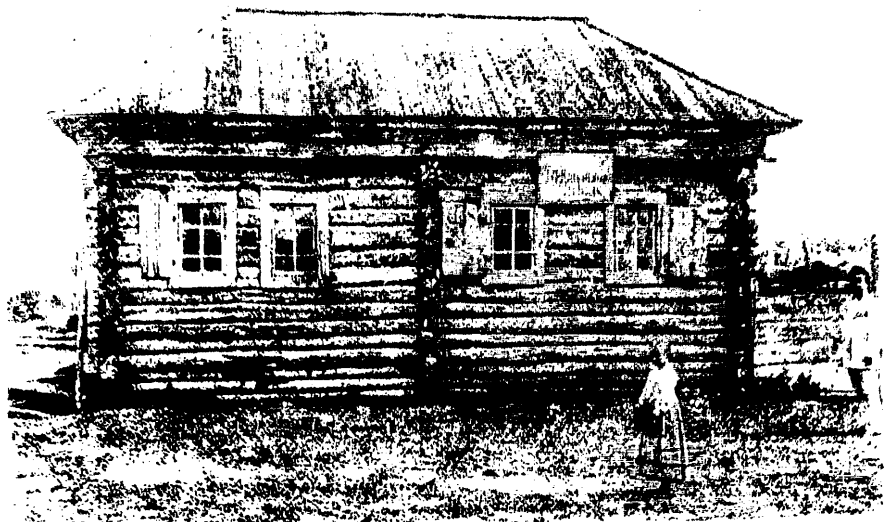
Именной указатель

- Абакшин И.Н.
Авилов В.В.
Аганов М.С.
Айдарова О.
Акимов В.В.
Алтайский П.
Амброз М.
Анастасиев А.
Андреева О.В.
Андронников И.А.
Анисимов И.В.
Анцеров Н.П.
Аристархов
Афанасиев И.
Бакулина Т.И.
Балакшин А.
Балюк Н.А.
Бдулев Л.
Беллюсов К.
Белоножко Ю.А.
Березницкий И.И.
Блинов А.В.
Богданович С.С.
Богословский Е.
Бонифатьева Г.Т.
Бревнова Н. Н.
Бринкенгоф Л.
Брокгауз Ф.А.
Бузанова В.А.
Букин А.Ф.
Бурлин
Бычин Б.П.
Варлаам
Васильев А.П.
Васьков К.Н.
Вахтеров В.
Вдовин
Венцель Н.И.
Вессель Н.Х.
Вилинг
Вирен Н.И.
Водяников М.А.
Волкова В.Н.
Вольфсон Д.
Гизей Ю.Ю.
Головин Н.
Головин П.Д.
Голубева
Гончарова Т.А.
Горелова Ю.Р.
Горохов П.
Грамматин А.
Гржегоржевский О.В.
Грифцев Н.
Гришин Т.Е.
Гуляев А.
Гурин Д.П.
Двигянинова
Дикс О.
Дмитриев-Садовников Г.М.
Добровольский
Доманская О.В.
Екимов Я.
Ермачкова Е.П.
Железнякова Ю.
Зайков Ф.
Зайцева Л.Ю.
Земцов В.Т.
Зеневич Р.Л.
Златомрежев
Иванов Н.С.
Игнатьев И.Д.
Инфантьева А.
Казнаков Н.Г.
Кайдалова З.П.
Камынин В.Д.
Карпов Н.Т.
Касьян А.К.
Кевлич С.М.
Кирдяшкин И.В.
Киселева Т.Д.
Клюсова А.
Козлова В.Л.
Козырев А.В.

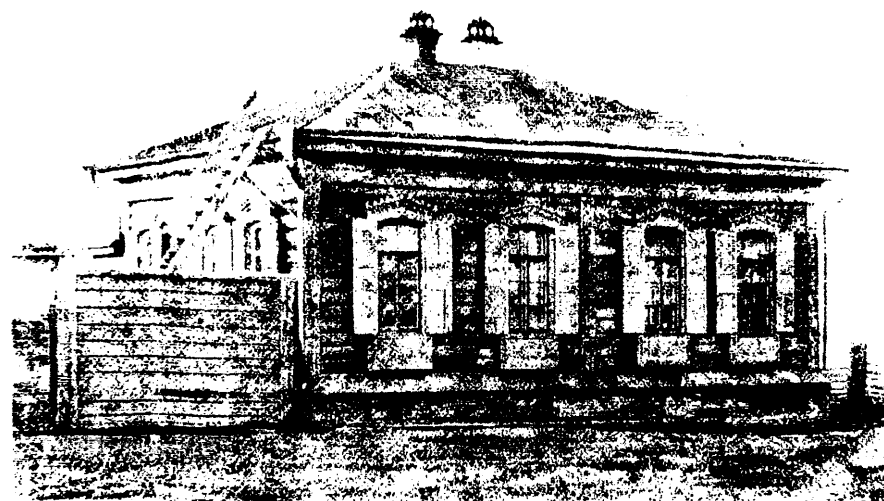
Колмаков К.С.
Колмакова М.
Колосов И.И.
Колосов Н.
Коновалова Е.Н.
Коньков Н.Л.
Короваева А.
Коровин А.С.
Королев
Костенков П.П.
Костюрина М.
Косых Е.Н.
Котельникова Ю.
Кочетов
Кремнев Д.Д.
Кружинов В.М.,
Кузнецов В.Н.
Кузнецов Д.В.
Куломзин А.Н.
Купенский Г.О.
Куприянов А.И.
Кучумов П.
Лапшин И.
Лапшов И.
Латышева Д.И.
Либин В.
Линевич Л.Ф.
Лушихин Н.В.
Лысов А.П.
Макарий
Максимова Е.
Макушин П.И.
Маляревский Г.Я.
Матвеев Д.А.
Медведева Е.
Мезенцев
Менделеев Д.И.
Меншиков И.С.
Милованова М.А.
Миловидов Д.А.
Миловская М.В.
Миловский В.К.
Миненко Н.А.
Миропольский С.

Можаяев И.
Мясников Б.И.
Назаров Г.Я.
Неводчиков И.
Невский И.
Недосекин А.К.
Нечай А.
Никулин Н.
Новиков И.Н.
Новомбергский Н.
Носов И.Н.
Оболтин Е.П.
Овчинников В.А.
Ольденбург Ф.Ф.
Орлова И.В.
Охранов А.Г.
Палопеженцев Н.И.
Панишев Е.А.
Панова Т.А.
Патканов С.К.
Первова В.Х.
Пермина Т.
Петров Т.
Пивинский Э.Д.Ф.
Пискунова А.
Победоносцев К.
Повод Н.А.
Поклевский-Козелл А.Ф.
Полуэктов М.Е.
Поляков К.М.
Полякова Е.А.
Поникаровский
Попов А.
Попов Е.М.
Попов И.
Попова И.П.
Поспелов В.Т.
Постникова
Прибыльский Ю.П.
Пронин В.И.
Прусская Е.
Пугачева Н.М.
Пяткова
Расова Н.М.

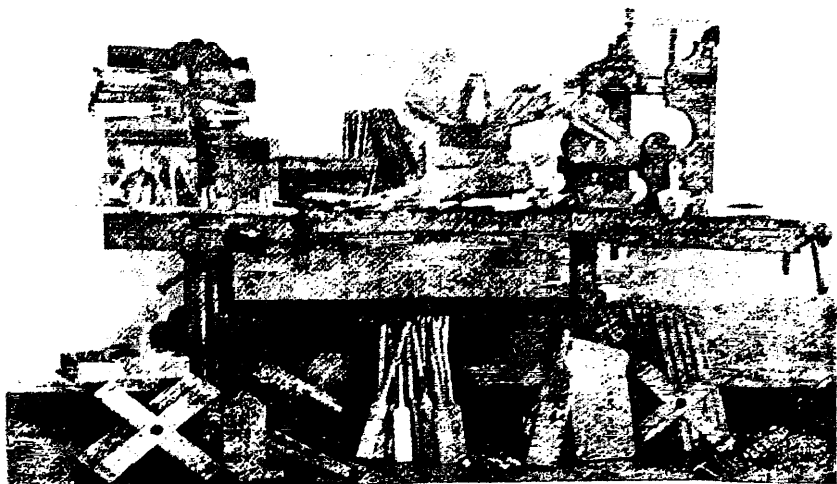
Редикульцева (Баландина) А.И.
Резанцев Е.
Рейнке
Романова (Прибыльская) Т.В.
Рощевская Л.П.
Румянцев В.
Румянцев П.
Русанова Л.
Савченкова Т.П.
Свирипова У.
Севостьянов А.А.
Седельникова
Сент Илер К.К.
Серохвостов В.
Силина А.
Сильверстов А.
Скалозубов Н.Л.
Скачкова Г.К.
Скобелев К.В.
Сковородина И.С.
Славский К.Е.
Смолин А.
Смыслова С.Л.
Сокова Е.Д.
Соколов Е.Ф.
Сокульский
Солодова Т.И.
Сосинская М.
Софронов В.Ю.
Спасский А.
Сперанский К.
Струминский В.Я.
Сулимов В.В.
Сулоцкий А.И.
Сулова Л.Н.
Сусункова Т.С.
Сыромятников А.А.
Тавастшерн А.
Темплинг В.Я.
Тройницкий В.А.
Тутолмина Ф.И.
Удальцова Е.И.
Удальякой А.
Узембло А.В.
Укусникова
Ульянова А.Н.
Усков Д.В.
Ушаков В.
Ушинский К.Д.
Флоровский С.Н.
Фридолин С.П.
Фурсова Е.Ф.
Хавский К.В.
Хазиахметов Э.Ш.
Хомутов М.
Хрущев М.
Чеботарев
Челемов А.
Червякова Е.М.
Черновский
Чернолуцкий В.И.
Черноморченко С.И.
Ческидова И.Н.
Чириков Г.
Чистосердов К.А.
Чукмасов Д.А.
Шалабанов А.
Шамахов Ф.Ф.
Шинджикашвили Д.М.
Шпер
Эфрон И.А.
Юрцовский Н.С.
Ядринцев Н.М.
Яковлев П.В.



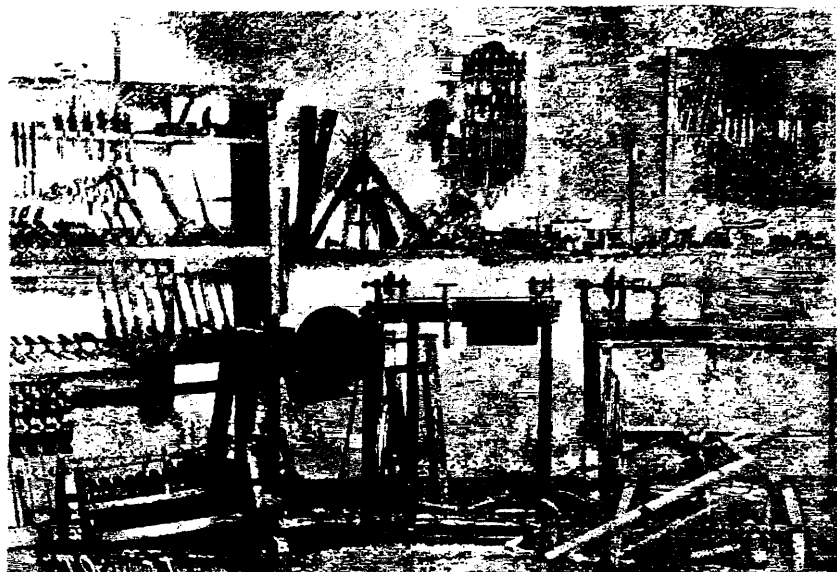
**Здание Битенского сельского приходского училища.
Тобольская губерния. 1897**



**Кулаковское сельское училище Тюменского округа
Тобольской губернии. 1897**



Поделки учащихся Кулаковского сельского училища. 1899



**Инструменты мастерской ручного труда
Кулаковского сельского училища. 1895**



Курсы сельского хозяйства при Соколовской школе. Начало XX вв.



Выпуск Тобольской фельдшерской школы. 1901



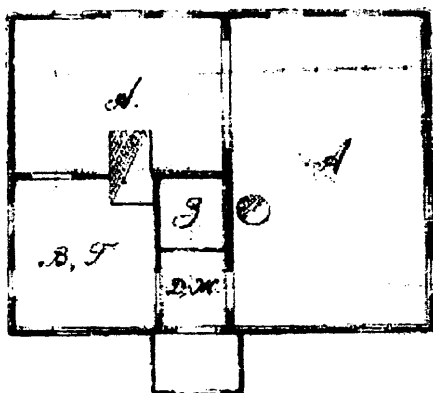
Мастерская сельскохозяйственных орудий и машин И.С. Зырянова. Курган. 1901



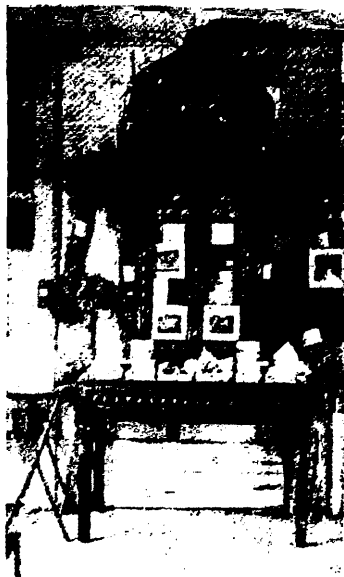
Баженовская сельская лечебница Тюкалинского уезда Тобольской губернии. 1912



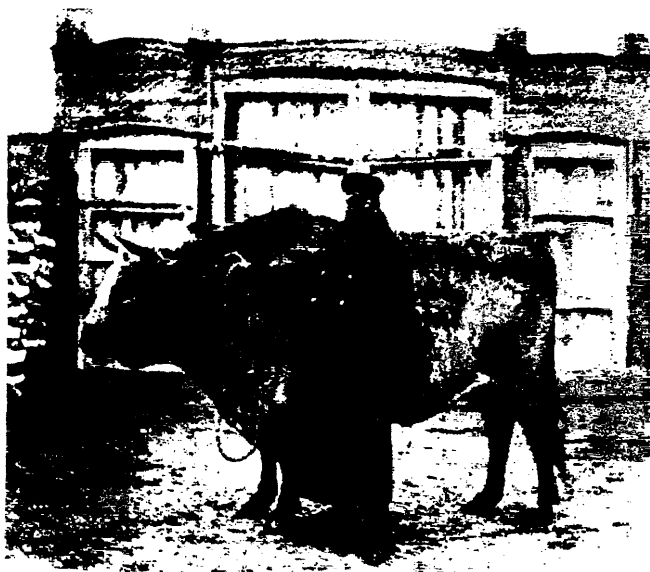
Учительница одноклассной церковно-приходской школы
села Сосновского Ялуторовского уезда
Тобольской губернии Евдокия Ивановна Удальцова. 1906



План Новозаймского министерского сельского училища
Ялуторовского уезда Тобольской губернии. 1893
(А – классные комнаты, В, Г – кухня, комната сторожа,
З – кладовая, Д, Ж. – прихожая, сени)



**Экспонаты Курганской сельскохозяйственной выставки.
1895**



**Крестьянин Тобольской губернии с быком мясной породы
на Курганской сельскохозяйственной выставке. 1895**



Учительница Падунской церковно-приходской школы
Ялutorовского уезда Тобольской губернии
Калерия Владимировна Никольская. Начало XX в.

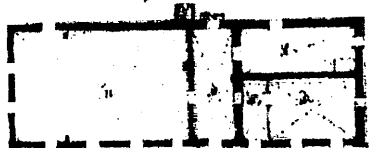
Падунское училище



Церковь каменоловская

Училища

Вид с юго-запада



- Училища
- 1. К. - Ялutorов
 - 2. - Ялutorов
 - 3. - Ялutorов
 - 4. - Ялutorов
 - 5. - Ялutorов
 - 6. - Ялutorов
 - 7. - Ялutorов
 - 8. - Ялutorов



**Семья Ялуторовского агронома, издателя газеты
«Крестьянская жизнь», купца Кирьяка Степановича
Колмакова. Тюмень. Начало XX в.**



Здание первого в Зауралье Заводоуковского школьного музея. Ялуторовский уезд. 1895



Здание сельской Новозаймской больницы Ялуторовского уезда. 1897

научное издание

**ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ
В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ
(1861-1913 гг.)**

Монография

Елена Петровна Ермачкова

Технический редактор Е.П. Горохова
Компьютерная вёрстка Е.П. Горохова
Печать Т.Г. Вереникина

Заказ №345 Подписано в печать

Объём 11,16 усл.печ.л.

Бумага офсетная. Формат 60x84/16

Тираж 300 экз. (1 завод – 100 экз.)

Гарнитура «Times». Ризография

Издательство Ишимского государственного педагогического института
им. П.П. Ершова
627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Ленина, 1